МИХ. РОЗЕНФЕЛЬД

ЛЕДЯНЫЕ НОЧИ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ · 1934

Мих. Розенфельд

Ледяные ночи

Документальный рассказ журналиста, участника необычайного путешествия в зимнюю Арктику

Второе издание

Молодая гвардия ★ 1934

Книга М. Розенфельда „Ледяные ночи“ — яркая эпопея героической работы ЭПРОН по спасению краснознаменного ледокола „Малыгин“. Автор красочно и убедительно показывает в книге Арктику, ее стихийные силы и беспримерную борьбу большевиков с ее суровой природой.

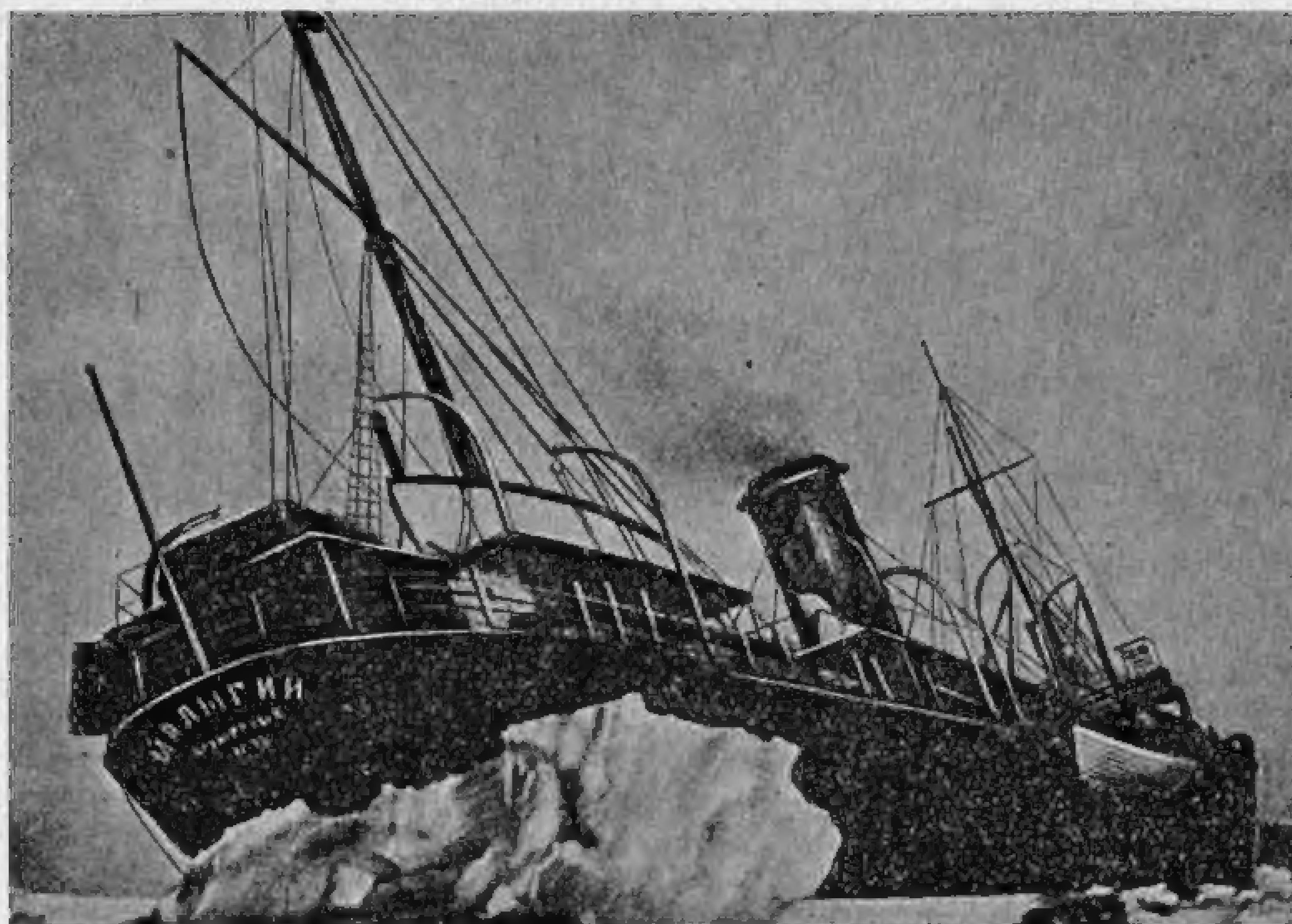
Редактор Н. Родионов
Техред Т. Зильберов
Обложка худ. Е. Перникова

Сдано в производство 14/X-34 г. Подписано к печати 22/X-34 г. МГ 4444. Формат 72×105 1/32. 5 1/2 печ. л. 7,79 авт. л. Уполном. Главлита Б-39519. Зак. 2904. Тираж 50 000. 17-я фабр. нацкниги Огиз'а РСФСР треста „Полиграфкнига“. Москва, Шлюзовая набережная, 10.

В последний раз мы перекликались полярной ночью. В Айсфиорде, на Шпицбергене, я получил радио дорогого друга — неистового путешественника-журналиста Коли Тома. В те дни, когда спасали „Малыгина", он ходил на „Красине" к Новой земле, за терпевшими бедствия зимовщиками.

Вернувшись из блестящего зимнего рейса, летом Коля погиб на посту во время трансарктической авиоэкспедиции.

Памяти большого комсомольского газетчика, дружбой с которым буду гордиться всю жизнь, памяти Коли Тома (Н. Кабанова) посвящается эта хроника.

Краснознаменный ледокол „Малыгин", потерпевший аварию у берегов Шпицбергена.

Пролог

Небывалый полярный рейс и авария „Малыгина“

В начале декабря, поздним вечером, я сидел в кабинете редактора информации Ефима Владимировича Бабушкина. Под зеленым абажуром настольной лампы Бабушкин перебирал листы телеграмм ТАСС. Он бегло просматривал страницы и, бормоча сквозь сжатые губы «ин-тересно», бросал их в корзину. Телеграммы, переполняя корзину, с тихим шелестом вываливались на пол.

Но вот Бабушкин что-то задержался. Он пододвинул лампу, медленно прочел листок и... ничего не сказал.

Он не выбросил телеграмму и протянул ее мне:

— Наконец-то настоящий материал.

Я прочел и сильно взволновался. Телеграмма сообщала о небывалом рейсе в Арктику. Раз'ездной корреспондент — автор настоящей хроники — был вне себя оттого, что пропустил интереснейшую экспедицию. Вот что сообщал ТАСС:

„Ночной рейс двух ледоколов

В ближайшие дни из Архангельска на Шпицберген отправляются ледоколы «Малыгин» и «Седов». Ледоколы повезут рабочих и грузы на советские угольные концессии в Баренцбург. Никогда еще в истории полярного мореплавания не было случая, чтобы на Шпицберген совершались рейсы зимой. Полярная ночь делает этот рейс исключительно трудным. Как известно, по международным законам навигация в полярном сек-

торе прекращается с 15 октября до 15 мая. Ночной рейс совершается впервые. «Седова» ведет опытный полярный капитан Швецов; на «Малыгине» капитан Филатов, — он несколько раз руководил походами на Шпицберген. Все это дает уверенность в том, что оба ледокола успешно закончат трудный рейс и благополучно дойдут до берегов Шпицбергена».

Спустя несколько дней в том же кабинете мы читали сообщение о выходе ледоколов из Архангельска.

«Малыгин» — знаменитый краснознаменный ледокол. Я вспомнил замечательную историю славного корабля. Двадцать лет насчитывает это судно, ставшее известным всему миру. Двадцать лет назад со стапелей английской верфи в Глазго сошел мощный ледокол «Брюс» с машиной в 2 800 лошадиных сил. Он ходил между Гудзоновым заливом и Канадой. В августе 1915 года его купили для России. Он прибыл в Архангельск и был назван «Соловей Будимирович». В 1920 году под командой капитана Рекстона он совершил дрейф во льдах; его угнало на тысячу миль от материка, пронесло через Карские ворота, и он бы погиб, е ли бы не подоспела помощь «Красина» и ледореза «Литке».

«Малыгин» проводил к Оби и Енисею караваны Карской экспедиции, а в 1928 году он был послан правительством в экспедицию по спасению экипажа дирижабля Нобиле «Италия». Он зашел севернее 79-й параллели и вел поиски у острова Надежды, в восточной части Шпицбергена. В 1931 году я участвовал в путешествии на Землю Франца-Иосифа. Легко и смело «Малыгин» в шесть суток достиг острова Гукера архипелага Земли Франца-Иосифа; сквозь туманы, неисследованными, неизвестными проливами он пробился к самой последней земле перед полюсом — к острову кронпринца Рудольфа.

Гудки «Малыгина» ликовали у пристани советских зимовщиков. С палубы «Малыгина» мы открыли таинственные острова моря королевы Виктории, в Карском

море крошили бурый лед, занесенный с Оби и Енисея неслись в шторме у берегов Новой земли, под незаходящим солнцем летней Арктики прошли Маточкин Шар и со шкурами белых медведей на вантах вернулись к зеленым берегам, к жаркому летнему солнцу «большой земли», как называют полярники материк.

Вполне естественно, что я с интересом следил за газетными сообщениями о походе знаменитого корабля. Но вскоре и вся страна с волнением читала радио с берегов Шпицбергена.

Без изменения мы даем эти сообщения, ежедневно публиковавшиеся в газетах. Они лучше всего расскажут об исключительном, дерзком походе и о трагической аварии.

Во тьме Ледовитого океана

4 января

21 декабря ледоколы «Малыгин» и «Седов» вышли из Мурманска на Шпицберген. Они шли в темноте полярной ночи. 29 декабря «Малыгин», находясь вблизи Грингарбургского залива, попал на подводные камни, получив несколько пробоин. Вода стала заливать машинное отделение и каюты. Во избежание взрыва котлы были погашены. «Седов», следовавший за «Малыгиным», снял малыгинских пассажиров и перевез их на берег.

Наготове мощный ледокол «Ленин», который по первому сообщению «Седова» выйдет на помощь «Малыгину».

В последнюю минуту

5 января

В двенадцать часов дня из Архангельска к острову Шпицбергену вышел мощный ледокол «Ленин» для оказания помощи «Малыгину».

Утреннее сообщение

7 января

На Северном Полярном море, у острова Шпицбергена, свирепствует шторм. Ледокол «Малыгин» заливает водой. Команда ледокола вынуждена оставить судно, высадившись на берег.

Вышедший 5 января на помощь «Малыгину» ледокол «Ленин» сейчас находится в пути. 8—9-го «Ленин» должен подойти к «Малыгину».

Сегодня по радио Наркомвод запросил, нужно ли, кроме «Ленина», послать еще спасательный буксир «Руслан».

В последнюю минуту

7 января

Вместе с ледоколом «Ленин» на помощь «Малыгину» послан спасательный буксир «Руслан», обладающий водоотливными средствами.

На помощь ледоколу „Малыгин"

11 января

Из Ленинграда телеграфируют: «Вышедшие на помощь «Малыгину» ледокол «Ленин» и спасательный буксир «Руслан» успешно продвигаются вперед. Завтра они должны подойти к «Малыгину». Погода в районе аварии сейчас благоприятствует спасательным работам. Там около 0°. Ветер слаб».

15 января

«Ленин» и «Руслан» вчера в 4 часа 30 минут прибыли к месту аварии ледокола «Малыгин». Команды судов приступили к работам по спасению «Малыгина».

Ледокол „Малыгин" будет спасен

19 января

Вчера ночью «Ленин» должен был взять на буксир «Малыгина».

Капитан «Ленина» сообщает, что откачка воды из трюмов ледокола начата в одиннадцать часов ночи.

«Если погода сильно не помешает, — сообщает командир «Ленина», — полагаю, что сегодня ночью могу взять «Малыгина» на буксир».

Положение „Малыгина" ухудшилось

21 января

Ледокол «Малыгин» в прежнем положении. Капитан «Ленина» т. Печуро сообщает по радио, что последние две электропомпы выбыли из строя.

Вода прибывает.

«Руслан» прекратил работу, так как угля имеется всего на сутки. «Руслан» возобновит спасение «Малыгина» после того, как наберет уголь.

Ледокол «Ленин» попрежнему находится возле «Малыгина», но близко подойти к нему не может.

„Малыгин" лежит на камнях

25 января

Командир ледокола «Ленин» т. Печуро, ответственный за спасение «Малыгина», сообщает подробности о положении ледокола:

«Малыгин» от середины до кормы лежит на камнях и ударяется из-за большой зыби о подводные скалы. «Ленин» ближе, чем на триста метров, подойти к «Малыгину» не может».

31 января

Капитан Печуро сообщает:

«При невероятно трудных условиях работы спасательная экспедиция добилась пуска насоса на «Малыгине». Казалось бы, что положение постепенно стало поправляться, но из-за бури «Малыгин» ударился о грунт, вследствие чего появились новые значительные повреждения.

«Малыгин» имеет крен на левый борт в 23 градуса. Волны перекатываются через палубу».

4 февраля

Положение «Малыгина» резко ухудшилось. Вся бухта Айсфиорда покрыта движущимися льдами.

Капитан ледокола «Малыгин» Филатов в последней радиограмме сообщает, что весь инвентарь, снятый с «Малыгина», перевезен на ледокол «Ленин».

Команда «Малыгина» также переведена на «Ленин».

Как спасти „Малыгина"

— Как спасти «Малыгина»? — с таким вопросом обратились представители печати к начальнику управления морского флота Северного бассейна т. Э. Ф. Крастину.

— Героические усилия команд ледокола «Ленин» и спасательного парохода «Руслан», к сожалению, не увенчались успехом, — сказал т. Крастин.

— В результате двенадцатидневной работы удалось откачать кормовой трюм, машину и кормовую кочегарку и ввести в действие собственные помпы «Малыгина».

Однако чрезвычайно неблагоприятные метеорологические условия (штормовые ветры и полярная ночь) и окончательный выход из строя электропомп «Руслана» не дали возможности откачать носовой трюм. В результате снять «Малыгина» с камней не удалось.

То, что «Малыгин» получил некоторую пловучесть, даже несколько ухудшило его положение, так как теперь судно ударяется о каменистый грунт и имеется некоторая деформация корпуса «Малыгина».

Техническое совещание на месте аварии решило работы по спасению «Малыгина» прекратить.

Сейчас практически возможны два выхода: либо взамен «Руслана», у которого выбыли из строя электропомпы, послать в помощь «Ленину» другое спасательное судно с небольшой осадкой и мощными водоотливными средствами, либо затопить освобожденные

теперь от воды кормовой трюм и кочегарку, с тем чтобы «Малыгин» осел на дно и оставался в таком положении до весны.

Вопрос о продолжении спасательных работ будет окончательно решен в Москве Наркомводом.

*

Шесть дней прошло в неизвестности. По всему можно было понять, что спасение «Малыгина» отложено до лета. Спасательные работы зимой в Арктике полярной ночью — дело неслыханное (чем и об'ясняется неудача экспедиции). Спасти зимой судно невозможно, и если льды не раздавят «Малыгина», то при первых же теплых днях на Шпицберген отправится новая экспедиция.

Но однажды январским вечером, сидя в кабинете редактора информации Бабушкина, я с изумлением прочел телеграмму:

„Новая экспедиция по спасению „Малыгина"

Наркомвод решил отправить новую экспедицию на Шпицберген для спасения „Малыгина". На-днях из Мурманска на возвращающемся со Шпицбергена ледоколе „Седов" к месту аварии „Малыгина" отправится экспедиция с мощными техническими средствами и лучшими водолазами Советского союза. Дело спасения „Малыгина" поручено ЭПРОН (краснознаменная Экспедиция подводных работ особого назначения). В состав экспедиции входят также находящиеся на Шпицбергене ледокол „Ленин" и спасательный буксир „Руслан". Руководителем экспедиции назначен начальник главного управления ЭПРОН т. Ф. И. КРЫЛОВ".

— Ну, что вы думаете? — покачиваясь на кресле, спросил Бабушкин.

Я растерянно пожал плечами.

— Надо думать, — сказал Бабушкин, — что вы успеете отправиться вместе с этой экспедицией. О-о, конечно успеете, — посмотрел он на часы, — уйма времени. «Красная стрела» уходит через два часа, завтра вы в Ленинграде, и завтра же по телефону я получаю самую подробную информацию.

Бабушкин склонился над ворохом бумаг, произнес «ин-тересно», но голос его звучал необычно...

На следующий день из Ленинграда я передавал по телефону информацию:

„На-днях мы покинем материк

В окне — зимняя Нева.

Белая Нева сливается с белым небом, и кажется, что тот берег повис, как растянувшееся облако, и силуэты людей движутся, расползаются, шевелят ногами, шагая в воздухе и свете.

Далеко на том берегу, над ледяной рекой, распростерши лапы, осыпанные снегом, лежат древние египетские сфинксы. Каменные человеческие головы смотрят загадочным взором в даль реки. Примерно такое же выражение лица следовало бы принять и нам, когда в кабинете главного управления ЭПРОН мы рассматривали мореходную карту.

С Кольского полуострова, от Мурманска к Шпицбергену пунктиром прочерчена одна линия. Она напоминает караванную тропу в пустыне, и, увы, это вовсе не образное сравнение. Это—тропа в океане. Один путь к Шпицбергену известен мореплавателям. Стоит сойти с этой единственной тропы — и каждый миг корабль стережет неожиданность.

Смелый рейс «Малыгина» кончился аварией. Сквозь ночь и ураганы, не страшась великой опасности, несмотря на то, что в это время года в Арктику никогда не ходили суда, на помощь «Малыгину» пошли ледоколы «Ленин» и «Руслан». Ни на минуту не покидая товарища, рискуя собою, у «Малыгина» все время находился «Седов». С аварийного судна тотчас были сняты люди и грузы. Как ни старались пришедшие ледоколы снять «Малыгина», это оказалось им не по силам.

«Седов» возвращается в Мурманск; как только будет получено из Германии оборудование, новая большая спасательная экспедиция отправится на Шпицберген.

На Шпицберген вместе с «Седовым» пойдет «Буревестник». Но, спеша по приказу управления в Мурманск, «Буревестник» получил аварийное радио «Колы». В норвежских шхерах «Буревестник» спас «Колу», и сейчас его каждую минуту ждут в Мурманске.

Стихия неистовствует. Получены сообщения о том, что «Седова» в пути захватил шторм в двенадцать баллов. И вот мы ждем его из урагана, чтобы немедленно итти к берегам Шпицбергена, к «Малыгину».

В кабинет начальника ЭПРОН, где мы рассматриваем карту, приносят новое радио. «Андре Марти» вышел из Гамбурга с оборудованием экспедиции. Самыми мощными мото и электропомпами, под'емными механизмами и насосами вооружена экспедиция. Достаточно отметить, что новейшие технические средства экспедиции дадут возможность откачивать четыре тысячи тонн воды в час. И все же экспедицию ждут невероятные трудности.

«Малыгин» на мели, но рядом, сразу за грудой камней, — глубина в триста метров. Кругом плавают айсберги. Не хочется думать, но «Малыгина» может снести с «банки», он может потонуть в океане...

Наркомвод принял самые экстренные меры и дело спасения передал ЭПРОН.

Странно, до чего мало популярно это учреждение — ЭПРОН! В Черном море, на Дальнем Востоке и на полярных широтах — всюду, где ходят суда, ЭПРОН занят своей героической работой. Он спасает корабли со дна морей и океанов, он поднимает затонувшие суда, и люди ЭПРОН — каждый человек, каждый водолаз — имеют исключительно интересную, захватывающую историю. Вскоре мы будем наблюдать работу подводных людей и расскажем о ней читателю.

Наркомвод руководителем экспедиции назначил начальника главного управления ЭПРОН т. Ф. И. Крылова. Недавно т. Крылов за заслуги перед страной был награжден правительственным орденом Красной звезды. Он скуп на слова. До сих пор нам не удалось узнать,

что мыслит он по поводу предстоящего похода. Остается предугадывать, воображать, но разве можно представить, что будет происходить ночью на океане?

Рано угадывать, еще ничего нельзя предвидеть, и потому не следует предаваться воображению: на-днях мы покинем материк.

А сейчас в окне — белая Нева и сфинксы. На столе— мореходная карта; пунктиром тянется тропа в зеленом океане. Скоро, через несколько дней, мы пойдем по ней в темноту полярной ночи».

Через два дня я сообщил редакции о совещании ЭПРОН:

„Спасать невозможно

В шесть часов утра 17 февраля в Ленинград приехал вернувшийся со Шпицбергена начальник эпроновской группы на ледоколе «Ленин» П. В. Симонов. На набережной Красного флота с понятным нетерпеньем ждали вестника полярной ночи.

Как только было получено радио об аварии «Малыгина» и «Ленин» отправился на Шпицберген спасать ледокол, ЭПРОН командировал на место аварии известного водолазного специалиста т. Симонова. Симонов детально ознакомился с положением судна и, вернувшись на «Седове» в Мурманск, немедленно выехал для доклада начальнику главного управления ЭПРОН Ф. И. Крылову.

В четыре часа дня Крылов созвал в своем кабинете экстренное совещание специалистов ЭПРОН и командный состав.

К р ы л о в. Вернувшийся со Шпицбергена т. Симонов сейчас доложит нам о положении «Малыгина». Это важное сообщение впервые даст нам представление о том, какие средства придется применить, чтобы спасти ледокол.

С и м о н о в. Круглые сутки темнота. Лед стал сжимать корпус «Малыгина». Свирепствуют сильные штормы. Старый норвежский лоцман Иоргсен, с которым я

познакомился в Баренцбурге, рассказывал из своих наблюдений, что март и апрель в Айсфиорде, где находится «Малыгин», — время наиболее сильных штормов. Низкая температура, образование айсбергов, движение льда — все эти обстоятельства не позволяют вести спасательные работы. Сейчас «Малыгина» снять невозможно. Иное положение летом, когда круглосуточное солнце, когда тепло. Вся палуба «Малыгина», спардек, ванты и мостик сейчас представляют собою сплошную ледяную глыбу. Таким образом я полагаю, что экспедицию нужно отложить до лета.

Крылов. Прошу товарищей высказаться, как оказать помощь «Малыгину», не ожидая благоприятного времени. Не исключена возможность, что у ледокола и второе дно имеет повреждение; в таком случае он все время подвержен сильной опасности.

Молчание.

Крылов пытливо всматривается в присутствующих, выжидает, но все молчат...

Выступает крупнейший специалист—корабельный инженер Бобрицкий. Бобрицкий высказывает свои соображения, за ним выступают другие специалисты, после чего Симонов опять заявляет:

— Мое мнение — это дело не начинать.

Он умолкает и тихо произносит:

— Против стихии не пойдешь.

Крылов закрывает совещание:

— Нечего и говорить о том, что работа зимой, при тех условиях, в которых находится «Малыгин», представляет совершенно исключительные трудности. Но я думаю, что с нашей стороны будут приложены вся энергия, все сознание долга, и «Малыгин» будет спасен. О ве не не может быть и речи. Не задерживаясь, как можно скорее мы отправимся на помощь славному «Малыгину» и свой долг перед партией и правительством выполним.

На этом закончилось заседание».

Ледокол „Седов" перед уходом на Шпицберген.

Часть первая

2904—2

Глава первая

„Идем гористыми берегами Норвегии"

Радио ледокола „Седов", 9

Не успели мы отойти от мурманского берега, как нас захватил снежный буран. Палуба «Седова» напоминает занесенную сугробами снега деревенскую улицу. Ветер бушует два дня.

Капитан ледокола «Ленин» Печуро прислал Крылову радиограмму из Айсфиорда, в которой сообщает: в течение семи суток стоит мороз свыше 20°.

Возникает опасность, что «Седов», дойдя до льдов, не сможет пробиться к «Малыгину». Печуро по радио сообщает, что он готов выйти навстречу и провести «Седова» сквозь льды.

Вчера вечером во мгле увидали сигнальные огни встречного судна. Из темноты показался знакомый силуэт. То был «Красин».

Оба ледокола огласили море приветственными гудками. Встречу с «Красиным» мы восприняли как счастливое предзнаменование.

Сегодня утром прошли норвежский город Варде. Сейчас двигаемся вдоль покрытых снегом гористых берегов Норвегии.

В черном океане

Ночью 6 марта был покинут мурманский рейд. Следующим утром у берегов Норвегии нас бил шторм, и в темноте тревожно вздрагивал огонь маяка Варде.

Трое суток «Седов» несся в черном шторме.

Взлетая на волнах, прощаясь с видением последнего норвежского порта, мы еще долго видели вспыхивающий огонь маяка. Огонь, вздрагивая, как будто звал:

— Вернитесь! Скорее... Еще не поздно...

Огонь исчез. Тьма скрыла маяк.

В высоте, на мостике, стоял капитан Швецов и до конца рейса не уходил с вахты.

Полным ходом, делая по тридцати узлов, ледокол двигался в ночном океане; только в полдень чуть брезжил свет, и, когда с левого борта остались снежные берега Норвегии, мы шли уже одиноко, не встречая пароходов. Палубы заметало снегом, и люди, покинувшие землю, старались собраться вместе, чтобы не видеть, забыть ночь и шторм. В кубриках круглые сутки горело электричество. В иллюминаторы хлестала вода; на секунду прерывались разговоры, в тишине все вдруг вспоминали про опасность. Но вот кто-нибудь крепче задраивал иллюминатор, и опять в кубрике становилось весело и шумно. С утра молодые водолазы, неразлучные друзья — балагуры Мартынов и Ферапонтов—играли на мандолине и гитаре, вечером они шли в твиндек, где устраивалось кино, садились под экран и маршем открывали сеанс. В трюме стрекотал аппарат. Экран швыряло из стороны в сторону, и вот из-за угла улицы, как дети, держась за руки, показывались Пат и Паташон.

Матросы восторженно кричали старым знакомым:

— Здорово, кореш!

В кают-компании, расставив ноги, стукаясь друг о друга, эпроновцы составляли стенгазету. Расплескивая тушь, вцепившись в край стола, художник, ловя удобный миг, прицеливался к заголовку. И только судно переваливалось набок, он быстро писал:

«Вырвем «Малыгина» из ледяных когтей Арктики!»

Во втором трюме, мучимые морской болезнью, электрики монтировали динамомашины.

Крылов, набросив на плечи ватник, спускался в кубрики, бродил по каютам, отыскивая больных.

— Вахтенный! — то и дело звал он. — Кто у нас укачался?

— Некоторые есть, товарищ начальник,—докладывал вахтенный. — Побило их...

— И что ж они делают? — живо интересовался Крылов.

— Лежат.

— Как так лежат? Пусть поднимаются. На воздух! К трубе!

— Не идут...

— Как так не идут? Сказать им, что я приказал. Всех к трубе!

Из кубриков вылезали измученные, желтолицые больные. Вяло двигаясь, шатаясь, они, точно гонимые на казнь, поднимались на спардек и становились у трубы. В большинстве это были электрики и мотористы, впервые попавшие в шторм. Повинуясь приказу, они покидали койки и с лицами, преисполненными страдания, проходили мимо Крылова, который поджидал их у трубы.

— Это что такое? — встречал Крылов качающиеся фигуры.—Валяться? На воздух! Не сметь расходиться!!

Раскрывая рты, глотая воздух, закрывая глаза, больные отрывисто дышали и, не в силах стерпеть мучений, умоляюще оборачивались к Крылову. Но тот, заметив подобный взгляд, гневно наступал:

— Обратно на койку? Ни в коем случае! Так будете стоять целый день!

Целый день Крылов не уходил от трубы. Время от времени он подходил к скорчившейся фигуре и участливо спрашивал?

— Ну как, лучше?

— Лучше, — выдавливал из себя хриплый звук помертвевший человек, — лучше... как будто...

— Вот видишь, — обрадовавшись, укорял Крылов,— а ты отлеживался. Куда это годится? Ведь намного лучше, а?

Начальник экспедиции ЭПРОН Ф. И. Крылов.

— Намного, — шептал больной, пытаясь улыбаться.

Однако мало-по-малу больные свежели и приходили в себя. Крылов не уходил. Люди постепенно выпрямлялись, стояли уже, не держась за поручни, и некоторые начинали подшучивать над собой. Прошло еще немного времени, «трубачи» совсем развеселились, и кто-то начал тихо напевать. Мотив подхватили, и хор воскресших огласил спардек.

— Это уже другое дело, — решаясь уйти в каюту, сказал довольный Крылов. — Надеюсь, на койки никто не убежит.

— Что вы! — испугались трубные постояльцы.

— То-то! — Крылов отправился в салон, где его ожидал покрытый снегом капитан.

Швецов, снимая и встряхивая рукавицы, необычайно довольный, оглядел сидевших в салоне командиров.

— Хорошо идем, капитан, — раздавались из-за стола восклицания. — Шторм нипочем. Замечательно идем!

— Недурно, — сдержанно отвечал капитан, стараясь не выражать своего удовлетворения, — сдается, идем неплохо.

— Десятого будем?

Капитан вдруг быстро напялил рукавицы и, роняя: «Схожу в рубку», поспешно ушел из салона.

И так круглые сутки под электрическим светом весело проходила жизнь на переполненном судне. В каютах, кубриках и салоне не прерывались громкие разговоры, моряки вспоминали аварии прошлых времен, как спасали суда, где и какой капитан посадил свой пароход на мель и как его снимали. Не заходивший в свою каюту даже ночью, Крылов дремал на диване кают-компании и с удовольствием слушал воспоминания.

Шторм бесновался. Но уже была пройдена большая половина пути, и это сознание поднимало веселье и бодрость.

Один человек на судне был ко всему безучастен. Он на минуту появлялся в кают-компании, закуривал трубку и вдруг поспешно поднимался и уходил. Он нервно

ходил по палубе, заложив руки за спину, дымя зажатой в зубах трубкой. С шипением волна била его по ногам, ветер рвал полы пиджака, и по лицу хлестали концы туго завязанного голубого шарфа. Человек с трубкой шагал из конца в конец палубы, и было похоже, что ему душно. Невыносимая тяжесть угнетала его, и он одиноко метался вдоль борта, как зверь в клетке. Изредка останавливаясь и набивая новую трубку, он смотрел на черное небо и, не разжимая рта, что-то бормотал.

Это был капитан «Малыгина» Филатов. Трагический случай до неузнаваемости преобразил веселого, шумливого капитана, каким его знали на северных морях. И во все дни рейса Филатов уходил от людей и, одиноко шагая, в забытьи все еще переживал ночь 28 декабря.

В одну из таких минут я застал капитана угрюмо стоявшим у кормы. Зная об аварии только по кратким радиограммам со Шпицбергена, я решил каким бы то ни было образом узнать историю «Малыгина». Почтительно справившись о приблизительном нашем местонахождении, я спросил его мнение насчет хода и тут же сравнил мореходные качества «Малыгина» с «Седовым». Сообщив Филатову о том, что я уже однажды бывал в Арктике, на Земле Франца-Иосифа, причем плавал на «Малыгине», я тут же заметил, что тот рейс ледокола под незаходящим солнцем июля—не что иное, как плавание на водной станции «Динамо», в сравнении с последним походом «Малыгина».

— Не могу представить, — признался я, — как возможно избежать несчастья в полной тьме зимой, в Арктике, в шторме?

В трубке капитана заклокотала накипь.

— Что значит—невозможно? — отозвался Филатов.— Мы пошли. Значит, возможно...

— Шторм преследовал вас, капитан, и «Малыгин» нарвался на банку?

— Нет, — пыхнул дымом Филатов, — вовсе нет!

— Известно, что путь к Шпицбергену почти не изучен. Отправляясь в подобный рейс, вы ежеминутно подвергались опасности...

— Нет, — отрезал капитан и, выхватив изо рта трубку, запротестовал:—Я три раза ходил на Шпицберген. Все население Баренцбурга знает меня, и не одну сотню людей я перебросил в Айсфиорд. В Грингарбурге меня называют «наш капитан»... О, эта проклятая история!.. В четвертый раз я шел на Шпицберген, и на пристани меня собирались встретить с цветами. Я не хочу хвастать, но меня знают в Баренцбурге, знают мою красавицу «Вятку», на которой я ходил туда три раза.

— Однако рейс происходил в зимнее время, когда в Арктику не ходят корабли?

— Да, да! — подтвердил Филатов. — Но не в этом дело!

— Что же произошло?

— «Малыгина» потопили огни, — помолчав, ответил капитан. И стало жутко от угрюмого тона, каким он произнес эти слова.

— Огни! — громко повторил он, стукнув трубкой.

И я понял, что он сейчас обо всем расскажет.

— Несколько дней мы шли в полной темноте полярной ночи, — начал Филатов. — Дьявольщина! Нас погубили огни.

Огонь на мысе Капляйн

Рассказ капитана Филатова об аварии „Малыгина"

— Зимой, в темноте полярной ночи, как вы совершенно верно заметили, никогда корабли не ходили пассажирским рейсом. Было решено итти при свете луны, но в Мурманске задержали погрузку. Тринадцатого декабря исчезла луна, и мы вышли в море двадцать первого. Вышли в самую темень. В походе все время мы имели штормы в десять-одиннадцать баллов. Кто не знает, что двенадцатибалльный шторм—ураган? Шторм

не отпускал нас, в пути сорвало штуртрос, и на четыре часа мы потеряли управление, пока не водворили штуртрос на место. Размагнитились компасы. Ветер циклона сорвал радиоантенну, сломал радиомачту. И, как мы ни старались, восстановить антенну не удалось. Радисты устроили добавочную проводку в радиорубке, но все же двадцать четвертого, двадцать пятого, двадцать шестого декабря мы не имели связи с внешним миром. Радио «Малыгина» звало норвежцев — нам нужно было знать, где мы находимся. Но заграничные радиостанции молчали, они не работали... Нас терзал океан — они праздновали рождество...

Три дня мы лежали в дрейфе, и наконец двадцать седьмого декабря нам удалось связаться с Грингарбургом. Я дал радио: «Зажгите на мысе Капляйн огонь, чтобы «Малыгин» мог подойти».

Грингарбург принял радио и ответил... Чорт побери, лучше бы он молчал!..

На мысе Капляйн, — продолжал капитан, — в Айсфиорде, никто не живет. Стоят покинутые дома, но место удобное для захода и находится рядом с Грингарбургом. Я знал, что мы идем совсем близко от Капляйна. Грингарбург на мое радио ответил: «Переправить людей на Капляйн, чтобы зажечь огонь, невозможно». И теперь я знал, что на Капляйн нечего рассчитывать. Радиосвязь оборвалась. Тем временем в Грингарбурге передумали и послали на мыс лыжников. Лыжники пробрались на Капляйн и зажгли бочку нефти. Они зажгли огонь и осветили домики. В темноте ночи мы увидели огни домов, и получилось впечатление, что перед нами город. Совершенно естественно: руководствуясь сообщением Грингарбурга о том, что они не могут зажечь огонь на Капляйне, я принял эти огни за Баренцбург. Матросы уже швартовали концы, как вдруг огни погасли. Я остановил машину и стал свистками вызывать берег, свистками просить указать огнями пристань.

Спустя десять минут сквозь снег я увидел два огня и понял: пристань.

На эти огни я пошел малым ходом и через четверть часа... сел на мель.

Сначала нельзя было понять случившегося. Посадка была настолько слабой, что пассажиры (на борту находилось сто сорок девять пассажиров) не слышали толчка. Это произошло в семь часов вечера, во время отлива. Всю ночь мы просидели на банке, а в пять утра при полной воде я снялся и пошел дальше.

Но «Малыгин» получил пробоину. Вода быстро прибывала.

Трюм залило на пятнадцать с половиной футов: откачать воду было нельзя. Котлы постепенно выключались, и мы остались на одном котле. Вода бросилась в первый класс. «Малыгин» начинал затапливаться. Вода заливала трюм...

Капитан дернул конец шарфа и затянул горло. Мрачное воспоминание исказило его широкое красное лицо. Надо было скорей кончать беседу.

— Спасти людей обязан капитан. Чтобы предупредить катастрофу, я должен был сделать одно... И сделал: я выбросился на береговую мель...

Ну, вот и вся история «Малыгина», — кончил Филатов. — По радио я вызвал шедшего на Шпицберген «Седова», на шлюпках перебросили людей — всех до одного, а после... после этого я выключил последний котел, и «Малыгин» затонул...

Глава вторая

„Виден обледенелый силуэт"

15 марта

Радио ледокола „Седов", 14.

На рассвете 10 марта мы миновали остров Форланд и вышли во льды Айсфиорда. В сумерках засветились огни вышедшего навстречу «Седову» ледокола «Ленин». Он провел нас в пролив Грингарбург, расположенный

в южных берегах Айсфиорда. Вдали среди торосов видели обледенелый силуэт «Малыгина». В полдень пришвартовались к пристани Баренцбурга.

В результате выяснилось, что «Седов» совершил свой рейс в рекордное по быстроте время.

...Гудок. Остановка. Крылов отдал приказ — никому из команды не сходить на берег, пока не кончится разгрузка. Работа по перегрузке спасательных материалов на ледокол «Ленин» началась немедленно. Через день «Седов» вернется на материк, а мы на «Ленине» отправимся на место аварии.

Наш консул организовал участникам экспедиции банкет и концерт. Отвечая на приветствие, начальник экспедиции Крылов заявил:

— Завтра идем на место аварии, обратно без «Малыгина» не вернемся.

Из дневника экспедиции

Ночь с 10 на 11 марта, 3 часа. На борту „Седова". Шпицберген. У пристани Баренцбурга

10 марта, в 10 часов утра, участники экспедиции с палубы «Седова» увидели затонувшего «Малыгина». Наша цель — спасти, поднять «Малыгина». И, только когда он всплывет, когда разведет пары и Филатов поднимется на капитанский мостик, мы вернемся в СССР.

Тусклое, словно вечернее солнце расплывается в тумане над сумеречным Айсфиордом. Рассвет напоминает летний закат, и вышедший из Баренцбурга ледокол «Ленин», встречая нас, зажег огни. Ледники Айсфиорда светятся зеленым сиянием. Кажется, что на крутых острых вершинах блестят озера. Горящий огнями «Ленин» движется к нам и пробивает во льду синюю дорогу. Мы идем в узком канале посреди сплошного льда. Шипя, выворачиваются торосы. Тучами кружатся чайки. Черные стада тюленей лениво ворочаются у торосов — звери нежатся под холодным солнцем, изнемогая от любви.

Вдруг на верхнюю палубу поднялся Филатов. Он подошел к Крылову, передал бинокль и показал на юг. У обрывистого ледяного берега чернеет груда «Малыгина». К востоку от Айсфиорда уходит залив Грингарбург. «Ленин» свернул в залив, мы идем за ним, и уже близок «Малыгин». Он лежит в торосах на левом борту, труба склонилась ко льдам, и застывшие волны свешиваются с мостика.

В гнетущем молчании люди передают бинокль из рук в руки.

★

Два ледокола бок-о-бок стоят у пристани Баренцбурга.

Недалеко, у второй пристани, берет уголь маленький буксир «Руслан», месяц назад пришедший сюда с «Лениным». С «Ленина» переброшен трап на «Седова». В воздухе кружит лебедка, и из трюмов «Седова» на палубу «Ленина» спускаются ящики с моторами, насосами и электропомпами. На «Седове» между тем разводят пары. Завтра, двенадцатого, он вернется на материк. В это же время мы отправимся к «Малыгину».

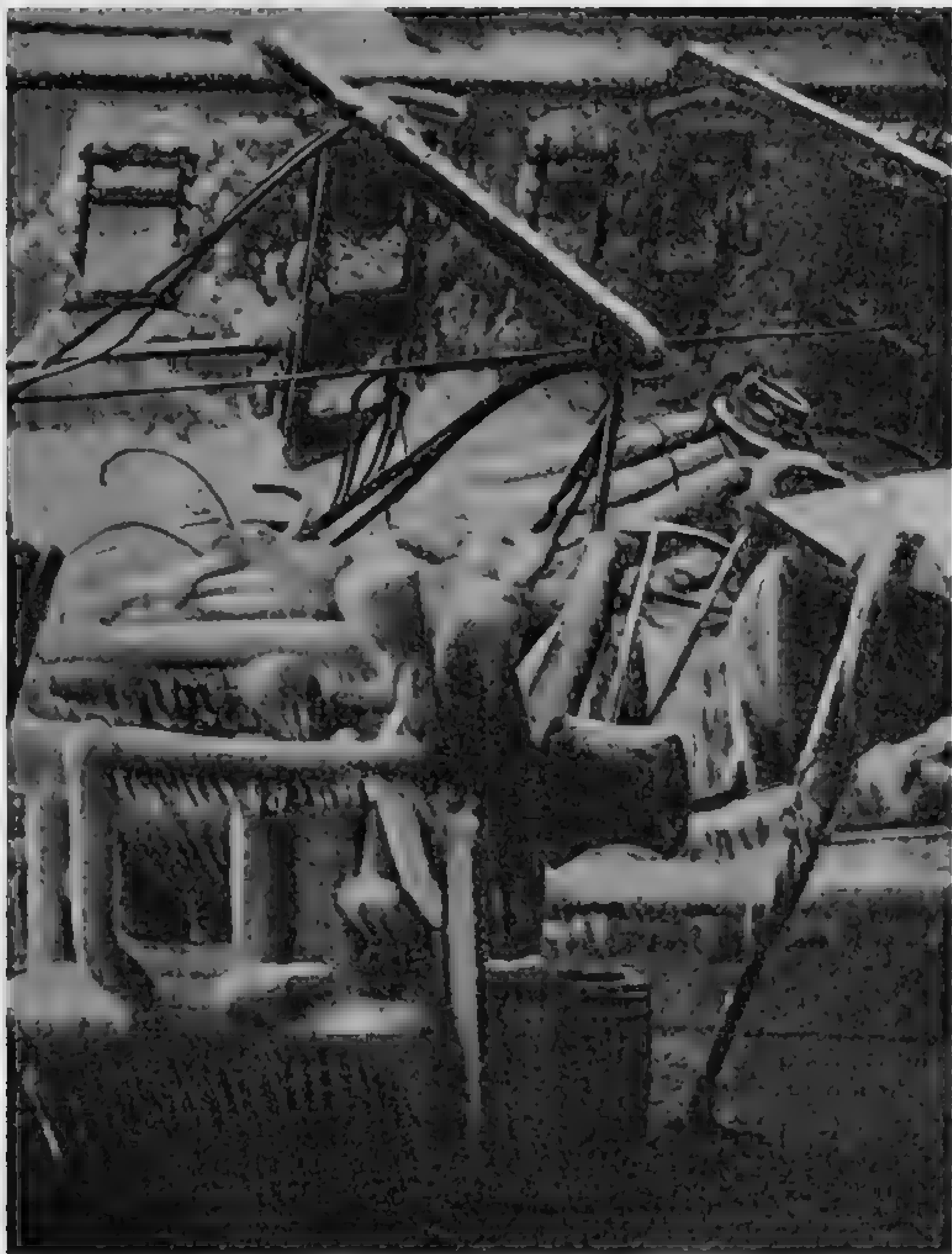
«Седов» уходит к Новой земле охотиться на моржей и тюленей. Он спешит, чтобы не опоздать к весеннему зверобою.

Вчера вечером мы побывали на берегу и провели два часа среди советской колонии. Никого из нас не интересует Баренцбург, с которым мы так и не успели познакомиться. Потом, после, когда «Малыгина» снимут, можно будет осмотреть, узнать этот самый северный в мире город, а сейчас у всех нас одно стремление: скорей, скорей к «Малыгину».

На вечере у советских баренцбуржцев случилось услышать конец рассказа капитана Филатова.

Консул устроил прием экспедиции, банкет и концерт. На сцене плясун-рудокоп скакал в присядке, густо гремела «гопака» норвежская радиола.

В зал вошел Филатов, поглядел, вынул трубку и

Обледенелый и занесенный снегом „Малыгин“.

тотчас вышел обратно на улицу. Мой сосед, посмотрев вслед ушедшему Филатову, сказал под гром радиолы:

— Я был на «Малыгине». Страшно вспомнить. Нет, для нас не было никакой опасности. Нас, пассажиров, как детей, усадили в шлюпки и привезли на берег. Страшно вспомнить фигуру капитана... Шлюпки отчаливали от борта ледокола, мы, удаляясь от него, смотрели и видели: «Малыгин» медленно погружался в воду... Ушла под воду нижняя палуба. Капитан поднялся наверх, и долго был виден силуэт одинокого человека. Страшно вспомнить... Медленно гасли огни на «Малыгине», качнулась груда и... темнота.

*

Баренцбург находится в полосе Гольфштрема. Идет дождь, совсем тепло, и не верится, что мы в Арктике, на 78-й параллели. Дождь, сырой туман,—ну, совершенно ленинградская погода. Другое дело летом, когда из-под синего июльского неба, покинув зеленые, цветущие берега, попадаешь к ледникам. Никакого впечатления перемены не испытываем мы теперь, уйдя из снежного полумрака Мурманска. Но удивительное происшествие напомнило нам, что мы в Арктике.

Днем работавшие на берегу и у пристани люди неожиданно остановились, уставившись взорами на горизонт. В один миг палубы «Ленина» и «Малыгина» заполнились матросами, и все с изумлением смотрели в даль, где виднелся не успевший еще замерзнуть наш след.

«Откуда он мог появиться?» растерянно догадывались люди, пораженные странным зрелищем.

Со стороны моря, откуда вчера пришел «Седов», шел огромный военный корабль.

В капитанской рубке «Ленина» собралось руководство экспедиции, и все в бинокли смотрели на горизонт, где движется корабль. Он похож... да, это несомнённо дредноут. Радист отправляется в рубку, чтобы связаться с ним. Недоумение охватывает всех участников экспеди-

ции: невозможно, немыслимо, чтобы в это время года сюда пришел корабль. Кто он? С берега на пристань сбегаются баренцбуржцы. Как вдруг все раз'ясняется. Капитан Печуро берет бинокль, долго смотрит, потом поворачивается и отдает приказание:

— Верните радиста. Это айсберг.

Гигантский айсберг, изумительно похожий на военное судно, движется из Айсфиорда в залив. Айсберг, удивительно похожий на дредноут, поражает даже бывалых полярников. Он зозвышается на десять метров,— значит, под водой он в шесть раз больше. О, теперь совершенно ясно, почему нужно спешить со спасением «Малыгина». Что если эта медленно плывущая гора прижмет ледокол?! Да такой «дредноут» способен раздавить Исаакиевски собор!

Крылов приказал проникнуть к месту аварии

Сегодня отправляемся к „Малыгину"

Радио. Свальбард (Шпицберген), 11 марта

Немедленно по прибытии в Баренцбург Крылов об'явил аврал для разгрузки «Седова». Работа идет двадцать четыре часа. Одновременно начальник экспедиции приказал капитану «Руслана» сегодня в четыре часа дня отправиться на место аварии ледокола и перевезти, выгрузить на «Малыгин» мотопомпы. Айсфиорд скован льдом, предстоит тяжелый путь. Перехожу на «Руслан» для того, чтобы рассказать читателям о состоянии «Малыгина».

11 марта, 15 часов. На борту „Седова"

Итак, «Седов» уходит завтра.

Со снежных гор на широких норвежских лыжах несутся жители Баренцбурга, чтобы передать письма. Это единственная, редкая, счастливая возможность связать-

ся с материком — ведь известно, что до 15 мая ни один корабль не решается ходить в полярный океан. Несчастный случай с «Малыгиным» привел в Айсфиорд корабли в то время, когда обычно во мраке ночи стынет безжизненная пристань. И мы явились в ледниковый город под первыми лучами первого солнца.

...Крылов отдавал приказ:

— Тринадцатого весь состав участников экспедиции, — сказал он, — отправляется на «Малыгин». Будем жить на верхней палубе, находящейся над водой. Спардек обледенел, но потеснимся. Жить будем на «Малыгине» и вернемся обратно только с «Малыгиным».

*

Маленькая фигура человека с'ежилась в кресле. Это отдыхает Крылов. Но вот хлопнула дверь — он выпрямляется, и исполинские моряки вытягиваются перед ним, отчеканивая рапорт. Вцепившись в ручки кресла, точно поддерживая себя на весу, Крылов слушает, мрачнеет, и тогда докладчик, робея, отступает. Крылов редко бывает доволен работой и только в случае успеха жмурит глаз и сердито произносит:

— Ну что же? Надеюсь, мы приехали сюда не клопов давить, а дело делать.

Он намерен во что бы то ни стало завтра отослать «Седова» на материк. Об'явив аврал, он одновременно отдал следующий приказ:

«Немедленно приступить к спасательным работам. Судну «Руслан» принять электропомпы и насосы и тотчас отправляться к месту аварии «Малыгина».

Электрикам и мотористам приказываю срочно установить машины на «Малыгине», с тем чтобы двенадцатого, по окончании разгрузки «Седова», экспедиция могла приступить к под'ему затонувшего судна.

Выход «Руслана» назначаю на шестнадцать часов».

Глава третья

Ночь на мертвом корабле

В четыре часа дня к Крылову пришел капитан «Руслана» и заявил:

— Пролив и Айсфиорд забиты льдом. Я не могу итти.

— Как так? — откинувшись в кресле, спросил Крылов таким тоном, от которого стоявшие позади командиры отошли еще дальше, зная, что сейчас поднимется буря.

— Невозможно, — сказал капитан, — совершенно невозможно.

— Как так? — повторил Крылов, приподымаясь на руках. — Ведь я же отдал приказ!

— Так точно, — поспешно ответил капитан,—но...

— Какие тут могут быть «но»? — как бы изумляясь, переспросил Крылов. — Намедни «Ленин» пробил «Седову» дорогу, и по этой колее вам следует итти. Позвольте, — спохватился Крылов, — который час?

— Четыре.

— Четыре! Но ведь я приказал вам в четыре выйти к «Малыгину». Почему вы здесь? Приказ не выполнен?!

— Я могу итти только за «Лениным»... Если «Ленин» будет...

— «Ленин» будет вас вызволять, если затрет,—перебил Крылов. — Извольте сию же минуту итти!

— Товарищ начальник...

— Чорт возьми! — резко поднялся Крылов. — Идите! Чтобы через десять минут судно было готово к отходу! Я сам пойду, если капитаны не могут выполнять то, что им надлежит делать.

— Но... не пройдем! Надо обождать.

— Чего обождать? Что же, вы думаете, мы приехали сюда отлеживаться? Государство нам поручило спасти судно, а мы разговорами заниматься будем и дрейфить: «опасно, невозможно». Гибнет судно, вы понимаете!..

— Но я знаю...

Группа мотористов экспедиции.

— Ваше дело — знать и выполнять приказы.

Крылов кинулся к себе в каюту, хлопнул дверью и через секунду появился, держа в охапке шубу. Капитан скрылся.

— Где капитан? — спросил Крылов. И в ту же секунду раздался отходный гудок «Руслана».

— Вот это дело, — смягченным тоном сказал Крылов и отправился на «Руслан».

На пристань прибежали горожане. Палубы «Ленина» и «Седова» переполнились людьми. Нас провожали молча.

★

Уже через минуту «Руслана» стиснули льды.

Как только Крылов вступил на палубу «Руслана», капитан, выглянувший из штурманской рубки, приказал

дать третий гудок, и в этот же момент пароход отвалил от борта «Седова». Крылов отправился наверх к капитану и встал рядом с ним. Он смотрел вперед, туда, куда нужно было итти «Руслану».

Медленно и тяжело раздавались зеленые глыбы. Капитан Клюев кидался с борта на борт, выискивая подходящие разводья, и, заметив трещину во льдах, быстро командовал:

— Задний ход... Стоп. Лево на борт... Малый вперед... Малый, малый... Стоп!

Под натиском «Руслана» льды расползались, и, пользуясь мгновением, изворотливый пароход проскальзывал вперед. Изредка попадались небольшие пространства чистой воды, тогда он разворачивался, отыскивая ходы.

Продвижение вперед шло медленно. За час мы отошли не больше чем на одну милю от пристани и еще хорошо видели толпу на палубе «Ленина» и эпроновцев, разгружавших «Седова».

Крылов взял с собой не больше десяти человек; среди них находились четыре малыгинских матроса, давно уже не бывавших на своем судне, боцман и капитан Филатов. Из эпроновцев на «Руслане» были: заместитель начальника экспедиции Василий Яковлевич Васин, пара электриков, такелажники и мотористы. Все мы с любопытством наблюдали борьбу маленького суденышка с чудовищами севера. Зрелище было настолько интересным, что мы даже не задумывались над тем, пройдет ли «Руслан» Грингарбург, пробьется к «Малыгину» или нет.

С палубы «Ленина» продолжали напряженно следить за нами. Время от времени там было заметно волнение. Еще долго мы видели фигуру капитана Печуро, наблюдавшего за нами в бинокль; повидимому, «Ленин» был готов в любую секунду выйти к нам на помощь.

И в самом деле, каждую секунду «Руслан» подвергался страшной опасности. Льды расступались, но вдруг, перевернувшись, расколотая глыба, точно выныр-

нув из бурливой воды, бросалась к пароходу, и сильный удар сотрясал судно. Льды бились о борта «Руслана», и при каждом таком ударе, когда содрогалась под ногами палуба, все находившиеся на «Руслане» взглядывали друг на друга: нет ли пробоины? Минута — и пойдем ко дну... Но вскоре мы привыкли к этим ударам и разбрелись осматривать пароход.

Спасательный буксир «Руслан», как мы уже не раз упоминали, — маленькое судно с водоотливными средствами, пригодное разве только для скорой помощи судам, получившим повреждение вблизи порта.

На узкой палубе кое-как могли разойтись шедшие друг другу навстречу два человека. Стоять на палубе было невозможно. Нужно было ежесекундно прижиматься к борту, чтобы дать пройти матросу, или отскакивать в сторону от высунувшегося из камбуза кока с помойным ведром. Рядом с камбузом находилось темное отверстие, через которое, согнувшись вдвое, матросы опускались в тусклый кубрик. Рядом с матросским кубриком, вмещавшим полтора десятка человек, находилась узкая каюта двух штурманов и механиков. Один лишь капитан жил наверху в отдельной каюте. С носа парохода на спардек вела наверх лестница, и, поднимаясь по ней, в пять шагов вы попадали на миниатюрную площадку, представлявшую собой нечто вроде балкона и заменявшую капитанский мостик. На балконе стояла закрытая штурманская рубка, в которой находились штурвал и компас. Рубка являлась одновременно и капитанским мостиком, так как из нее сквозь широкие стекла стоявший у компаса или производивший счисления капитан мог видеть море. Если стекла замерзали или затуманивались, капитану стоило высунуться в дверь, и, не выходя из рубки, он мог видеть море, весь свой корабль и отдавать приказания.

Так было и сейчас. Василий Алексеевич Клюев (так звали капитана «Руслана») стоял рядом с раскрытой дверью рубки и, отыскивая во льдах путь, бросал отрывистые приказания.

Пройдя мимо рубки и спустившись по трем ступенькам вниз, мы попали к дверям салона. На верхней палубе за салоном, на расстоянии нескольких шагов, за трубой примостилась радиорубка, своими размерами напоминающая сторожевую будку. В рубке жил радист Валентин Волынкин. Лежа на койке, он мог, повернувшись на бок, не слезая, настраивать свои аппараты, а если в рубку входил посторонний, в ней становилось невероятно тесно, и гость должен был покинуть помещение, лишь только радисту требовалось протянуть руку, чтобы включить антенну или пустить мотор.

Салон «Руслана» представлял собой квадратное помещение не более чем в восемь метров. У стены на диване могли разместиться пять человек. У дивана стоял обеденный стол, с другой стороны стола на скамье могли сидеть не более четырех человек, по бокам стола обедающие садились на складные табуретки, чуть ли не касаясь спинами окон, и уже нельзя было мимо них пройти к дивану.

В салон мы пришли как раз в тот момент, когда из глубины колодца-кухни раздавался глухой голос: «В са-ло-о-не. Принимай суп». Каютприслуга, с грохотом расставлявшая на столе тарелки, бросилась к стене и выхватила из отверстия, дышавшего паром, как кратер вулкана, большую белую миску. Старший штурман, механик, электрик и радист усаживались обедать.

Каютприслуга поставила миску. Мы встали, чтобы не мешать обедать.

— Куда? — с искренним испугом вытянула она руки, останавливая нас. — Кушайте, пожалуйста. Что вы!

Певучий голос показался мне необычайно знакомым. Всмотревшись в лицо ее, я невольно воскликнул:

— Граня? На «Руслане»?

— И я вас узнала,—неизвестно почему краснея, тихо сказала она.—Вы были на «Малыгине» в тридцать первом, мы ходили на Новую землю и на Франца-Иосифа. Я тогда служила каютприслугой на «Малыгине».

— А сейчас на «Руслане»?

— Нет, — подперев щеку рукой, сказала Граня. — Я все на «Малыгине», а теперь, как он потерпел аварию, я осталась здесь и, пока подымут его, работаю на «Руслане».

Снова раздался крик из-под палубы. Граня кинулась к стене и взяла блюдо мяса. Поставив мясо на стол, она отправилась к шкафу за хлебом и, сделав шаг, остановилась.

— А Валю помните? — застенчиво спросила она.

Трудно было вспомнить, кто такая Валя. На «Малыгине» во время рейса тридцать первого года работало шесть девушек.

— Она еще тогда в первый раз ходила, — напомнила Граня, — укачивало ее. Теперь она вышла замуж, живет на берегу.

— Списалась, — буркнул угрюмый радист, разжевывая мясо.

— А Шуру помните? — улыбаясь, опять спросила Граня, становясь к столу и мечтательно сложив руки на груди. — Поморка, рябенькая... Она на команду работала.

Шуру я тотчас вспомнил. О, такие девушки не забываются! Маленькая, крепкая, живая, неугомонная морячка Шура. Она работала в матросском кубрике и была командиром кубрика. Она повелевала матросами, и все с истинным удовольствием повиновались этому малышу. Она мыла кубрик и, если кто по рассеянности попадался под руки в то время, когда она водила тряпкой по палубе, могла одним ударом сбить с ног матроса. Ей в таких случаях чуть ли не рукоплескали. Она бегом носилась с тяжелыми ведрами, бесцеремонно, по-приятельски расталкивая матросов, разносила еду и кричала так, что все пригибались книзу. Ей было шестнадцать лет. Я хорошо помню круглое лицо, покрытое, как вафля, нежной рябью. Любимица команды, она была заботливой сестрой каждому матросу: она чинила рубахи, ухаживала за больными и развлекала команду песнями. В свободное время она садилась в кубрике и

со строгим, каменным лицом пела частушки, аккомпанируя себе на балалайке. Потом она опять хохотала, бегала по помещениям, шутливо дралась с моряками. Но если бывало кто-либо из новичков по незнанию пробовал подойти к ней с нежными намерениями, она поднимала кулак и могла изувечить такого наивного лирика.

Нет, Шуру-морячку забыть нельзя.

— Где же Шура? — спросил я улыбающуюся Граню.

— Она перешла на тральщик, — не переставая улыбаться, тихо рассказывала Граня. — На «Девятку». Слышали? Прошлой осенью «Девятка»...

— Загнулась, — опять вставил радист.

— Никто не спасся. Шура потонула.

...В салон, стряхивая снег, вошел Крылов. Он мельком осмотрел сидевших за столом и вдруг задержался взглядом на старшем штурмане.

— Знаком я тебе? — кивнув, спросил он и отвернулся, ища, куда бы положить шапку.

Штурман поднялся. Его худое нервное лицо с выдающимися скулами еще белее вытянулось.

— Фотий Иванович! — вскричал он. — Как же не узнать! Товарищ Крылов!

— Герасим тебя зовут, — как на допросе, однотонно бросил Крылов, — боцман на «Литке».

— Так точно! — блаженно улыбаясь, расставив руки и моргая глазами, крикнул Герасим. — Вы в 1920 году были капитаном «Белмортрана». Как это вы меня помните? Такое начальство!

— Мало ли что, что я еще помню! — проговорил про себя Крылов и, опять обращаясь к Герасиму, подняв голову, словно на смотре, спросил: — Точилов твоя фамилия?

— Совершенно верно, — растроганно подтвердил штурман, и в его горле что-то всхлипнуло.

— Старый моряк, — сказал Крылов. — Я тебя знаю. Старых моряков нужно помнить. А ты садись, — тоном команды прикрикнул он, — чего кинул обед?

— Что вы, что вы! — дернулся совершенно растерявшийся Точилов.

— Ты садись лучше, — улыбнувшись и сощурив глаза, сказал Крылов. — Давай с тобой, со старым моряком, договоримся, как будем «Малыгина» вызволять.

Крылов, не снимая шубы, сел на диван. Точилов, продолжавший стоять, разводил руками, видимо стараясь что-то сказать, но Крылов махнул рукой, чтобы тот садился.

— Как же ты попал на «Руслана»? — спросил он и, не давая ответить, продолжал:—Помнится мне, ты был подшкипером на «Литке» и вы ходили на помощь «Малыгину», когда тот сел на банку возле...

— Совершенно верно, — заметил Точилов.

— Так вот, — сказал Крылов и вдруг посмотрел в окно. — Ничего не видно. Посмотри, Герасим, где мы идем.

Штурман выскочил на палубу и через минуту вернулся.

— Выходим в фиорд, скоро на чистую воду выйдем.

— Вот видишь, — подхватил Крылов.—А говорили— пройти нельзя. Можно пройти, выходит.

— Выходит, можно, — вежливо рассмеялся Точилов.

— То-то и оно, — наставительно сказал Крылов. — Так во многих делах кричат: «невозможно», «опасно», «смертельно». Нужно не бояться. В нашем морском деле на каждом шагу риск. Верно я говорю?

— Как же, — взмахнул руками Точилов, — на море— и без риску!

— А как «Малыгин»?—спросил Крылов.

— Плох, — сокрушенно вздохнув, опустил голову Точилов. — Что с ним делать?..

*

Мертвый «Малыгин» лежал перед нами. Окаменелые косматые глыбы льда схоронили корабль, и он, опрокинувшись на бок, лежал, погруженный в воду. Край палубы был заметен сугробами снега. В жуткой тишине

мы пришвартовались к обледенелому борту, глядя на истертые буквы:

«Малыгин».

Захлебнувшийся корабль лежал в хаосе льда. Запрокинувшись, возвышались над водой спардек и капитанский мостик. Капитан Филатов первый вскочил на заснеженную палубу, но тотчас, поскользнувшись, едва не упал в воду.

И вот мы на «Малыгине». Цепляясь за канаты, мы взбираемся на высунувшийся из воды правый борт, взбираемся, как на ледяную гору. «Малыгин» лежал с креном на тридцать градусов. Осторожно, держась друг за друга, в тишине мы обходили корабль, — так люди ходят по старому кладбищу.

В снегу на палубе валялись спасательные круги. Обледенелое красное дерево комфортабельной кают-компании. А внизу, где находились каюты, в темноте, как в бездне, глухо билась вода. Под ногами хрустел лед. Ледяной саван прикрыл все, что жило на корабле. В салоне примятые диваны еще сохранили следы людей; на покосившемся столе лежала окаменевшая раскрытая книга и стояла тарелка с надкусанной каменной котлетой.

Странно и жутко было видеть свое отражение в зеркале. Каждый, кто проходил мимо огромного зеркала, невольно останавливался, не веря, что здесь могут двигаться люди.

Открыли трюм. И вдруг густой запах гниения поднялся из черной глубины.

— Там, — сказал Филатов, становясь на колени и заглядывая в трюм, — там остались яблоки.

Всплеск воды. С палубы, вспугнутый шагами, плюхнулся в воду тюлень. Эхо прогрохотало по берегу.

Люди разбрелись по кораблю, и жутко было ходить в одиночестве и заглядывать в покрытые мраком помещения. Я долго смотрел вниз, в бездонную пропасть, и там, где некогда блестели металлом машины, плеска-

лась вода и сквозь мрак проступали неясные очертания каких-то холмов, покрытых мохнатым снегом.

Не узнавая ничего вокруг, я ходил по «Малыгину», стараясь найти что-либо напоминающее о прошлом.

Поднявшись на спардек, я встретил стоявшего по колена в снегу Васина. Он стоял, заложив руки за спину, и угрюмо смотрел по сторонам.

— Мертвец, — сказал он, обводя взором ледокол. — Но довольно экскурсий... Приступим... Надо оживить его. А какой красавец!

★

— Что же вы? — кричит с мостика Крылов. — Приступить к работе!

Загрохотала лебедка «Руслана». По воздуху пронеслись электропомпы и опустились у трюмов. Команда кинулась в салоны, и спустя несколько минут задымились камельки. С «Руслана» электрики перебросили провода, и на «Малыгине» вспыхнули огни.

Криком огласилась палуба.

— Майна... вира... Вирай помаленьку!

Три часа заняла перегрузка помп. Ночью по «Малыгину» носились эпроновцы, кричал Крылов, бросаясь от лебедки к грузчикам, и с «Руслана» перебрасывались слоновые хоботы шлангов.

Глубокой ночью «Руслан» двинулся в обратный путь.

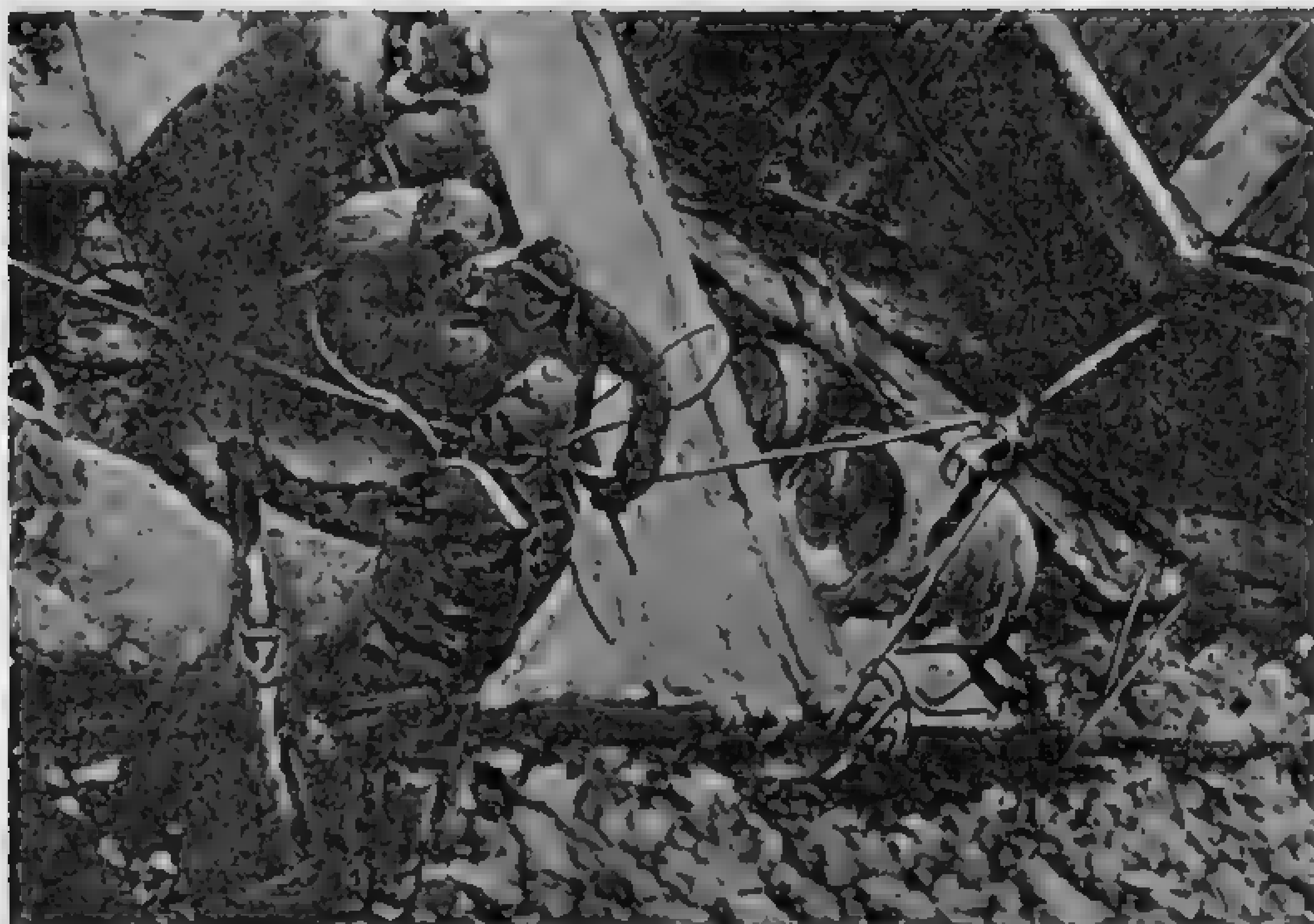
— Итак, начало положено, — сказал Крылов, — оборудование заброшено. Поработали славно.

Три часа бился «Руслан» во льдах, пока не показались огни Баренцбурга. «Ленин», готовый в любую секунду выйти навстречу, зажег прожектор. Но мы обошлись без его помощи и в три утра пришвартовались к пристани.

На палубу вышел Крылов и, направляясь к трапу, встретил командира «Руслана».

Неловко чувствовал себя командир и, прощаясь, смущенно отдал честь.

— Благодарю вас, — пожал ему руку Крылов, — мы прекрасно прошли. Вы — отличный капитан!

Разгрузка трюмов „Малыгина“.

Часть вторая

Глава первая

„Он у нас оживет"

Из дневника путешествия

Ночь с 12 на 13 марта

Я проснулся от яркого света.

В уютном зале светится множество огней. За круглым столом стучат кости домино. Беловолосый юноша с любопытством склонился над клавиатурой пианино, осторожно взял аккорд и, точно ожегшись, отхватил руку. В креслах, покрытых белыми чехлами, расстегнув кителя, отдыхают незнакомые люди. С крахмальной скатерти обеденного стола худощавая женщина сметает крохи хлеба и сахара, собирает витые серебряные подстаканники. Жарко горят лампы, лучится ярко начищенная медная арматура и блестят отполированные стены красного дерева.

Из салона в глубокую даль уходит узкий коридор кают, и в одну из раскрытых дверей я вижу письменный стол с перекидным календарем, с красивой настольной лампой. За темнозеленым пологом высокой койки белеет свежая простыня, и у откидного умывальника, уставившись в массивное заркало, кто-то мылит шею.

В бесконечную даль тянется коридор и, сторонясь друг друга, в полосатых тельняшках и сетках, в туфлях на босу ногу ходят люди и за ними по стенам двигаются расплывчатые отражения.

Не в силах что-либо сообразить, я поднимаюсь на ноги, и вдруг картина резко меняется. Морозный воздух проникает сквозь двери. На полу, завернувшись в

шубы, сгорбившись, уткнув лица в воротники, сидя спят люди, и нужно поостеречься, чтобы не наступить на человека, застывшего с прилипшей к губам папиросой. Со сна невозможно сообразить, что случилось, каким образом мы очутились среди неизвестных, безразличных к нам людей, почему, проснувшись под столом в комнате с книжным шкафом, я стою сейчас над хрипящим во сне усатым лицом. Где мы, что произошло?

Распахнув дверь, я очутился в холодной темноте. Мгновенно возвращается память, и, оглядываясь, я различаю палубу ледокола «Ленин». Высоко у подножья ледника сверкает Баренцбург.

На берегу горят окна легких миниатюрных голландских домов. Они горят, как детские гипсовые игрушки с воткнутой внутрь свечей, и кажется, стоит протянуть руку — и можно набрать полные горсти этих веселых светящихся игрушек.

Тихо на палубе; к борту прислонился вахтенный в исполинской шубе.

На палубе — ящики, мешки, матрацы и свернутые одеяла. Между бухтами стальных тросов извилисто тянутся шланги, с канатов свисая, качаются карикатурно растопыренные мясные туши.

Стоп. Все ясно. С е г о д н я 12 м а р т а, и сегодня в три часа дня ушел «Седов». Наша экспедиция перебралась на борт ледокола «Ленин», и это наш груз, наши вещи, наши машины и ящики. Палуба огромного ледокола широка, как городской проспект. Днем мы явились сюда с шубами, с матрацами, с мешками хлеба. На благоустроенном, блистающем чистотой корабле с комфортабельной кают-компанией, мы, чтобы не нарушать порядка жизни этого пловучего города, расположились табором в красном уголке и у выхода на палубу.

В три часа дня ушел «Седов», а в шесть вечера капитан Швецов прислал радиограмму: «Погода благоприятствует. Море чисто от льдов. Прошел Форланд. В каюте кто-то из вас оставил ножницы».

Сегодня 12 марта, а на 13-е приказом назначено переселение на «Малыгин».

Холод собрал разбросанные мысли и восстановил события. И все же невозможно понять двух строк приказа: «Всему личному составу 13-го переселиться на борт «Малыгина». Начать работу,— так надо понимать приказ? Или же начать подготовку к работам? Но переселиться? Завтра?..

Заскрипел трап, и, переговариваясь со штурманом, заложив руки назад, прошел Васин. Удачный момент. У заместителя начальника экспедиции можно узнать намерение командования.

— Завтра перебираемся на «Малыгина»?

Васин изумленно поднял голову:

— Надеюсь, приказ всем известен.

— В приказе тринадцатого?

— К чему же этот вопрос?— благодушно рассмеялся Васин.— Зачем вы спрашиваете?

— Таким образом завтра?

— Ничего подобного.

— Когда же?

— Сегодня.

— ?!?

— Сегодня... Сейчас уже полчетвертого.

...Резкий свист взвился откуда-то из глубины, пронесся над ледоколом, облетел корабль, и тотчас наверху поднялась суматоха — затопали, забегали, и еще не умолк свисток боцмана, как все выстроились на палубе. Во мгле, мигая иллюминаторами, взлетая на волнах, к «Ленину» приближался «Руслан».

Было шесть часов утра. На фоне черного неба, как облака, неестественно белели ледниковые горы. Баренцбург и пристань исчезли. Ворочая льды, «Ленин» двигался в горле залива. Впереди, в тумане, сквозила скала, а за нею, накренившись мачтами, свесившись в воде, клонился мрачный, темный «Малыгин». «Ленин» повернул из залива и, выйдя в чистый от льда фиорд, замедлил ход, ожидая «Руслана». Дальше «Ленин» не мог

итти. Глубокая осадка заставляла его останавливаться в ста саженях от «Малыгина», но в это утро в Айсфиорде бушевал ветер, и капитан опасался, что ледокол унесет на рифы. Ожидая «Руслана», «Ленин» ходил взад и вперед по заливу.

«Руслан» с разгону пристал к корме ледокола, в следующую секунду перебросили трап, и из штурманской рубки «Руслана» вышел Крылов.

— Шевелиться!— закричал он.— Быстрей!

И эпроновцы, подхватывая ящики, волоча шланги, забегали с борта на борт, а ледокол и буксир, скрипя кранцами, плясали на волнах. Вздымался и ускользал из-под ног гнущийся трап. Пена обдавала лицо, и эпроновцы, как циркачи, перепрыгивали на буксир. В десять минут все мы с вещами были на «Руслане».

— Воцейщук!—позвал Крылов.

— Боцман,— подхватила команда,— к начальнику!

— Есть!—выскочил из темноты усатый Воцейщук; он стал перед Крыловым, вытянув руки в огромных рукавицах, как бы готовый сию же минуту кого-либо схватить.

— Все наши на «Руслане»?

— Все!— прокричал Воцейщук.

— Отлично. Капитан, пошли к «Малыгину».

«Руслан» отвалил от «Ленина» и полным ходом направился к скале.

Мертвый корабль вырастал из мглы. На борту «Малыгина», у развороченных поручней, по колено в воде, ожидая швартовых, стояли наготове пять человек, оставленных вчера при первом походе «Руслана».

„Живем в полузатопленных кубриках"

Радио ледокола „Ленин"

Ушел «Седов». 13 марта на рассвете перебрались на «Малыгина».

Живем в забитых льдом, полузатопленных кубриках Немедленно взялись очистить корабль от льда и снега.

Аврал продолжался шестнадцать часов. Сильные морозы затрудняют работу.

★

В молчании выстроились эпроновцы на борту «Руслана» и смотрели на «Малыгина», точно стоя перед входом в таинственную пещеру. Гнетущая тишина оказывала на всех страшное действие. Тихо ступая по доске, соскальзывая, команда переходила на ледяную палубу. Над головами, точно падая и грозя раздавить, нависли мачты. Подымаясь гуськом, балансируя, хватаясь за трубы вентиляторов, эпроновцы озирались и, не зная, куда направиться, останавливались. И вновь тишина ледяного склепа придавила умолкнувших людей. Щербатые, косматые льды спускались с мостика; ледяные чудища нависли на трубе. И мы стояли, как в зимних дебрях, и, как в лесной чаще, сыпались сверху хлопья снега и от ветра по палубе метелью кружились сугробы. Вдруг раздались подводные толчки и чуть слышно под ногами в трюмах всплеснула вода.

— Начнем!— в тишине воскликнул Крылов.— Он у нас оживет!

Крылов, растопырив ноги, изогнувшись, ловко карабкаясь по накрененной палубе, пробрался наверх.

— Боцман!

— Здесь! — вылез из-за его спины Воцейщук.

Держась одной рукой за ледяную глыбу лебедки, другой расстегивая на груди тесный полушубок, Крылов расспрашивал боцмана, все ли готово к началу работ. Расстановка сил давно была разработана Крыловым, и сейчас, переспрашивая Воцейщука, он пробовал проверенную машину, желая полюбоваться ее размеренными, точными движениями.

— Есть!— в ответ на каждый вопрос, взмахивая рукавицей, кричал Воцейщук, и чем тише говорил Крылов, тем сильнее кричал боцман.

— Раздать сколочный инструмент и лопаты!

— Есть раздать сколочный инструмент!

— Чтобы можно было ходить, плотникам набить рейки на палубе.

— Есть плотникам набить рейки!— возопил боцман.

— Чтобы было за что держаться, не падать — развесить леера.

— Есть развесить...— глотнув воздух, раскрыл рот Воцейщук, и мы в страхе попятились, но Крылов дал знак, и боцман умчался.

— По ме там!— скомандовал Крылов, и вновь моментально появился Воцейщук.

Боцман роздал ломы, кирки и лопаты; через минуту на палубу обрушились удары, тяжело поползли вниз льдины и плюхнулись в воду. Вдоль левого борта, часто срываясь в воду, хватаясь за изогнутые, перебитые поручни, пошли эпроновцы, скалывая лед. Крылов, схватив попавшуюся лопату, с ожесточением принялся сгребать снег.

И сразу шумно стало на судне. Падали в воду глыбы льда. По очищенным местам ползли плотники и набивали рейки. По всему кораблю развешивались леера, и, держась за эти веревки, уже можно было ходить по крену, не рискуя упасть в воду. На левом борту, где лед и сугробы совершенно забили проход, сосредоточились наши главные силы. Глыбы льда там достигали человеческого роста. С двух торон — с носа и кормы — люди кололи кирками лед, проламывали отверстия, прокладывая туннель.

Становило ь жарко от работы; пот обмерзал на лицах. Так, не останавливаясь, скалывая и сгребая лед, авралом работали все пятьдесят семь человек.

Время от времени Воцейщук оставлял свой лом и, забирая с собой двух-трех человек, куда-то исчезал. Они направлялись на корму, волоча за собой ящики, потом приходили назад и опять брались за кирки и лопаты.

В час дня Воцейщук подошел к Крылову.

— Готово?— спросил начальник.

— Так точно. Разрешите?

— Пора. Об'яви команде обедать.

— Есть команде обедать! — прокричал Воцейщук.— Сдать инструмент!

Сложив лопаты, мы закурили, не зная, куда итти, где получать хлеб и консервы, где расположиться. Направившись вслед за Воцейщуком, мы с первых шагов остановились от изумления. Корабль вдруг задымился. В дыму—корма и спардек, дым тянется из кают-компании, дым появляется отовсюду, как будто бы ледокол одновременно подожгли со всех сторон.

У входа в кают-компанию, куда нырнул Воцейщук, новая неожиданность поразила нас. В воздухе чувствовался запах жареного мяса.

— Явные котлеты,— нерешительно сказал такелажник, и мы робко вошли в кают-компанию.

К великому изумлению, в салоне было тепло. Все переглянулись и увидели раскаленную «буржуйку». На столах стояли расставленные приборы и тарелки с нарезанным хлебом. Из камбуза с ведром выскочил кок, и следом за ним, с огромной миской супа, вышла Граня.

— Пожалуйте, — пригласила она. — Кушать готово.

— Каково на «Малыгине»!— зашумели эпроновцы.— Как дома.

Зазвенели ложки, миски пошли по рукам.

Пробираясь к столу, накрененному, скользкому, обтаявшему, многие падали. Обедали, держа тарелки почти отвесно. Блюда с хлебом сползали вниз, но все это вызывало веселый смех. Уже мокли обледенелые стены и в оттаявшем зеркале мелькали хлопающие двери.

Пар клубился в переполненом помещении, дым выбивался из красной печки, и люди в этом чаду проносились прозрачными силуэтами, казалось, они летают по воздуху. В дыму пробегали матросы с караваями хлеба, один уносил к себе в кубрик сахар, другой мчался навстречу с ящиком папирос для раздачи, из иллюминаторов высовывались дымящиеся трубы камельков — все судно пришло в движение.

Напротив дверей салона, в каюте «люкс», баталер распаковывал ящики и выдавал папиросы и спички. На-

верх, в курительный салон, старшины по лестнице тащили матрацы, одеяла, подушки. Команда шла на корму и спускалась в свой кубрик.

В кают-компании стало совсем тепло. За чаем развеселившийся молодой водолаз от удовольствия громко рассмеялся:

— Ну и заживем мы здесь! При таких обедах,— поднял он вилку с огромным куском мяса,— мы заживем, как на курорте.

Этого было достаточно, чтобы Крылов разразился целым монологом.

— Так и знал!— страдальчески воскликнул Крылов.— Мы только и думаем, как бы больше поесть, как бы поспать и клопов давить. Мы воображаем, что приехали сюда на курорт. Государство наше далеко, ему не видно. Государство снарядило нас, потратило средства и надеется, что мы спасем ледокол. А мы тут пожрем, поспим, отдохнем и поправимся!

Позднее все участники экспедиции привыкли к внезапной манере Крылова разражаться страшными упреками. Но в первый день Крылов некоторых привел в отчаяние.

— Товарищ начальник,— взмолились окружающие,— но мы ведь работали и... еще покажем.

— Посмотрим,— согласился успокоившийся Крылов и поднялся из-за стола.

— Давайте скорее... Мы еще ничего не сделали. Все это ще ничто. Товарищ Стольников!— позвал он.

Стольников подошел, ожидая приказания.

— Нет, я только хотел спросить: помещение для личного состава распределено?

— Так точно.

— Камельки?

— Затоплены.

— Распорядок работ?

— Будет об'явлен после обеда.

— Можно приступить. Продолжаем очистку корабля от снега и льда, водолазы назначаются в трюмы, и сегодня же начнем установку помп.

— Так точно.

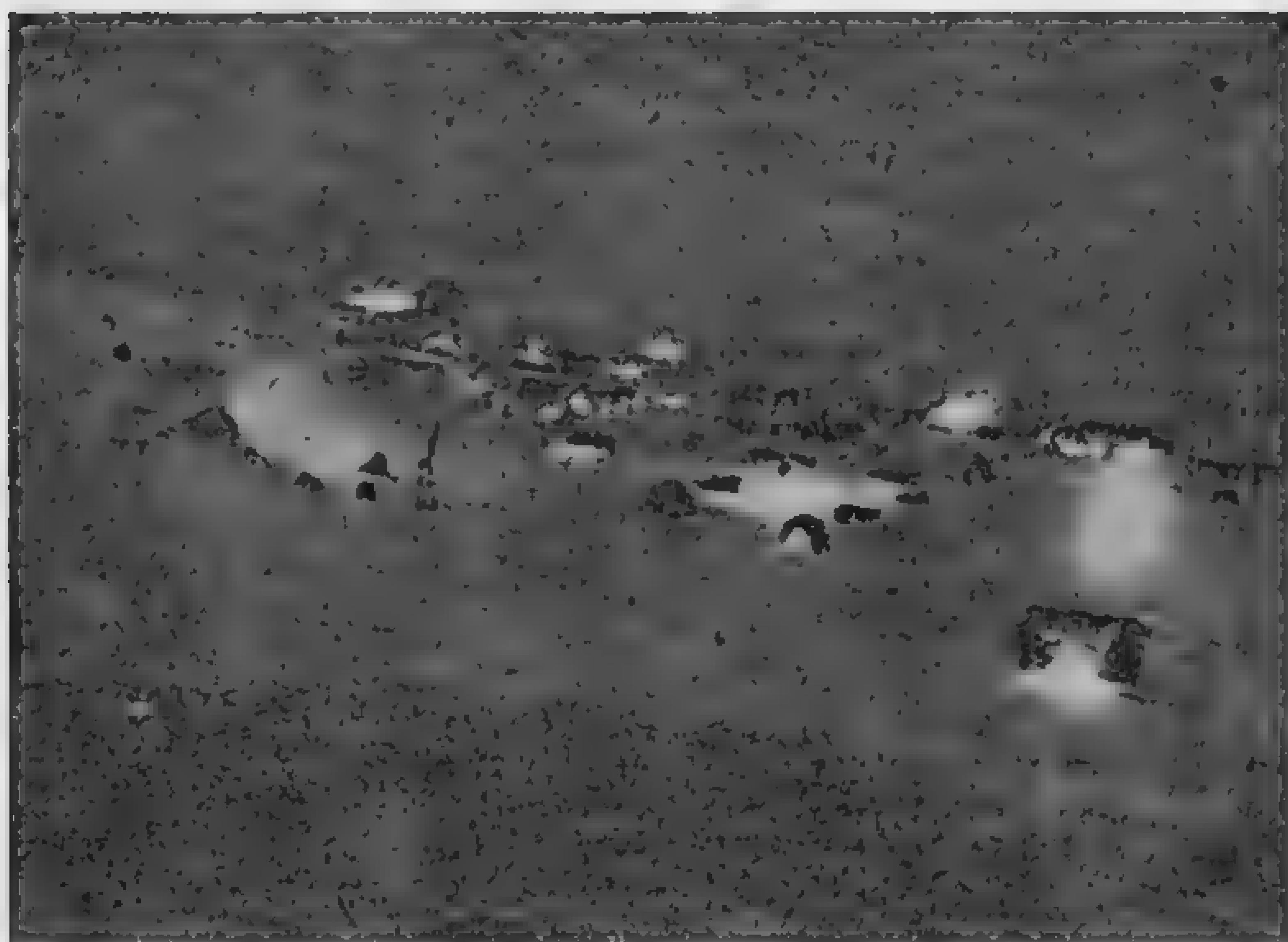
*

В стороне от всех, держась за поручни, стоял радист «Малыгина» Михаил Клементьев. Он вместе с капитаном Филатовым после крушения вернулся в Мурманск, затем с нами на «Седове» прибыл опять на свой «Малыгин». Щеголеватый радист, в сапогах с завернутыми, как в ботфортах, халявами, в коротком, модном пиджачке, в капитанке с флотской кокардой, в яркозеленом кашне, он был похож на диковинную, яркую южную птицу, неизвестно каким образом попавшую на льды, под суровое полуночное небо. Он медленно произнес, когда я остановился рядом с ним:

— Жутко. Раньше, во время аварии, в темноте ничего не было видно, а сейчас...— он взглянул вокруг на обледенелые палубу и мачты,— как будто я гляжу на лицо мертвеца...

Опустив голову, радист пошел наверх. Не чувствуя мороза, в легком пиджачке он слонялся по кораблю и наконец, приткнувшись в кладовой курительного салона, занялся устройством радиостанции. В узкой кладовке Клементьев не мог повернуться. Ледяные стены сочились, сквозь замерзший иллюминатор еле-еле пробивался свет, но радист увлекся, расстанавливая аппараты, и сразу повеселел, как только на полу расположились аккумуляторы, а по стенам паутиной расползлись провода.

Угасал свет короткого дня. Готовясь к ночи, замирал «Малыгин». Темнота опять умертвила корабль, приглушила голоса и скрыла людей. По темной лестнице с гаснущими свечами спускались к себе промерзшие люди. В кубрике вода доходила до колен, и эпроновцы, хватаясь за стойки, подавая друг другу руки, ступали по койкам, пробираясь к своим матрацам.

Баренцбург полярной ночью.

— Свет, почему нет света?— недоумевающе осматривался зашедший в кубрик Крылов.— Где Саксон?

— На «Руслане»,— сообщил подошедший командир.— Сейчас с «Руслана» перебросят кабель, проводка закончена. Сейчас...

Командир не успел продолжить фразы, как вспыхнул свет.

Глубокой ночью затих корабль. Потухли огни — экономя энергию «Руслана», после работ электричество выключили. Из каюты лазарета выскочил окоченевший командир Пучков; едва передвигая ноги и стуча зубами, он, как каменный гость, зашагал по трапу на «Руслан». Камельков нехватило, и каюты командиров остались без печек. Но и в кубрике команды, где топились камельки, к утру одеяла примерзли к койкам.

Тьма и туман. В ста саженях от «Малыгина», как мираж, сияет ледокол «Ленин». Смешно и невероятно: салон, стук домино, кресла в чехлах и аккорды пианино.

...Одиноко, задумчиво ходил по палубе Крылов. Он не имел каюты и ожидал утра.

— Интересно,— сказал он, останавливаясь и облокачиваясь о поручни.—Мертвое, угробленное судно... Но придет минута, и мы увидим весь результат трудов. Одна минута, представь только, — мечтательно повторил он и тихо, про себя, промолвил:— Что только покажет завтрашний день?

— Что завтра?

— О-о, завтра... завтра мы спустим Хандюка. Интересно, что найдет Хандюк? Ты знаешь, кто такой Хандюк?— с величайшим уважением произнес он.— Таких водолазов поискать. Вот увидишь сам.

Из дневника путешествия

**Ночь с 13 на 14 марта. Айсфиорд.
На борту „Руслана"**

В полутора кабельтовых от нас сияет «Ленин». Стоит на секунду вспомнить теплые диваны кают-компании, каюты красного дерева и блестящие стены коридора— и это судно представляется каким-то фантастическим, сказочно роскошным отелем. Густой холодной темнотой покрыт фиорд. Во мраке сереет ледниковый берег; черная скала превратилась в огромную гору, и «Малыгин» чернеет в ночи.

На «Малыгине» спят. Все камельки, которые привезены нами, установлены в кубриках команды и в кают-компании. Каюты командиров — ледяные склепы. Васину, Стольникову (начальнику распорядительной части), Пучкову (начальнику снабжения), доктору Линкевичу и мне предоставили каюту бывшего лазарета. Замерзаем. Если проспать ночь в холодной, замороженной каюте — обеспечен настоящий лазарет.

Доктор, Васин и Стольников, завернувшись в шубы, легли спать. С такими же удобствами можно было ночевать в тени флажков, сброшенных Амундсеном с дирижабля «Норвегия» на северном полюсе. Пучков уже перекочевал на «Руслан». Мне необходимо сделать записи дня, и хотя здесь негде расположиться на ночлег, зато светло и можно писать, а там, глядишь, подойдет утро. У Крылова не оказалось места. Размещая команду, Стольников, вероятно, предполагал, что начальник переправится на шлюпке к «Ленину». Но Крылов не намерен хотя бы на ночь покидать «Малыгина». Он обошел все помещения и теперь сидит в углу дивана в салоне «Руслана». Капитан Клюев, вышедший из своего подземелья за спичками, увидал дремлющего Крылова и позвал к себе. У него есть вторая койка. Крылов принял приглашение, ушел к нему, но через десять минут вышел в подтяжках и, поманив в угол Пучкова, стал с ним шептаться. Я писал заметки в блокноте, они на меня не обращали внимания.

— Скажи, — озабоченно шептал Крылов,— как люди у нас — хорошо накормлены?

— Помилуйте, Фотий Иванович,— обиделся Пучков,— у нас же великолепные продукты.

— Да, это прекрасно, — перебил Крылов. — Но и хорошие продукты можно загубить. Чем будешь кормить?

— Чем полагается. Мяса у нас по горло. На завтра масло, икра, белый хлеб, чай. Еще есть...

— Опасайся. Я насчет предосторожностей. Цынга...

— Клюквенный экстракт, овощи...

— Смотри, Николай Никитыч, чтобы кормить не жалея.

— Смею доложить...— опять обиделся Пучков, но Крылов его снова нетерпеливо перебил:

— Знаю, знаю тебя, Николай Никитыч. Гляди, водолазам ничего не жалеть. Потом нужно в Баренцбурге достать этих печек, камельков, топить, чтобы отогреваться работникам. Теплых вещей у нас запасено? Знаю,

знаю... Рукавицы чтобы, валенки. Гляди, Николай Никитыч. Я за одного заболевшего знаешь что натворю?..

Пучков оскорбленно опустил голову.

— Брось, — отрезал Крылов. — Я тебя ведь не один год знаю. И если ты руководишь этим делом, я, как на каменную гору, надеюсь. Только бдительность нужна в таких условиях. В Арктике мы все в первый раз.

Крылов так и не ушел спать. Мало того, он вытащил из каюты капитана, и вот они уже час беседуют между собой. Через полтора часа побудка. Сегодня спускают первых водолазов. Первый Хандюк.

Глава вторая

Вести из Айсфиорда

22 марта

Радио ледокола „Ленин", 22 марта

Шпицберген — край изменчивой погоды. Наступали морозы.

Однако работы идут полным ходом. Водолазы делают по двадцати под'емов, они выбирают из трюмов лед, потопленные грузы. Вчера проложили подводное освещение. Спускаясь на дно, водолазы делают осмотр «Малыгина», не выходя по четыре часа подряд.

Спасенные грузы увезены на пароходе «Руслан» в Баренцбург. На борту «Малыгина» установлены все помпы. Как змеи, извиваются шланги на палубе. С нетерпением ждем теплого дня, чтобы начать откачку воды.

Появились первые признаки солнца.

Хандюк и его друзья — рыбы

Странное поведение водолаза Хандюка долгое время оставалось загадкой. Но... сначала расскажем о спуске Хандюка ко дну Айсфиорда.

Водолаз-инструктор Хандюк.

На следующий день после переселения эпроновцев Крылов приказал начальнику водолазов Борисову начать обследование подводной части корпуса «Малыгина», и конечно первым назначили Хандюка.

В составе экспедиции ЭПРОН находились лучшие, старейшие в стране подводные профессионалы, но были взяты и молодые водол зы, два-три года назад окончившие черноморский техникум. Старик Осипов десятки лет работает водолазом. Его взяли на операцию спасения «Малыгина». За все время экспедиции нам единственный раз удалось услышать его голос. Иногда приходила мысль, что Осипов, проведя значительную часть

жизни под водой, в окружении рыб, разучился говорить. Старейшего водолаза на всех морях и реках Советского союза с глубокой почтительностью зовут «Батя». Круглое его лицо стало похожим на водолазный шлем, и выпуклые серые глаза спокойно светятся, как иллюминаторы.

Дмитриева помнят на «Монте Сервантесе».

Пловучая льдина пробила корпус «Монте Сервантеса». Пароход тонет... Радист судорожно стучит ключом, зовет, зовет: «SOS... SOS...» — «Спасите наши души...», и «Красин», спасая спутников Нобиле, перехватил «SOS» и пришел вырвать у океана полярного увеселительного гиганта. Водолазу Дмитриеву пришлось заделывать колоссальную, смертельную пробоину. Он мастерски выполнил свою работу: он заделал пробоину так хорошо, что и до сих пор «Монте Сервантес» без ремонта благополучно курсирует по северным морям.

Барашко и Романовский, молодые водолазы Мартынов и Ферапонтов... Нам бы надолго пришлось отступить от темы, если бы мы принялись за описание всех достоинств виртуозов и чемпионов подводного мира.

Лучших из лучших взял Крылов на Шпицберген, но старики и молодежь чистосердечно, без тени зависти, с глубоким уважением, с искренним почтением признавали превосходство Хандюка.

— Ну, это ж знаменитейший специалист!

Днем 14 марта в курительном салоне одевали Хандюка. Он, изворачиваясь, приседал, пока на него натягивали резиновый скафандр, весело и громко разговаривал и подмигивал всем, кто глядел на его лицо, точно вырубленное из красного камня.

Шлепая резиновыми ногами, похожими на лягушечьи лапы, Хандюк подошел к борту; ему привинтили шлем, на спину прикрепили свинцовый груз, и Борисов скомандовал:

— На помпе!

Двое на водолазной помпе стали крутить колесо, качая воздух в резиновый шланг, который, как коса, спу-

скался с медной головы Хандюка. Хандюк спустился по трапу и погрузился в воду.

— Я совершенно спокоен,— ни к кому не обращаясь, сказал Борисов.— Когда корабль осматривает Хандюк, можно быть уверенным: он ничего не пропустит. Никто не обнаружит того, что найдет Хандюк.

В прозрачной воде было видно, как, опустив руки, спускается Хандюк.

Из-за его головы, волнуясь, бурлила, точно кипела, вода, и от шлема Хандюка разлетался рой воздушных пузырей.

На помпе безостановочно качали воздух; качальщики вертели колеса, как будто нужно было выбрать из колодца ведро, а ведро не появлялось.

Час ожидали Хандюка, но он не выходил из воды.

— Ищет,— произнес кто-то у помпы.

— И найдет,— убежденно добавил второй качальщик.

★

Искусство Хандюка находить пробоины легендарно. Хандюк охотно рассказывал о «диковинных» случаях из своей практики и, вспоминая, сам удивлялся:

— Куда она задевалась, как ее обнаружить — нужна великая смекалка.

В пути, на «Седове», Филипп Кондратьевич в первом номере «Полярного подводника» рассказал нам про историю с «Касаткой».

„Это было у Новой земли"

Заметка т. Хандюка в походной газете „Полярный подводник"

«Случилось это 9 декабря прошлого года. Я получил задание приготовить водолазную станцию и пойти на тральщике «Нева» к Новой земле, в Белужью губу, на спасение траулера «Касатка». У самой Белужьей губы «Касатка» села на банку и повредила себе руль и винт. 13 декабря мы были на месте. С момента аварии «Касатки» прошло восемь дней. Штормило. Волной «Касат-

ку» отбросило на сорок метров, и она снова получила повреждения. Особенно пострадала носовая часть. С нее мы и начали осмотр. Подошли к «Касатке» на шлюпке. Я одел старшего водолаза Бондарева и спустил его под воду. Он провел под водой полтора часа, а поднявшись наверх, сказал:

— Ничего не поделаешь. Пробоины не обнаружил. В канатный ящик не пробраться — маленькая горловина. Никак не пролезешь. Ничего не поделаешь.

Тогда я оделся и спустился сам. И что же я обнаружил? Верно заметил Бондарев — горловина узкая. Как тут быть водолазу? Я спустил в горловину ноги, и силой волны их начало кидать с одной стороны в другую. Значит, ясно, что пробоина есть. И пробоину я нашел».

*

Охотник за пробоинами Хандюк прославился как чемпион... воздуха. Нам не хотелось бы повторять популярные, широко известные сведения о водолазном искусстве, но все же если среди читателей есть хоть малейшая часть людей, которые о водолазах знают мало, то наше небольшое отступление будет оправдано, тем более что вот уже три часа Хандюк не выходит из воды.

Искусство подводника заключается главным образом в умении регулировать воздух. Водолаз во время спуска и нахождения в воде по мере надобности травит воздух, и пузыри реют над ним, как пчелы над похитителем меда. Воздух наполняет весь скафандр, и стоит водолазу задержать и не потравить во-время воздух, резиновая одежда раздуется и водолаза молниеносно выбросит на поверхность вверх ногами. Начинающие водолазы с перепугу или от неумения регулировать воздух травят воздух больше, чем нужно, и со свинцовым грузом, как ключ, падают на дно. Такой водолаз, растерявшись, уже не касается клапана и летит наверх. Между тем спуск и под'ем водолаза производятся постепенно, иначе от быстрой перемены давления могут лопнуть барабанные перепонки, выброска грозит кровоизлия-

ниями — не счесть последствий, какими грозят подобные печальные происшествия под водой. Тренированный, опытный водолаз опускается на определенные глубины, направляется к назначенному месту и работает, регулируя воздух не по времени, а по опыту, по чувству. Но редко кто может сравняться с умением Хандюка владеть, управлять воздухом. Хандюк в воде, как птица в воздухе. Он, не опускаясь на грунт, ходит по воде, ходит под килем, переправляется с одной стороны корпуса на другую, чего не рискует делать ни один водолаз. Он изворачивается и на мгновение повисает вниз головой. Лишний глоток воздуха — и его перевернет вверх ногами, он спиной ударится о киль и погибнет. Малейшее лишнее уже не надавливание, а только легкое прикосновение к золотнику и... опять гибель.

...Однако прошло свыше четырех часов. Хандюка нет, и все кружат на помпе колеса, и дежурный ждет у борта, следя за концом, когда же дрогнет сигнал.

Четыре с половиной часа прошло с момента спуска, и вот наконец Хандюк дал сигнал и вышел из воды. Он медленно поднялся по трапу, вступил на палубу, и, когда отвинтили шлем, мы уставились на его лицо, желая как можно скорей узнать, какие открытия принес он с подводных скал.

Хандюк повел головой, но ни на кого не взглянул. Не задерживаясь, не говоря ни слова, он отправился наверх раздеваться, и мы пошли за ним в курительный салон. Хандюк как-то безразлично и, видимо, лишь по привычке подмигнул. Он заметил, что его хотят расспрашивать, и, не ожидая вопроса, сказал:

— Ну и случай приключился!

В тоне, каким произнес Хандюк эти слова, чувствовалось скрытое раздражение, досада.

— Что удалось обнаружить?

— Представьте,— перебил он, определенно не желая отвечать,— от волны, от толчков под «Малыгиным» выбило канаву, и туда можно пролезть, как в нору. Я заглянул туда и отскочил. Представьте, прямо мне в лицо

как бросится огромная рыба палтус. Так неожиданно выскользнула она оттуда и — на меня. Я откинулся, и она, бедняга, перепугалась, назад от меня. Но такой огромной рыбы палтуса я не видывал, сколько ни приходилось.

— Ну, а что же вам, Филипп Кондратьевич, удалось обна...

— На дне,— снова торопливо заговорил Хандюк,— одни камни и иодистые водоросли. Никакой природы. Возьмем у Новой земли или по мурманскому побережью. Там на дне—сады, роскошные растения, цветы пышные изгибаются, тянутся, как живые. Идешь словно в чудесном парке, идешь и чаруешься... как в сказке.

— Сильно пострадал «Малыгин»?

Хандюк, как бы очарованный подводными видениями, не умолкая, певуче тянул:

— А рыбы... любят они нас, водолазов. Сначала пугаются и издали наблюдают: откуда, дескать, взялось такое чудовище. Наскребешь ракушек с корабля, перетрешь и пустишь. И вот они налетят на крохи. А уже после спускаешься, и они табуном так и ходят за тобой и ждут ракушек. И настолько привыкают: возьмешь из чудачества, положишь крохи на ладонь, и рыба подплывает и ест с руки... Любят они нас...

Хандюк выпрямился, натянул сапоги и вышел из салона.

— Хитрый Хандюк,— многозначительно сказал водолаз, присутствовавший при разговоре.— Он ведь ничего так и не сказал.

На борту „Руслана"

Ночь с 14 на 15 марта

Еще одно такое приключение — и радист «Ленина» Оскар Иоаннович Мендельман получит возможность ложиться спать на час раньше обычного. Он только выстучит восемь-десять слов, известит редакции наших газет, зевнет, радостно улыбнется, взглянув на часы, и еще

улыбнется, раскрывая на койке одеяло. Укладываясь спать, он всегда нежно улыбается красавице, которую он вырезал из английского журнала и приклеил у себя над подушкой.

Вот что с нами случилось.

Днем «Руслан» подошел к «Ленину», чтобы взять несколько бочек горючего. Воспользовавшись этим случаем, я с «Руслана» перешел на борт ледокола, чтобы дать радиограммы и отпечатать на машинке первый номер газеты «Полярный подводник».

На ледоколе живут беззаботно и уютно, нас приветливо встречают, усаживают пить чай и расспрашивают: «Что у вас там слышно на «Малыгине?»— точно мы приехали с Чукотки и не виделись по меньшей мере пятнадцать лет. В свою очередь мы разглядываем окружающую обстановку, как чукча, попавший в Большой театр. Осторожно мы берем стаканы и боимся коснуться локтями крахмальной скатерти. Протягивая руки к сахарнице, оставляешь на скатерти длинный отпечаток; сахар в руках превращается в кусочек угля, и, спохватываясь, мы робко спрашиваем: «Можно помыться?»

В теплом умывальнике невольно косишься на белый, выложенный кафелем пол и осторожно дотрагиваешься до никелированного крана. Сияют под электричеством лакированные стены коридора; напевая, шлепают в домашних туфлях свободные от вахты матросы, в каютах под абажуром лампы можно читать; в кают-компании, уставленной креслами в белых чехлах, полулежат отдыхающие после обеда штурманы и механики. У пианолы возится радист. Он вставляет валик фокстрота, садится, давит упорные педали, но валик не поворачивается. Трудно нажимать упорные пружины педалей; радист опускается на колени и руками качает педали, как насос. Пианола играет то порывисто, бурно, то стопорится и умолкает...

Пианисту надоедает играть, и он, бросая занятия музыкой, садится играть в домино.

За круглым красным столом стучат кости; каждый

раз обыгрывают доктора, и, хотя это событие происходит трижды в день, игроки неистовствуют от восторга, когда доктор поднимается и заявляет:

— Я больше никогда не играю.

На диване в шубе с шапкой в руках сидит капитан Печуро. Он, пообедав, собрался уйти к себе, но, задержавшись, уселся, выставив ноги в валенках, и с ожесточением спорит о ветрах. Рассказываяя о ветрах Новой земли и вскользь упомянув о Маточкином Шаре, Печуро вспомнил о зимовщиках этой старейшей в Арктике радиостанции; так же незаметно затронул вопрос о роли радио в полярном мореплавании, поведал несколько историй с парусниками в Южной Америке, плававшими без радио, и рассказал об одном капитане такого парусника, причем в качестве подробностей его характера указал, какой табак жевал южноамериканский морской волк. Этого было достаточно для того, чтобы начать перечисление привычек старых моряков. Затем всплыли воспоминания о традициях мореплавателей: вспомнили о собаках, с которыми не расставались некоторые моряки, плавая вокруг света. Раз заговорили о собаках, Печуро не утерпел, чтобы не рассказать историю, происшедшую на прошлой зимовке у Вайгача.

Небольшая группа — человек четырнадцать — зимовщиков решила отправиться на берег и разыскать факторию. На «Ленине» запасы продовольствия подходили к концу, паек урезали до голодной нормы, жили на двести граммов хлеба в сутки, и Печуро был доволен намерением смельчаков найти новые возможности существования.

Смельчаки ушли с ледокола, получив по банке консервов и по четыреста граммов хлеба. Покинув ледокол, искатели фактории попали в буран и заблудились. С ними была собака. Один из спутников — бывалый охотник — оставил товарищей и сказал:

— Мы сами не выберемся из торосов и погибнем. Пойдем за собакой — она нас приведет к жилью.

Все согласились, и действительно собака, точно по-

няв свою роль, побежала вперед, стала кружить по льдинам; люди устремились за ней и вскоре увидели дым. Собака бежала, оглядываясь и проверяя, идут ли за ней, и привела заблудившихся... обратно к ледоколу.

— Но, чорт побери,— возмущенно хлопнул шапкой по дивану Печуро,— они пригребли обратно, а провизию всю с'ели. Что будешь делать!..

Собака зимовщиков напомнила Печуро о рыжем Джокере, бегающем в Баренцбурге; благополучно вернувшись к исходной точке, Печуро встал.

— Да я ведь хотел сходить узнать, какой ветер сегодня.

Он ушел, а я, закончив выпуск «Полярного подводника», поднялся на палубу. Короткое время дневных сумерек заканчивалось, но еще хорошо видны «Малыгин» и эпроновцы, столпившиеся у виры. На мостике «Малыгина» появился сигнальщик Бекусов, и мимо меня пробежал дежуривший на «Ленине» сигнальщик Прокофьев. Взобравшись на мостик, Прокофьев замахал флагами, принимая семафор Бекусова — распоряжение Крылова капитану Печуро. «Руслан» уже стоял рядом с «Малыгиным», и Крылов сообщал о том, что «Руслан» грузится вытащенной из трюмов «Малыгина» семгой и «Ленину» надлежит быть готовым проводить «Руслана» в Баренцбург.

Печуро ответил:

— Ледокол в готовности.

Прокофьев начал передачу, и теперь Бекусов, стоя на крыше «Малыгина», с мостика, ловя сигналы, размахивал флагами, давая знать, что все им понято. Он махал руками, как греющийся на морозе сторож. Неожиданно мне пришла мысль узнать и дать в этом же номере «Полярного подводника» последние результаты работ на «Малыгине».

Я задался мыслью дать, как в «настоящей» газете, отдел «В последнюю минуту».

Я попросил Прокофьева справиться у Бекусова (тот,

кстати, является членом редколлегии газеты), что сделано за день.

— Хорошо, приму,— обрадовался Прокофьев представившейся возможности быть полезным газете: — Я хоть целый роман могу принять.

И он снова замахал флагами. Бекусов ответил:

— Сейчас пойду справлюсь и передам.

Не прошло и пяти минут, как Бекусов появился на мостике, флаги замелькали.

— Записывайте,— промолвил Прокофьев, вытянувшись вперед, не отрываясь взглядом от Бекусова:—«Водолазы выгребают из трюмов лед. К пяти часам из второго трюма поднято...»

Прокофьев читал знаки, и я записал огромную заметку. Канцелярист Коля Бызов отпечатал «В последнюю минуту», и мы приклеили этот листок поверх номера. Я решил во что бы то ни стало переправиться на «Малыгин» и сегодня же к ужину вывесить срочный выпуск «Полярного подводника».

На помощь пришел председатель судкома «Ленина» Миша.

— Попросим у Печуро разрешения на шлюпку, а плыть тут пустяки: несколько минут — и там.

Печуро разрешил. Быстро опустили на воду шлюпку. Миша с товарищем сел на весла, руль взял помощник кока, и мы поплыли к «Малыгину». Было тихо и безветренно. Мы плыли, точно по озеру, и через восемь минут пригребли к борту «Руслана». Привязав шлюпку, мы перемахнули через низкие борта на палубу. С «Руслана» на «Малыгин» был перекинут трап, и еще через минуту мы повесили газету на тусклом зеркале кают-компании.

Рабочий день закончился. В кают-компании поужинали, и все обступили газету. Прочтя номер, Крылов остался в высшей степени доволен и сказал:

— Быстро и толково. Очень хорошо было бы сейчас собрать материал среди команды, обсудить сегодняш-

нюю работу, что каждый должен сделать, какие предстоят задачи, и к завтрашнему дню дать еще номер.

— Так и решено, газета будет ежедневной.

— Давай, давай,— поощрительно кивнул Крылов.— Чего время терять? Сейчас же можно приняться и на «Ленине» перепечатать.

Я вспомнил, что «Ленин» утром уйдет, и немедленно принялся за дело.

Вместе с членом редколлегии Садовским мы устроили беседу, собрали заметки. Получилась кипа материала, и вскоре можно было уже возвращаться на «Ленин» и начать выпуск номера.

Водолазы и такелажники, мотористы и электрики обступали нас с новыми материалами. Время от времени я замечал в толпе помощника кока — рулевого нашей шлюпки. В салоне горела единственная лампа, эпроновцы в своих шубах заслоняли его низкорослую фигурку в коротком пиджаке, и я не мог разобрать его знаки. Он что-то бормотал, нерешительно поднимал руку и наконец подошел к столу.

— Ужинать,— пригласил Крылов.— Присаживайтесь.

— Спасибо,— отказался тот.— Премного благодарны.

— Как хотите,— сказал Крылов и, взглянув на сидевших за столом, добавил: — Чего, чего, а ужинать у нас не отказываются. Работа—другое дело, что же касается насчет того, чтобы поесть, у нас, я бы сказал, все ударники, как на подбор.

— Надо возвращаться,— тихо сказал кок,— темно совсем и ветер.

Густая темнота накрыла фиорд. «Ленин» исчез из виду, и только вдали светились его топовые огни. Дул слабый северный ветер; шлюпка слегка колыхалась. Гребцы взялись за весла, и мы отчалили.

Не успели мы отойти на три сажени от борта «Руслана», как ветер резко усилился, раздался тихий шорох и треск.

На наших глазах черная волнующаяся вода посерела,

появился тонкий ледок, и весла стали с хрустом опускаться в воду.

— Нажмем,— бросил Миша,— попали в шугу.

Небольшие хрупкие льдины окружали шлюпку и мгновенно смерзались, не оставляя времени для размышлений; в одну секунду все вокруг презратилось в лед, и шлюпка, дергаясь, еле проламывала твердеющую кору. Гребцы выбивались из сил, но мы застыли на месте; огни «Ленина» горели далеко, на «Руслане» было пустынно, матросы ужинали в кубрике, и мы остались беспомощными. Да и помочь нам было невозможно. Шлюпка не пробьется, пройти по льду нельзя; остается одно — нам самим двигаться, двигаться. Мы били веслами лед, протискивались вперед, но тщетно.

— Нажми, нажми!— крикнул рулевой.— Чистая вода близко.

Из последних сил нажали, продвинулись еще немного, но лед твердел, сковывая шлюпку, и мы поняли, что сейчас будем раздавлены, как яйцо, сжатое двумя каменными глыбами.

— Нажми!— опять крикнул рулевой.— Совсем близко чистая вода. Давай еще-о-о!

Я поднялся, взглянул вперед и конечно убедился, что впереди, как и всюду, лед.

— Нажми... Нажми! Близко...

Распахнув бушлаты, задыхаясь, гребцы, едва не падая на спины, нажимали. Снова и снова мы ломали лед; мысль о нелепой гибели под самым носом трех судов представлялась чудовищно нелепой. Но шлюпка трещала и каждую секунду могла расколоться. Это нас выводило из себя, и в неистовой злобе мы снова ломились вперед.

Вдруг нас заметили с «Ленина» и закричали. Криков нельзя было разобрать, но вот мы услышали шум: «Ленин» медленно повернулся всей своей громадой, трещина побежала по льдам, поверхность льда заколыхалась, и, пряча лица от обжигающего ветра, мы погребли по изломанному льду.

— Близко, близко!— кричал рулевой.

Острые глыбы бились о борта, и уже над самыми головами послышались голоса. Теперь мы уже могли броситься вплавь...

Последний нажим — шлюпка ударилась о черный борт ледокола, и сверху упал шторм-трап.

Кое-как вскарабкавшись на палубу, мы поспешили скорей уйти, скрыться. С окаменевшим лицом стоял штурман Немчинов. Он задыхался от негодования и только мог выдавить шопотом:

— Вы, знаете, что могли натворить...

Из-за мачты свирепо выбежал Печуро. Оставив шлюпку на попечение матросов, мы в тот же момент исчезли, избегнув столкновения с капитаном.

★

Оскар Иоаннович Мендельман, старший радист «Ленина», один из лучших радистов Арктики, с давних времен работает на севере. Он несколько раз зимовал, проводил полярные ночи на станции Маточкина Шара и на зимовках приобрел привычку грозно, выразительно молчать, посасывая свою трубку. Так он встречает корреспондентов, молча просматривает радиограмму и, проводя изогнутыми пальцами по листку, медленно поднимает другую руку, передвигает трубку и тихо, едва слышно, жалобным голосом роняет:

— Много... очень много пишете... Невозможно передать... Надо двадцать слов — у вас сто слов... Нельзя будет передать.

Полчаса корреспондент убеждает. Оскар Иоаннович, приткнувшись в кресле, полузакрыв глаза, покачивая головой, слушает; корреспондент красноречиво говорит и сам поражается изяществу своего слога, от которого бы пришел в изумление Анатоль Франс,— доказывает, просит и наконец умоляет. Радист все кивает и кивает в такт словам. Затем он поднимает руку (сейчас он ответит), опять передвигает трубку и, вздыхая, говорит:

— Нельзя больше двадцати-тридцати слов... Я могу

принять... Но передать не успеем... Пишите по двадцать слов...

Но сегодня Оскар Иоаннович принял у меня без разговоров радиограмму в восемьдесят слов: маленькая передача у него сегодня или каменное сердце дрогнуло — не знаю.

Час спустя я зашел еще раз к нему в рубку, чтобы узнать, когда он намерен передать мою информацию.

Оскар стоял у передатчика. Одной рукой он придерживал трубку, правой рукой выбивал ключом. Перед ним лежала моя радиограмма. Он не подал виду, что заметил меня, и, не глядя на листок радиограммы, выбивал. Оставив ключ, он переключил станцию на прием, и в репродукторе застрекотал отрывистый морзе. Однотонные резкие звуки ныли, скулили, журчали и вдруг рассыпались барабанной дробью. Оскар слушал, и я из-за его спины рассматривал свой листок, с удивлением видя какие-то пометки синим карандашом. Радист, между тем, опять переключился на передачу и начал выстукивать радиограмму. Он работал около минуты и, повернувшись ко мне, вынув трубку, все еще двигая ключом, сказал:

— Видите, что приходится... что приходится делать с такими радиограммами.

— Не вижу.

— Я начал с Цып наволоком... Передал что-то двадцать слов, связь кончилась... Меня стал слушать тральщик у Медьвежьего острова, я передал ему десять слов, но его вызвал Мурманск, и мы бросили... Я стал звать... Ответил мыс Желания — Новая земля, — успел дать двадцать слов... Нам помешали... Потом я поймал какой-то норвежский пароход — он согласился немного принять... Теперь... тс-с... — радист поднял руку и прислушался к стрельбе репродуктора. — Маточкин Шар... слышит меня... сейчас примет...

Оскар повернулся и взял ключ. С необычайной быстротой он отбил последние слова, переключил станцию и сел.

В репродукторе пророкотало заветное, знакомое каждому плавающему газетчику:

— QSL... QSL...

— Принял, — сказал Оскар и, опустив голову, закрывая глаза, шопотом произнес: — Нельзя писать так много...

Лед сковал Айсфиорд. Можно уже ходить по льду. На палубе только и говорят о нашей прогулке. Говорят, что отделались счастливо и если бы в темноте нас не заметил вахтенный, то... Оскар Иоаннович наверняка получил бы возможность ложиться спать на час раньше обычного.

★

Ночь. В салоне «Руслана» Крылов, штурман Точилов и капитан. Они не будут спать всю ночь. Надо обязательно описать эти ночи на «Руслане». Крылов не спит, не спит и штурман с капитаном, не сходит со стола чайник, — и что за чудесные эти вечера на «Руслане» у берегов Шпицбергена!

Глава третья

„Самое страшное"

Хандюк вошел в салон и, остановившись в двух шагах от сидевшего в кресле начальника, вытянувшись, громко возвестил:

— Честь имею явиться и доложить...

— Садитесь, Филипп Кондратьевич, — пригласил Крылов, кивая на диван. — Докладывайте.

Хандюк, не сходя с места, еще более выпрямился и раскрыл рот, чтобы начать свой рапорт.

— Ну, ну, давай, Хандюк, слушаем, — повторил Крылов, развязывая на горле шарф, точно он мешал ему слушать.

— Я пробыл под водой больше четырех с половиной часов, — усаживаясь, начал Хандюк,—и обнаружил следующее. Корабль с кормы, от машинной кормовой пере-

борки до рудерпоста, сидит на банке. Винт, руль, пятка руля и рудерпост в порядке, на корме замечены вмятины; в киле вмятин обнаружить не пришлось — киль врезался в грунт, и пролезть нельзя. Потом я обошел вокруг кормы и там тоже увидел вмятину. От переборки кормовой машины до середины котельного отделения есть зазор, и там «Малыгин», не касаясь грунта, находится на весу.

— Та-ак, — отозвался про себя Крылов, раздумывая над словами Хандюка. — Что ж ты нашел?

— С левого на правый борт я прошел под днищем и осмотрел борт.

— И что же оказалось там?

— Осмотрел правый борт — шел до пределов шланга, обнаружил расхождение швов против салона, еще заметил: выскочили две заклепки.

— Та-ак. Ну, а главное... не слышу главного, — сдержанно произнес Крылов.

Сообщение Хандюка вызвало заметное недоумение, Бобрицкий внимательно слушал и, очевидно стараясь не встречаться взглядом с Хандюком, сосредоточенно рассматривал ладонь. Борисов опустил глаза, словно чувствовал себя в чем-то глубоко виноватым.

— Продолжай, товарищ Хандюк, — громко сказал Крылов, придвигаясь к водолазу, — все это очень важно.

— Вернулся я тем же путем на левый борт, прошел вдоль корпуса от кормы к носу до второго трюма и там обнаружил большие вмятины, которые все более углубляются, уходя вниз к скале, куда проникнуть уже нельзя... Там, я думаю...

— Ну, ну, что ты думаешь? — встрепенулся Крылов.

— Думаю, должны быть повреждения. Может быть, там-то и...

— Достаточно, — остановил Крылов. — Товарищ Борисов, самым тщательным образом продолжать поиски! Всех водолазов, свободных от работы в трюме... нет, лучших водолазов, стариков, завтра на целый день — искать.

— Разрешите закончить? — повторил Хандюк. — В носовой части обследование не удалось закончить, потому что замерзли шланги и застопорился воздух... Можно итти?

— Осипова, — возбужденно приказывал Крылов Борисову, — Дмитриева, Громака — всех, кто у вас есть, всех спустить завтра.

Повторив несколько раз свое приказание, Крылов вышел на палубу, оставив озадаченного Борисова.

— Как же это так? — смущенно рассуждал начальник водолазов. — Если Хандюк не нашел, так выходит... Чорт знает что выходит!

Утром следующего дня с семи часов все водолазы поочередно опускались на дно. В это время на «Малыгине» происходила разгрузка трюмов. Несколько водолазов в глубине трюмов ныряли в жидкий лед и вытаскивали ящики и бочки. Стрела «Руслана» подхватывала и уносила грузы к себе на борт.

В Баренцбурге грузы считали погибшими и, услыхав, что Крылов производит разгрузку трюмов, решили, что все будет выброшено в воду.

— Не допущу! — возмутился начальник экспедиции, когда кто-то ему предложил для облегчения работы выкидывать ящики и бочки за борт. — Ведь это же ценности. Огромные деньги пропадут.

— Все грузы застрахованы, — напомнили Крылову.

— Что ж из этого? — вспыхнул он. — Что мы, на подрядах работаем, на купца, или служим социалистическому государству? Что ж, и мы станем, как страховое общество, разбазаривать государственные средства? Страховики считают, что грузы погибли, и с легкостью душевной расплачиваются... Все, что можно спасти, будем выгружать на «Руслан» и все перебросим на берег.

★

Корабль опутали змеи шлангов, у трюмов установили помпы, не умолкали крики такелажников и грохотала лебедка «Руслана», забирая грузы. Внизу, в первом классе, при свете тысячесвечовых ламп, водолазы корзи-

нами выбирали из воды снег и мелкий рыхлый лед, чтобы помпы могли откачивать чистую воду. Согнувшись, вытянув длинные руки, шевеля усами, бегал по накрененной палубе боцман Воцейщук, и казалось, руки тянут его, не дают ему стоять на месте без работы. Ежесекундно у боцмана требуют инструменты, стропа, масло, напильники, гвозди, железо и паклю. И Воцейщук, разместивший свое хозяйство во всех концах корабля, выпаливает страшное «есть» и в мгновение достает требуемое.

К двум установленным на «Малыгине» электропомпам электрики под командой Саксона провели с «Руслана» магистраль. Мотористы окоченелыми пальцами налаживали свои помпы и не могли даже сбегать в кают-компанию отогреть руки над камельком. С левого борта нередко люди сваливались в воду, и в секунду мороз их превращал в ледяные статуи. Неудачник бежал переодеваться, а через пять минут возвращался обратно в трюм.

Крылов не уходил с палубы. Он возился вместе с мотористами, он работал с такелажниками. Маленькие усы-ледяшки стягивали рот, полушубок окаменел. Он вдруг появлялся в машине, где дымили камельки, отогревая мохнатые, заснеженные стены, и всегда, даже когда оставался доволен работой, в лучшем случае бормотал:

— Так и нужно... Иначе дармоедство выходит.

Начиная работу в шесть утра на морозе, эпроновцы не расходились до десяти вечера. Люди теряли силы, но появлялся Крылов, и, в злобе на себя, изнеможденный эпроновец чувствовал необходимость продолжать работу. Все знали, что Крылов тяжко болен, но он упорно работал, и никто не мог позволить себе признаться: «не могу», «нет сил».

В гуще богатырских подводников Крылов, похожий фигурой на японца, ни на секунду не останавливаясь, работал. И, видя возле себя маленького человека, видя, с какой неутомимостью он работает, водолазы и такелажники расправляли плечи и вновь с напряжением при-

нимались за дело. Задержавшись у камелька и увидев разгоряченного Крылова, участник экспедиции со всех ног бросался в трюм, как уличенный в великом злодействе.

Один раз Крылов увидел моториста, пьющего нарзан. Из трюма только что подняли ящик нарзану, и не то оттого, что хотелось пить, не то желая попробовать, не испортился ли нарзан в морской воде, моторист отошел в сторону и откупорил бутылку. Крылов увидел и остолбенел.

— Курорт! Целебные источники! Люди работают, а он принимает минеральные воды! Клопов давим, об'едаем республику, государство разоряем!

Этого случая было достаточно, чтобы Крылов не забыл моториста до самого конца экспедиции. Он требовал, чтобы в «Полярном подводнике» были напечатаны потрясающие разоблачения «преступления».

— Нужны карикатуры! Чтобы так и видно было, как он пьет нарзан, а другие работают.

В дальнейшем товарищ прекрасно работал на своей помпе; он ночами помогал восстанавливать радиостанцию, и, когда об этом рассказывали Крылову, он изумлялся:

— Ну а как же иначе? Так и нужно работать. А помните, как он с нарзаном орудовал?

Дни и ночи разгружались трюмы. В Баренцбурге все учреждения заметались в надежде получить потерянное имущество. У каждого баренцбуржца что-либо пропало на «Малыгине», и экспедицию забрасывали радиограммами. Столовая хочет получить кондитерские изделия, яблоки, конфеты. Руднику «Малыгин» вез железо, врубовые машины, и в трюме подо льдом были затоплены сто тонн железа, труб и стальных тросов. Потонуло множество бочек с первосортной семгой, ящики консервированного молока — сто тонн всевозможного продовольствия.

К чести наших экспортеров, упаковка продовольствия оказалась превосходной. После первого рейса «Руслана»

в Баренцбурге на столах появилась свежейшая розовая семга, извлеченная из-подо льда затопленных трюмов. Крымские яблоки украсили магазин. Икра и масло, трубы и тросы, машины и консервы неожиданно возвращались в Баренцбург.

В три дня робинзоны Айсфиорда обжились на «Малыгине». Прошло лишь три дня, а нам казалось, что мы постоянно жили во льдах. Дома и улицы Ленинграда представлялись смутно, как кадры давно виденной и позабытой кинокартины.

Как автомобили, затарахтели помпы. Байков пустил «промет» для пробной откачки, и молодой моторист Луков стал у помпы «студе-беккер». Несколько часов откачивали воду, затем помпы остановили. Вода стала быстро прибывать, и то, что откачали за день, спустя полчаса вновь затопляло «Малыгина». Специалисты подсчитали:

— Поступление воды небывалое, больше тысячи тонн в час.

— Откуда столько воды? — догадывались эпроновцы.

— Исковеркало «Малыгина». Вероятно, он весь в огромных пробоинах.

Под воду безостановочно опускались водолазы. Борисов у трапа выслушивал донесения. Но ничего нового, кроме того, что сообщил Хандюк, водолазы не приносили.

Из воды вышел старик Осипов. Когда с него сняли шлем, он взял медную тыкву в руки, и мы впервые услыхали его мягкий, тихий бас.

— Сколько ни живу, где ни работал, — удивленно сказал он, — но ничего подобного не было. — Он указал на шлем. Мы заглянули внутрь и увидели: внутренность шлема и золотники покрылись льдом.

Обеспокоенный Борисов с тревогой ждал результатов обследования.

— Как же это может быть, — бормотал он: — воды прибывает тысячи тонн в час? Какой-то ужас...

— В чем ужас?

— Но ведь поступление воды бешеное...

— Но она поступала и раньше. Вода доходит до прежней нормы и... чего же страшного? Повидимому, пробоины.

— Да, самое страшное, — воскликнул Борисов, — что водолазы не находят пробоин! Я уверен в Хандюке, в Осипове и... и никто не обнаружил пробоин.

— Найдут...

— Нет.

— Не найдут?

— Хуже. У «Малыгина» нет пробоин.

Несколько дней искали водолазы пробоины и не находили. Борисов оказался прав в своей страшной догадке. На «Малыгине» не оказалось пробоин. Что может быть проще: найти пробоину, заделать ее, и вода перестанет затоплять трюм. Но у «Малыгина» не было пробоин. Водолазы нашли массу мелких, еле заметных трещин. От ударов о подводные скалы на судне получились вмятины, разошлись швы, и на подводной части «Малыгина» нехватало двух тысяч заклепок.

— И все это придется заделывать, — угрюмо сказал Борисов, — искать, забивать, заделывать мельчайшие щели. Тысячи незаметнейших щелей...

Крылов нисколько не удивился результатам обследования.

— Следовало ожидать, — спокойно сказал он, — «Малыгин» с 1922 года не был в капитальном ремонте. Замажем, забьем, где надо, поднимем «Малыгина», подремонтируем и... о как он еще заплавает!

Спокойствие и уверенность Крылова всегда действовали успокаивающе и вселяли в нас самые отрадные надежды.

Но сейчас показалось, что Крылов говорит, но сам не твердо верит в правду своих слов.

★

...Ночь. Кончилась работа. Выключили свет. Темно на «Малыгине». Сутулыми силуэтами прошли на корму в кубрик такелажники.

— Посторонитесь! — крикнули сзади, и, не различая в темноте, кто идет, я понял что это шагает один из командиров, иначе раздалось бы «полундра».

Мимо быстро прошел командир с чайником. Он остановился и, повернувшись, с горькой улыбкой сказал:

— О-о, если бы ты знал, что сейчас было! Думали — он разнесет.

— Кто?

— Кто же? Фотий Иванович! Вскипятили мы себе чай: все командиры дьявольски промерзли. Только сели пить — вдруг он входит в каюту, ну и... — Подавив вздох, командир, услыхав шаги, не закончил фразы и побежал дальше.

Из-за лебедки вышел Крылов.

— Безобразие, — глухо сказал он.

— Случайно не о командирах ли вы говорите?

— О них, — изумился Крылов.—А откуда ты знаешь? Представь, сидят и чай распивают. Задал я им...

Я промолчал, не чувствуя ни малейшей вины командиров. Было досадно за Крылова. Неужели он способен придираться, тем более что работа закончена, а командирам приходится выносить тяжесть полярной жизни не менее, чем всем участникам экспедиции? Крылов перешел границы.

— У нас, — сдержанно заметил я, — прекрасные командиры. Работают изо всех сил, и невозможно ими быть недовольным или...

— Кто же недоволен командирами? У меня лучшие командиры. Взял бы я в экспедицию, не отобрав самых испытанных!

— Как и все, не имея здесь перед командой каких-либо преимуществ, командиры работали, пообмерзли...

— Совершенно верно, — кивнул Крылов. — И что же?

— Какой же проступок нашли вы в том, что командиры пьют чай?

— И на здоровье, — подхватил Крылов. — Конечно нужно обогреться...

— Но вы...

— Командиры должны, — резко отчеканил Крылов,— должны сначала обеспечить чай команде, узнать, обогрелась ли, пила ли чай команда, а потом и самим пить. Я спросил — они не знали. В следующий раз...

— Товарищ начальник, — появился из темноты радист, — вам радиограмма.

Крылов прошел в кают-компанию и у свечи прочел радиограмму. Он перечитал ее дважды и совершенно спокойно. В ту же ночь командиры ознакомились с текстом радиограммы. Утром о ней узнала и команда. Но невозможно было понять, что мыслит Крылов, каковы его намерения. Почему он так спокоен?

Из дневника экспедиции

В курительном салоне под огромными пустыми скафандрами, закрыв глаза и тяжело дыша, лежал на полу, завернувшись в шубу, моторист Михайлов. Он работал у мотопомпы в коридоре первого класса и отравился газом. Возле мотопомп невозможно было стоять. Сизые испарения газа ели глаза, и мотористы часто падали без чувств. Свалился и Михайлов. Его снесли в салон, и теперь он отлеживается.

В салон пришел переодеваться молодой водолаз Уколов.

— Ну, как тебе? — спросил он Михайлова. — Полегшало?

— Лучше, — прошептал моторист. — А как там?

— Греем во-всю!—молодцевато прокричал Уколов.— Надо думать: если так пойдет, скоро наш «Малыгин» заплавает.

— Ой, не скоро, — раскрыл глаза Михайлов. — Ох, тут еще работы...

— А что, — удивился Уколов, — когда-нибудь он же всплывет?

— Когда-нибудь...

— Ну вот. Всплывет. Значит, нужно сделать скорее. И грей во-всю.

— Месяца два...

— Что ты! — запротестовал Уколов. — Мы его скоро поднимем, а потом сразу домой... К Первому мая мы с тобой в Ленинграде. Первого мая солнце, теплынь... А ведь, в самом деле, в это время всегда хорошая погода, иной раз жарко. На демонстрацию идешь в одном пиджаке...

— Солнце...—приподнялся Михайлов,—Первого мая... солнце...

— И девчата в легких платьях. Красные платки... музыка... Эх, жизнь!..

Михайлов, опираясь на ладони, сел, и глаза его совсем прояснились.

— И ты думаешь, — произнес он, — что к Первому мая мы будем в Ленинграде?

— Обязательно, — категорически заявил Уколов. — Голову на отсечение — будем.

— Хорошо бы, как ты говоришь.

— Обязательно, — подтвердил Уколов.—Поднажмем, а там наша жизнь... Солнце, трава. Эх!.. У тебя есть в Ленинграде малютка?

— Как же без нее? — рассмеялся Михайлов.— Есть.

Уколов, натянув мокрые сапоги, вышел из салона. Михайлов поднялся, застегнул шубу и тоже пошел вниз.

— Куда ты?

— Надо поработать, — застенчиво ответил он, — скорее бы поднять его...

Глава четвертая

„Как только потеплеет, начнется откачка корабля"

Радио ледокола „Ленин"

Как только потеплеет, начнем откачку воды в трюмах «Малыгина».

Уже теперь пароход оживает. В кубриках дымятся камельки-времянки.

С парохода «Руслан» проведено электричество. Ночью на «Малыгине» огни.

В ста саженях стоит ледокол «Ленин». Отсюда передается радиоинформация. Здесь же выпускается газета «Полярный подводник».

Сигнальщик флагами передает сообщение о ходе работ в Айсфиорде, где мы находимся. По словам норвежцев, наступает время морозов.

Ночь с 15 на 16 марта. На борту „Руслана"

Сегодня мороз 30°. И все же водолазы безостановочно спускаются на дно. В прозрачной воде хорошо видно, как в пузырях воздуха ходят они, рассматривая корпус корабля. Замерзают шланги; водолаз, лишаясь чувств, поднимается, и на трап ступает ледяная статуя. Но водолаз не бросает работы. Он стоит в окаменевшем скафандре, и товарищи льют ему на голову, на шлем кипяток, отогревая золотники. Пять минут спустя водолаз снова погружается на дно.

В темной глубине трюмов водолазы, как гномы, копошатся, зарывшись по горло в ледяную кашу. Они собирают руками мелкий лед и складывают его в корзины, а такелажники вытягивают корзины наверх и выбрасывают шугу за борт. Вода в трюмах смерзается, и сколько бы ни выбирали водолазы шугу, прибывающая вода опять мерзнет и превращается в лед.

На первый взгляд попытки очистить трюмы кажутся нелепыми, безумными.

Но Крылов, не отходя от шахты трюма, следит, чтобы работа не прерывалась.

В чем же дело?

В теплые дни лед, заполнивший трюмы, растает, и можно будет начать откачку воды. Сейчас помпы не в состоянии работать. Ледяная жижа и снег забьют шланги. Это понятно. Но к чему же выгребать лед, если вода мгновенно превращается в шугу?

Крылов об'ясняет:

— Нам страшно упустить время. Наступают морозы. Шуга в трюмах скоро превратится в толщенный лед, и, когда настанут теплые дни, вряд ли он успеет растаять. Здесь погода держится недолго. Три-четыре теплых дня, и только начнет таять ледок — снова мороз. Что станем делать? Ждать? Но так можно прождать до июля. Нет, пока длятся морозы, мы себе будем выбирать шугу и в первый же теплый день начнем откачку. Тепло задержится — повыберем побольше шуги и начнем.

По шестнадцати часов работают водолазы в трюмах. Огромные электрические лампы спущены в затопленный первый класс. Мерзлая вода затопила коридор, переломала, перекорежила, вывернула стены кают. И в этом коридоре, переползая горы досок, баррикады опрокинутых кроватей, шкафов и диванов, работают водолазы. Каюты напоминают склепы, они забиты льдом, и я не могу узнать своей каюты, в которой жил во время экспедиции тридцать первого года.

Закрываю глаза и вижу небольшую каюту с письменным столом. Влево от входа — умывальник с зеркалом, дальше — койка, отлакированная под красное дерево и закрытая зеленым полотном. Я открываю глаза — опрокинутый стол, сорвавшаяся со стены раковина и там, где стояла койка, глыба грязного льда.

Водолаз на веревке выволакивает корзину из коридора и опять уходит вглубь, шагая по коридору, как по каналу.

Нам не повезло: морозы свирепеют и нет надежды на быстрое потепление.

Прекрасно работают с нами руслановцы. Крылов сдружился с капитаном и штурманами и не расстается с ними. «Руслан»—наш верный помощник. Он стоит с левого борта и, перекинув на «Малыгина» свою лебедку, выбирает грузы. С «Руслана» переброшен электрокабель, и буксир дает нам свет. Часто мы забегаем на «Руслан» обогреться, и приветливая Шура всегда готова выставить чайник кипятку. Граня перешла каютприслугой обратно на «Малыгин», и теперь хозяйкой на «Руслане»

Шура Шабунина.

маленькая коренастая Шура. Она чудовищно много работает. С шести часов утра, в одной кофточке и в тяжелых сапогах, она бегает с ведрами воды. Она моет палубу в кубриках, убирает каюты, мчится на камбуз помогать коку, моет посуду и накрывает завтрак. Из камбуза слышится ее пронзительный голос:

— В салоне! Примите чайник!

Мы берем из люка чайник. В ту же минуту она вбегает в салон. Чашки и стаканы вертятся у ней в руках, и,

расставив с быстротой фокусника приборы, Шура скрывается, и мы слышим лишь грохот ее сапог на палубе.

Она неразговорчива потому, что занята до двух часов ночи. В пять она снова на ногах и опять озабоченно бегает.

Во время рейсов «Руслана» в Баренцбурге матросы успевают сходить в кино. Улучив свободную минуту, Шура набрасывает пальто и бежит на берег. Она возвращается через полчаса. Над ней обычно подшучивают:

— Что ж ты, Шура, не принарядилась, не досидела в кино?

— Я и не была в кино, — смеется она своим сильным голосом. — Я ходила за сахаром. Где мне в кино ходить!

Она ни с кем не разговаривает и смертельно боится испортить свою репутацию. Боязнь эта доходит до смешного. Стоит ее встретить на палубе и обратиться с вопросом, она пробежит мимо и только издали ответит.

Рассказывают, что она всегда, несмотря на свои семнадцать лет, была необщительна, но после случая с каютприслугой, которую все, вспоминая, называют «проклятой Нюркой», Шура еще более чуждается людей.

«Проклятая Нюрка» и еще более крепкие прозвища раздаются на «Руслане» ежеминутно. И хотя этой каютприслуги давно уже нет на буксире, руслановцы в любом случае клянут ее и не могут забыть.

Нас долго изумляло, почему рассердившийся на матроса штурман вдруг извергает проклятия на голову «этой Нюрки», отчего радист, которому разряды сорвали вахту, разрывает на части все ту же Нюрку и какое она имеет отношение к плохому качеству угля.

Однажды я сидел в салоне и пил с радистом Волынкиным чай. Кочегар просунул голову в дверь, взглянул на часы.

— До смены еще далеко, — угрюмо вздохнул он, вытирая потное лицо. — Чтобы она сгорела, проклятая Нюрка!

Прогремев ужасающей руганью, кочегар убежал вниз, а я, решив наконец добиться об'яснения, обратился к радисту.

— А как же ее не клясть?—всполошился Волынкин и даже обрадовался представившейся возможности лишний раз потрясти кости бывшей каютприслуги.— Да ее убить мало, Нюрку! Не знаю, откуда мы ее выкопали, — начал он рассказ. — Мы взяли ее в Мурманске каютприслугой. Шурка была поварихой. Снялись с якоря, пошли на Шпицберген. И только нас заштормило, она кинула работу и слегла. Ну, раз тебя море бьет— лежи и трави. Нет, брат, одной ей лежать показалось неудобно. И вот стала она пришвартовываться к ребятам. Прямо сама лезла ко всем — открыто. Ребята смеялись. Но посуди, какая же работа, если на судне завелась такая баба? Шурке работы за двоих — и на камбузе и каютприслугой, да еще за Нюркой ухаживай. Нюрка ко всем пристает, разыгрывает Шурку, что та ни с кем не водится. Одним словом, взбаламутила все судно. Как только мы пришли в Баренцбург, капитан, зная настроения ребят, сразу же списал Нюрку на берег. И что же теперь получилось, чтобы ей, проклятой, рожу свернуло? Шурку перевели в каютприслуги. На камбуз поставили кочегара Жору. У кочегаров нехватает человека, они работают в три вахты и запариваются. Приходится иногда посылать им в помощь матроса, потому что такого кочегара, как Жора, некем заменить. Нехватает матросов — штурману самому приходится браться. Так из-за нее, проклятой, вся наша жизнь перевернулась.

Радист отбросил чашку и четверть часа гремел проклятиями.

Шуру руслановцы любили и осторожно шутили с ней, как старшие братья с младенцем-сестрой. Шопотом между собой рассказывали, что ей нравится матрос Никашка Антуфьев, огромный детина, перед которым Шура казалась ребенком. Это не были сплетни от скуки. Матросы тайной молчания оберегали чувства Шуры, и

часто, заметив ее с Николаем, они старались незаметно скрыться и оставить их вдвоем.

Но Шура обыкновенно, увидя Николая, вдруг останавливалась и, робея, боком проходила мимо него, грустно опустив голову. Изредка Николай заходил в ее маленькую каюту, помещавшуюся рядом с матросским кубриком. Они раскрывали дверь и молча сидели, не глядя друг на друга. В таких случаях матросы с деланным увлечением начинали играть в шашки, стучали костяшками домино или раскрывали книжный шкафчик и брали брошюры. А Николай с Шурой молча сидели в омертвевших позах, пока Шура не срывалась с места.

— Побегу. Ужин накрывать пора.

★

...Ночью на «Руслане» Крылов слушал рассказы младшего штурмана Владимира Петровича Нагибина. Штурмана все звали Петровичем, и, когда он входил в салон, кто-нибудь обязательно громко возвещал:

— Идет Владимир Петрович На-ги-бин.

И в салоне появлялся маленький человечек, ростом с двенадцатилетнего подростка.

Трудно определить, сколько лет Петровичу. Он уже опытный моряк дальнего плавания. Ходил в «кругосветку» и с детских лет плавал на парусниках. Ему двадцать шесть лет, но можно поверить, что ему и восемнадцать и сорок. Длинное лицо его хранит выражение важности, но глаза вечно смеются, точно он сейчас подмигнет и скажет: «Я шучу, я нарочно». Он сосет большую трубку и носит мудреный английский двубортный жилет, отливающий блеском от сала. Он штурман, ревизор и ведет хозяйство буксира. Не доставая ногами до пола, он сидит с трубкой, облокотившись на стол, проверяя ведомости, или важно вынимает ключи от шкафов, от сундуков. Он говорит быстро, по-детски лепеча, и порой невозможно разобрать, что он рассказывает. Монотонно звучит голос, и только слышится «помашь, помашь»— так он выговаривает «понимаешь».

Крылов полюбил Петровича, Точилова и капитана Клюева. Он не отпускает их от себя, всегда советуется с ними. Они в свою очередь необычайно горды этим заметным расположением. Штурман Точилов, с которым Крылов встретился при первом походе «Руслана», всегда сидит против Крылова и не сводит с него глаз, дожидаясь приказаний. Крылов во всех случаях надеется на Точилова, точно тот может делать абсолютно все.

Командир Стольников докладывает начальнику:

— Осталось восемь тонн груза. Его придется отложить на после. Стрела «Руслана» стала: готовят пар для рейса в Баренцбург.

— Но я думаю, — говорит Крылов, — и семгу нужно перебросить с этим же рейсом.

— Но как быть?—улыбается Стольников. — Не вручную же!

— А почему бы и нет!

— Через час кончается работа. Для того чтобы перегрузить вручную, нужно часа три.

— Зачем три часа? Точилов возьмется и перегрузит за час. Иди, Герасим, покажи нашим, как работают руслановцы.

— Есть! — хватает рукавицы Точилов. Вскоре он снова появляется в салоне:

— Разрешите доложить: перегрузка закончена.

— За сколько времени?

— Сорок пять минут.

Крылов отворачивается в сторону, с большим удовольствием улыбается и, приняв прежнее выражение, строго кивает:

— Я же тебя знаю. Позвать командира, пусть поучится, посмотрит, как работают старые моряки.

Для Точилова эта фраза праздник.

Капитан Клюев похож на колхозника далекой деревни. Впрочем, вообще все северные капитаны совершенно не похожи на своих балтийских и черноморских товарищей, носящих красивую европейскую форму с золотыми нашивками. Клюев носит романовскую шубу

и папаху. Но стоит ему раздеться — и грозный капитан превращается в смущенного юношу. Он застенчив, говорит тихо, нараспев, заикаясь и стесняясь своего заиканья. Он мечтателен, задумчив и точно не находит себе места на буксире. Может быть, он мечтает о дальних опасных рейсах, о большом корабле. Он оживает, лишь когда нужно итти в Баренцбург, и, появляясь на мостике, полным голосом кричит команду. В салоне он тих и слушает разговоры, не делая своих замечаний. Иногда он берет гитару и, взяв аккорд, кладет ее обратно. Так он сидит ночь у стола, спустится на час в каюту, поспит и опять приходит к чайнику.

До четырех часов ночи, а то и до побудки, сидит в салоне Крылов. Когда все расходятся, он, прижавшись к углу дивана, дремлет, но не спит, и разговаривает со штурманом. Если на вахте Точилов, они с ним вспоминают своих знакомых капитанов; если дежурный Петрович, Крылов усаживает его рядом и просит:

— Расскажи, Петрович, что-нибудь.

— Что рассказывать,—смеется Петрович,—и не знаю.

— А что хочешь, ты больно хорошо рассказываешь. Ну, как плавал на «Товарище» в Уругвай.

— Да я уже рассказывал, — морщит лоб, напрягает память Петрович. — А как в Гамбурге в меня кельнерша влюбилась, кажется, не рассказывал?..

— Давай, давай! — живо подхватывает Крылов, точно он и в самом деле вне себя от интереса. — Влюбилась?

— Как дьявол, — в восторге подтверждает польщенный Петрович и начинает рассказ.

Крылов устраивается удобней, закрывает глаза, как бы греясь на солнце. Штурман увлеченно, быстро говорит, и в потоке слов мелькают еле понятные фразы:

— ...Плачет, помашь... Не уезжай, рюсс-моряк... На кого, помашь, меня оставляшь? Тащит, помашь, угощение ешь, помашь... А мы уходим, помашь... Лиза, говорю, помашь... я моряк, помашь...

Но вдруг Петрович останавливается. Он смотрит на

Крылова, закрывшего глаза, и умолкает. Крылов тотчас поднимает голову:

— Рассказывай, рассказывай... Я же слушаю. Так, говоришь, плачет немка.

— Убивается, — продолжает Петрович. — Никак ее, помашь, не успокоить...

Рассказ длится час, два... Крылов то и дело бормочет, не раскрывая глаз:

— Рассказывай, рассказывай, Петрович.

Иной раз в разгаре рассказа Крылов раскрывает глаза и в упор смотрит на Петровича. Штурман распаляется, поощренный вниманием, но ему начинает казаться, что Крылов не верит.

— Можно узнать, помашь, — уверяет он. — Это был большой миллионер в Монтевидео, в газетах писали. Он к нам с дочкой приходил. А она, помашь, в первый раз видит советского моряка. Папаша отошел, а я, помашь, стою за фок-мачтой и...

— Я думаю, Петрович... — останавливает Крылов штурмана, но тот спешит рассеять недоверие

— Ее все наши видели. Первая красавица!..

— Нет, ты скажи, как ты думаешь: если побольше камельков в машинное отделение да отопить его — быстро оттает?

Петрович привык к таким неожиданным оборотам и, немного подумав, отвечает. Крылов опять откидывается на диван.

— Что же ты бросил рассказывать? Давай. Так она сама подходит...

— И не стесняется. Я ж сказал, она еще не видала наших моряков, помашь...

...Шесть утра. На «Малыгине» побудка. Быстро вскакивает Крылов и спеша обвертывает шею шарфом. Лицо его румяно, глаза блестят. Через минуту он переходит по трапу ко второму трюму, и оттуда слышится его свежий голос:

— А ну, начнем шевелиться!

Глава пятая

Как на „Малыгине" встретили солнце

В шесть часов утра 16 марта всему составу экспедиции стало известно содержание московской радиограммы. Срочный выпуск «Полярного подводника» сообщил:

„Нам дан кратчайший срок"

На мертвом корабле с утра до ночных звезд и при свете северного сияния, на зверском морозе, мы настойчиво бьемся над тем, чтобы «Малыгин» ожил и поднялся с подводных скал.

...Трудящиеся на материке ждут нас с краснознаменным «Малыгиным». Из всех сил мы стремимся оправдать доверие страны. Лучшие из нас — ударники водолазы, мотористы, такелажники и электрики — показывают яркие примеры подлинного социалистического отношения к труду; их работа доказывает, что полярной стихии не заморозить огонь энтузиазма большевиков-подводников. Но то, что нами сделано до сих пор, все еще недостаточно для победы.

Начальник экспедиции т. Крылов получил из Москвы радио с требованием срочного возвращения ледокола «Ленин» в Архангельск для проведения весенней ледокольной кампании в порту.

Правительством нам дан кратчайший срок — десять дней. К 25 марта «Малыгин» должен быть снят.

Наступили решающие дни. Каждый из нас понимает, что из-за под'ема «Малыгина» весенняя кампания в Архангельске сорваться не должна. «Ленину» поручено также вывести на зверобой зазимовавшего в устье Двины у Архангельска «Русанова», который является солиднейшим валютным цехом.

Каждый из нас мечтает о том счастливом дне, когда на «Малыгине» снова взовьется флаг с гербом Советского союза.

Что же мы обязаны предпринять?» (Следует подробный разбор задачи операции.)

★

Глубокое волнение вызвала радиограмма Москвы среди участников экспедиции.

— Шесть дней. Будем работать двадцать четыре часа и выполним к сроку.

Но как с помпами? Морозы, обледенение... Что предпринимают мотористы?

Оставаться без «Ленина» нельзя. Задерживать ледокол — невозможно. Кто будет прокладывать русло «Малыгину», кто будет нас буксировать к пристани Баренцбурга?

Что мыслит Крылов?

Спокойный вид начальника экспедиции приводит в недоумение. Он точно не помнил о полученной радиограмме. Боком пробираясь по спардеку, он с мостика наблюдал выгрузку льда из трюмов. Заметив задержку в работе, он мчался на нижнюю палубу или спускался в машину и кочегарку, безмолвно наблюдая за происходящим.

Состояние «Малыгина» могло привести в отчаяние. Ни одна из переборок корабля не служила преградой для воды и льда. От удара о рифы, от набившегося внутрь льда переборки искорежило, изломало, и лед свободно переходил из одного помещения в другое. Это обстоятельство осложняло работу. С какой бы силой ни откачивали воду из второго трюма, вода сразу прибывала из кочегарки, из машины. Командование экспедиции изменило первоначальный план, и было решено производить откачку всего корабля одновременно. На корме, на носу, на нижней и верхней палубах, у всех трех трюмов, в машине и кочегарке спешно устанавли-

вались помпы и слоновые хоботы шлангов опускались в глубину корабля.

С каждым днем крепчали морозы. Не успевали водолазы выбрать лед, как в трюмах немедленно прибывала вода, но к вечеру там, где днем шумно плескалась вода, плавала и смерзалась шуга, и утром подводники опять вырубали бурый лед. И все же Крылов оставался спокоен.

Сговорившись, журналисты решили обратиться к начальнику экспедиции с официальным запросом. Крылов охотно согласился, и ночью состоялось интервью.

— Каковы ваши намерения? — приготовили корреспонденты список волнующих вопросов. — Остались считанные дни. Уйдет ли «Ленин» во-время, как этого требует правительственная радиограмма?

— Вне всякого сомнения, — не задумываясь, ответил Крылов и добавил: — Отсутствие «Ленина» может причинить Архангельскому порту колоссальные убытки. Ни один ледокол не может заменить «Ленина» в Архангельске. Глубокая осадка «Красина» не дает ему возможности ходить по Двине. Никто, кроме «Ленина», не может ломать лед в этом порту. «Ленин» каждую весну устраивает на Двине искусственный ледоход. А вы знаете, что произойдет, если «Ленин» запоздает и не проведет ледокольной кампании? Начнется ледоход, и льды разнесут на Двине лесовозы... бедствий не перечислишь. Не-ет. Задерживать «Ленина» — преступление...

— Можем ли мы остаться без «Ленина»?

— Ни в коем случае.

— Какой же выход?

— Выход один...

— У вас готовы решения на любой случай?

— Конечно. Повторяю, выход один — выполнить задание правительства.

— Какие же меры вы считаете необходимыми для обеспечения выполнения задания в срок?

Крылов помедлил с ответом; его лицо застыло в на-

пряженной сосредоточенности, потом, сощурив в улыбке глаза, он быстро встал, бросая на ходу:

— Шевелиться надо!

*

Историю неожиданных событий, обрушившихся на экспедицию, передаст хроника документов. Вспомним о том, что «Руслан» регулярно ходил в Баренцбург, отвозя на берег поднятые из трюмов грузы. Залив Грингарбург был забит льдом, но «Ленин» двигался впереди, ломая торосистый лед, и маленький «Руслан» свободно шел за ним по заливу. Из Баренцбурга опять при помощи «Ленина» «Руслан» возвращался в фиорд. Вспомним также, что «Ленин» останавливался в ста морских саженях от «Малыгина», ибо дальше начинались рифы, и «Руслан», выбравшись на чистую воду (фиорд не замерзал), шел к нам, везя уголь и воду. С «Руслана» перебрасывали кабель, и «Малыгин» получал освещение.

На следующий день после получения радиограммы из Москвы «Ленин» и «Руслан», как и обычно, отправились в Баренцбург, и... «Руслан» не вернулся.

Что произошло затем, расскажет вахтенный журнал. Мы же дополним его подробностями, которые не заносятся в официальный дневник экспедиции.

Из вахтенного журнала

«Утром «Ленин» вышел из Баренцбурга, пробивая русло пароходу «Руслан», шедшему с грузом угля, воды и продовольствия для «Малыгина».

«Руслан» не мог пройти гряду мощных торосов и с полпути при помощи «Ленина» вернулся в Баренцбург. «Ленин», проводив «Руслана», снова отправился к «Малыгину», посредством семафора дав знать, что приход «Руслана» невозможен. Между «Лениным» и «Малыгиным» образовался тонкий лед. Ввиду этого переноска угля и продовольствия по льду оказалась также невозможной».

★

На крыше мостика «Ленина» появился сигнальщик. Черная фигурка замахала флагами, и сигнальщик «Малыгина» Бекусов побежал на бак корабля.

Мелкали флаги. Бекусов ловил слова и передавал Крылову.

— Говорит Васин... «Руслану» пройти нельзя... Завтра попытаюсь во что бы то ни стало отправить на собаках хлеб, уголь и трубы для камельков...

Сигнальщик «Ленина» остановился. Теперь он принимал семафор Бекусова.

— Постарайтесь, — ответил Крылов, — хлеба осталось мало.

«Ленин» ушел в Баренцбург. Впервые с начала работ «Малыгин» остался в одиночестве у скал фиорда.

В Баренцбурге Васин и Пучков нашли норвежца Шмуцлера, управляющего единственной собачьей упряжкой[1]. Шмуцлер как раз накануне вернулся из похода в Адвентбей. Зимой между Адвентбеем и Баренцбургом сообщение прерывается, и редкий смельчак решается предпринимать поездку через ледники. Лыжник проваливается в скрытые под снегом ледниковые трещины, и один лишь Шмуцлер по неизвестным тропам совершает зимой поездки между Баренцбургом, Грумант-сити и Адвентбеем.

С баки отдыхали. Шмуцлер сказал:

— Завтра выведу упряжку. Но опасаюсь, не знаю, окреп ли лед в заливе. Промоины, полыньи, тюленьи лунки...

Обеспокоенные положением экспедиции, Васин, капитан «Ленина» Печуро, командир Пучков и старший штурман Немчинов взобрались на вершину ледника, откуда был виден весь залив, фиорд и «Малыгин». Ветер сбивал их с ног, не давая стоять. Но, падая, они все же успели уследить, что фиорд скован льдами и далеко, не меньше чем на тридцать миль, в море простиралось ле-

---

[1] Эту собачью упряжку оставил на Шпицбергене Р. Амундсен.

дяное поле. Криво торчали мачты «Малыгина» и, как ни пытался Печуро что-либо разглядеть в бинокль, людей возле корабля он не видел. «Малыгин» казался безлюдным, и на нем даже не дымились камельки.

В этот день стоял тридцатиградусный мороз, а на «Малыгине» не было угля.

Не думая об опасности путешествия по заливу, Васин и Пучков решили завтра же итти к «Малыгину» на собаках. Скорей спешить! На «Малыгине» нет хлеба, нет угля, воды. Без стрелы «Руслана» работа остановилась; потухли камельки, в ледяных пещерах, закутавшись в шубы, сидят по углам одинокие подводники и ждут помощи...

Записи вахтенного журнала и заметки «Полярного подводника» восстановят нам жизнь робинзонов Айсфиорда.

Из вахтенного журнала

«Сегодня выдали по сто граммов хлеба. С уходом «Руслана» лишились виры»[1].

Из срочного выпуска „Полярного водводника"

„В краю изменчивой погоды минута сберегает день

Наступили сильные морозы. На Шпицбергене, как нас уже предупреждали раньше, погода меняется с молниеносной быстротой. С севера на юго-запад летят птицы; это значит, что на севере Айсфиорда образовался широкий ледостав и птицы не могут охотиться за рыбой. Морозы устойчивы.

Не медля ни минуты, мы обязаны, побеждая мороз, продолжать работы. Наша задача — возможно быстрей разгрузить все три трюма, чтобы скорей развернуть главную операцию. Надо помнить, что в метеорологических условиях Шпицбергена каждая минута работы сберегает день и день стоит месяца».

---

[1] Стрелой «Руслана» ежедневно производилось двести под'емов груза.

Из „Полярного подводника“

„Лебедки нет — есть руки ударников

У экспедиции остались одни только голые руки. И эти руки сделали больше, чем лебедка «Руслана». Водолаз Ферапонтов подал в первой смене двести ящиков. Водолаз Громак подал во вторую смену сто пятьдесят один ящик. Ему помешало позднее время. Сегодня Мартынов и Барашков сделали по сто пятьдесят под'емов. Старые водолазы сделали больше под'емов, чем молодые. Молодежь раскрывала люки, основала стрелы, блок, нашла концы. Вирают Кошев, Каменский, Мальган, Салмин, Заостровский, Крупкин. За первый день сделано четыреста пятьдесят три под'ема. Ударники громят мороз. На морозе леденеют канаты, они соскальзывают, и опять приходится вирать, сжимая канат так, что он врезается в руки».

★

Жизнь на «Малыгине» кипела, как никогда. Крылов, необычайно повеселевший, вместе со всеми таскал грузы, не бранился и даже изредка, чего уж никак нельзя было от него ожидать, хвалил:

— Вот сегодня мы хлеба даром не едим.

Но, вспомнив, что хлеба нет, он спохватился и строго добавил:

— Злее будем. Работать лучше. Нужно и сто граммов заслужить. У нас в республике есть такие работяги, которым и крохи не стоит давать.

В полдень на мостике раздался крик:

— Человек на льду!

На минуту эпроновцы отошли от трюмов. У черной скалы бежал человек.

— Собак не видно, — донесли с мостика.

Человек остановился, постоял, потом повернулся и скрылся за скалой.

— Удивительно, — не могли понять эпроновцы: — если он добрался из Баренцбурга до скалы и смотрел на нас, почему он не пришел на «Малыгин»? От скалы до нас сто шагов, не больше. Кто бы это мог быть?

Мороз крепчал. Срастался и твердел лед вокруг «Малыгина». Эпроновцы отправились ломать лед с айсбергов. На веревках со всех сторон к кораблю волокли пресные глыбы, и Воцейщук доложил:

— Есть вода!

В этот день обедали только ломтиками хлеба. Бережно кусал свой микроскопический кусок молодой водолаз Ферапонтов, способный сделать двести под'емов и закусить половиной буханки хлеба первое блюдо.

В четыре часа дня из-за скалы выскочила собачья упряжка. Вслед за собаками бежали Шмуцлер, Пучков и электрик Неелов. Они были мокры с головы до ног.

На льду разгружали хлеб.

Шмуцлер и Пучков пришли к камельку в кают-компанию. Они сушились. Весь путь приходилось бежать, поспевая за собаками, и часто все проваливались в полыньи.

— Но ничего, как видите, явились, — выжимая портянки, говорил Пучков. — Молодец наш комсомолец Неелов. Утром он на коньках пробрался к вам, а затем сообщил, что итти к вам можно.

Так вот кто маячил у скалы!

— Это был я, — тихо, боясь быть услышанным, сказал Неелов друзьям.

— Отчего же ты не пришел на «Малыгин»? Какие-нибудь сто шагов.

— Честное слово, боялся — Крылов увидит и скажет: «Клопов давишь!»

★

— Во что бы то ни стало, — приказал Крылов, — «Ленин» должен привести «Руслана». Лед пока еще можно пробить. «Руслан» пробьется. Помните радиограмму? — уставился он на Пучкова. — То-то.

Пучков на собаках вернулся в Баренцбург, и Васин приказал Печуро:

— Завтра идем.

В течение трех часов следующего дня «Ленин» пробивал в заливе путь «Руслану». В горле залива «Ленин» бросил якорь; теперь «Руслану» одному предстояло итти к «Малыгину». «Руслан» появился из-за кормы «Ленина» и полным ходом вклинился в лед. Он с отчаянной смелостью кидался на торосы. Сойдя на лед, мы с восхищением наблюдали отвагу маленького буксира — он действовал, как мощный ледокол.

— Нужно помочь «Руслану», — забеспокоился Крылов, — надо подорвать лед.

— Кто же у нас подрывники?

Крылов разозлился:

— Каково! Что ж, нам, выходит, еще подрывников нужно было тащить с собой?

— Кто же будет подрывать лед? Нужно уметь.

— Нужно уметь все делать! — И Крылов позвал: — Воцейщук!

— Здесь! — взмахнул рукавицей Воцейщук.

— Надо подорвать лед.

— Есть взрывать лед! — прогремел Воцейщук.

Спустя три минуты боцман с двумя помощниками возился со шнуром; вдруг Воцейщук отбежал, засвистел, и сильный взрыв разнес лед на пути «Руслана». Взрыв за взрывом—и «Руслан» пришвартовался к правому борту «Малыгина».

★

Вспыхивает, пламенеет зеленое зарево. Как крыло, над «Малыгиным» распростерлось северное сияние. Синие, как июльское небо, ледники кажутся близкими, и тускло светят желтые звезды. И вдруг лиловое пламя разливается по льду, разгорается, краснеет и пышет ярким огнем. Рассеивается легкий туман, и в прозрачном воздухе открываются остроконечные горы. В за-

несенных снегом долинах сверкают ледяные вулканы, горят, искрятся пирамиды в теснинах ледников.

Встает солнце.

Скоро будет совсем светло. Быстро прибывает день на Шпицбергене. Недавно, сумрачным, мглистым утром, вошел «Седов» в Айсфиорд. Но вот уже кончилась полярная ночь, и утро, первое солнечное утро, огласилось чудесными звуками.

На Шпицбергене на заре не поют птицы. Мертвая тишина ледников встречает солнце. Но в это утро это потрясло тишину Айсфиорда. Казалось, невидимые самолеты взлетели над кораблем, вокруг заметались автомобили, завизжали, загудели и заревели моторы...

По всему «Малыгину» в это утро пустили помпы.

Из дневника

Ночь с 20 на 21 марта. На борту „Руслана"

Случилась неприятнейшая история.

Во время пробного пуска помп оказалось, что мотор Одьяка не работает. Одьяк не проверил, не подготовил свой мотор. Помпа бездействует, и возле нее, опустив руки, стоит угрюмый виновник. Незаметный до сих пор парень стал всеобщей известностью. Одьяк, неразговорчивый, задумчивый малый, всегда держался както в стороне. Никто никогда не называл его имени, и он всех дичился.

И вот мотор его не работает. Крылов вне себя. Стольников получил приказ начать следствие и по выяснении причин бездействия мотора отдать Одьяка под суд. Приказ вывешен в салоне, все читают, обсуждают. Одьяк тоже прочел, но остался совершенно равнодушным и как-то отупело молчит.

Странный парень. По возвращении, после победы он попадет под суд. Но никто ему не сочувствует. При встрече с ним огрызаются. Крылов не может видеть его. Случись ему заметить плохую работу, он кричит:

— Это что, второй Одьяк? По-одьяковски работаем!

— Конченный человек Одьяк, — решили все эпроновцы и перестали замечать его унылую фигуру.

★

Быстро прибывает день. Ночью северное сияние. По небу ползет зеленое пламя, незаметно огонь тускнеет, и весь Айсфиорд покрывается яркой синью. Синие ледники, синий лед. Яркозеленое небо. И вдруг лед начинает быстро покрываться сиреневой краской, лед краснеет, точно кровь разливается по фиорду. Сиреневое сияние окрашивает бледные лица людей, и на носу черного «Малыгина» вспыхивает золотой блик. Заря.

Ослепительным золотом сверкают вершины ледников, красные тени лежат на склонах. Небо голубеет. И—день настал.

Свисток. Грохочут помпы.

Ночью, когда колышется над кораблем северное сияние, я захожу к радисту «Руслана» Валентину Волынкину. Он, по-обычному вз'ерошенный, лежит на койке и читает.

Стрекочет репродуктор. Читая лежа, Валентин слушает передачу «Ленина».

— «Красин» добрался до Новой земли, — сообщает он. — Послали рапорт правительству.

Я прошу его, нельзя ли что-нибудь послушать: Москву или Ленинград. Волынкин слезает с койки.

— Трудно... Плохая слышимость. Попробуем.

Он садится за аппарат, и репродуктор клокочет телеграфной стрельбой. Поющие, скулящие звуки прорываются сквозь дробь морзе. Неожиданно проскальзывает обрывок музыки, звук человеческого голоса, и опять стрекочет морзе. Волынкин гнется над конденсаторами. Тихо, откуда-то из невероятной дали, начинают доноситься плавные звуки грустного джаза. Секунда — и джаз становится слышней. Медленно-медленно, печально играют трубы, и вдруг мелодичный грустный женский голос совсем по-детски поет под плывущие звуки оркестра. Голос поет о лесах и долинах, о небе весны

в облаках, о любви... и вдруг... удар литавр, взрыв, канонада барабанов, вой саксафона — и захватывающий, бурный, неукротимый фокстрот бьет из репродуктора.

Где-то в европейском дансинге погрустили три минуты. Теперь довольно сентиментальности. Фокстрот. Пострадали — и бум-бум-трах — джаз! Под джаз — то бурный, то замирающий — я читаю тетрадку дневника Волынкина. Он давно хотел, чтобы я прочел его дневник, но все стеснялся предложить. Задира, буян (таким любит представляться Волынкин—этот бывалый моряк) застенчиво прячет глаза. Я с интересом читаю о походе «Ленина» и «Руслана» на помощь «Малыгину». Они шли в абсолютной темноте полярной ночи.

— Не могу описать всего, — говорит Волынкин. — Но ты знаешь, что наш «Руслан» развалина. Только потому, что нужна была срочная помощь, нас послали. А так ведь «Руслану» регистром запрещено плавание. И вот тут ты прочтешь, как мы шли на буксире у «Ленина». Темнота адская. Еле видны топовые огни «Ленина». Шторм. У самого Шпицбергена лопнул трос. Мы сорвались с буксира. «Ленин» не мог нас найти, и один пришел в Баренцбург. А нас замотало. В Баренцбурге думали, что мы погибли, а мы через сутки сами притопали.

Я прочел прекрасный дневник Валентина и с искренней радостью похвалил его. Волынкин смутился.

— Это я пишу в нашу газету «Портовик». Я не раз писал им. Мало ли бывает... — И Волынкин, чтобы замять разговор о дневнике, начал рассказывать различные случаи из своих плаваний. Он уже несколько раз давал «SOS». В военном флоте он служил на подводной лодке, и однажды, опустившись на дно, подводная лодка заклинилась между камней.

— А наше дело одно: молотить и молотить...

Оркестр угас. Тихо стучал морзе; внезапно забили сильные звуки телеграфа.

Волынкин поднял голову, насторожился. Он усилил прием и стал вслух повторять слово за словом.

— Это Грумант-сити[1] обращается к консулу: «Два часа назад из поселка вышел рудокоп Гриньков... До сих пор не вернулся... Вышлите на поиски отряд с собаками». Отвечает Баренцбург: «Отряд высылаем... В какую сторону ушел Гриньков?»

Радио на несколько минут умолкает. Потом опять.

— «Отряд вышел, — повторяет Волынкин, — двигаясь по направлению к Груманту. Нет ли у вас новостей?» Грумант отвечает: «Гриньков вернулся».

Я вспоминаю, что нужно послать радиограмму.

— Давай, — соглашается Волынкин. — Сейчас как раз и «Ленин» и Баренцбург молчат.

Он принимает листок, нумерует, но в этот момент опять начинает работать Грумант-сити:

«Вернитесь... Гриньков просто заблудился, но быстро нашел путь».

★

Волынкин ждет конца передачи, чтобы начать работу. На секунду Грумант-сити делает паузу и опять:

«Гриньков дома... Тревога оказалась напрасной...»

Волынкин хмурится. Когда Грумант кончил, он начал передавать мою радиограмму на «Ленин», чтобы тот во время утренней вахты передал ее на материк. Но Грумант-сити снова перебивает:

«Гриньков благополучно вернулся домой, отзовите лыжников».

Рассердившись, Волынкин швыряет радиограмму.

— Теперь они будут, наверное, передавать, что Гриньков пьет чай, потом — что лег спать, что жена довольна...

Из радиорубки иду в салон, где, знаю заранее, дремлющий Крылов слушает рассказы Петровича.

У трубы движение. Шура бросается в сторону, и Николай остается один.

Звезды светят последним блеском. Голубеет небо. Уползает, рассеивается полярное сияние.

---

[1] Грумант-сити — поселок угольной концессии в тридцати километрах к востоку от Баренцбурга, отделенный ледниками.

Глава шестая

Накануне последней ночи

Джокер прыгал по торосам, смотрел на небо, восторженно кидался вниз, скакал по льдинам или вдруг осторожно пятился и с любопытством обхаживал тюленьи лунки. Я шел по льдам залива Грингарбурга в Баренцбург печатать срочный выпуск «Полярного подводника».

Прозрачные льдины хаотически громоздились зелеными пластами, с правого берега спускался обрывистый ледник, и вдали занесенная снегом виднелась норвежская хижина — приют терпящих бедствие путешественников.

Не останавливаясь, размашисто шагал писатель Соколов-Микитов. Это за ним увязалась из Баренцбурга рыжая полярная лайка Джокер.

Никому не известно, откуда появился в Баренцбурге Джокер. Обычно на Шпицберген собак завозят советские суда. С «Седовым» путешествует Муха, и ее, как старого доброго знакомого, ласкают скучающие полярные жители. Муха гостит на берегу, но, лишь послышится отходный гудок, собака несется на пристань и укладывается на палубных бочках. Бродяги севера рады случаю когда угодно сопровождать человека, и Джокер вчера прибежал к «Малыгину» и скачет за нами по заливу. Неожиданно Джокер останавливается перед высокой льдиной и начинает рычать. Нужно быть осторожным. Медведи на Шпицбергене, по рассказам жителей 78-й параллели, благодушны, но мы не склонны проверять характер белого зверя, хотя за месяц до нашего прихода в Айсфиорде призошел забавный случай, способный внести коренные изменения в зоологические труды Брема.

Это было полярной ночью. Жена баренцбургского грузчика принесла на пристань гостинец мужу — яблоки. Она остановилась поговорить с подругами. Вдруг

ее толкнули в спину. Женщина возмущенно повернулась и... выронила яблоки: белый медведь стоял перед ней на задних лапах. Медведь наклонился, не спеша взял яблоко, съел, с урчаньем принялся за второе и, удовлетворенный, побрел обратно во льды.

Джокер злобно рычит. У нас нет с собою фруктов, и мы спешим к берегу, тем более что хижина рядом и нам представляется первый случай за время экспедиции осмотреть традиционное убежище полярных путешественников.

Хижина занесена плотным снегом. С трудом открываем мы двери и входим в уютное помещение с железной печкой. В маленькой прихожей приготовлен уголь. В небольшой комнате — кровать с теплыми ночными туфлями, в шкафу — лекарства и коньяк. По углам — ящики с продовольствием. На столе — лампа, иллюстрированный норвежский журнал, книги, чернила, бумага, и на стенах портреты Ибсена, Шекспира, Толстого, Шопена. Если заблудившийся путешественник, потерпевший кораблекрушение моряк наткнется на эту хижину — он спасен. Он переоденется, растопит печку, сварит пищу, выпьет рюмку коньяку, закурит трубку и перед горящим камельком отдохнет в кресле, вытянув ноги и перелистывая журнал. В хижине с исключительной заботой и любовью приготовлено все, что необходимо человеку. Нет только добродушного, гостеприимного хозяина. Много таких счастливых приютов разбросано в ледяных дебрях, снегах гор архипелага Свальбард. И в этих хижинах не один раз спасались от смерти путники, застигнутые полярным ураганом. Летом советская колония намерена обновить эти домики, завезти продовольствие и одежду и построить новые хижины. Недавно два советских рудокопа ушли на охоту и не вернулись. Лыжники нашли их замороженные трупы в одной миле от берега. В снежном буране охотники потеряли направление. Случись им набрести на хижину — и несчастье бы миновало.

С уважением к обычаям Арктики мы оставляем свои папиросы на столе и под лай Джокера продолжаем путь.

Яркое голубое небо. Осматриваясь вокруг, я вижу белую пустыню. Белые Кара-Кумы. Кругом голубеющие на солнце торосы; их серебристая, ровная поверхность напоминает гладкие «такыры» Кара-Кумов.

Тишина. Мне начинает казаться, что вдали бредет караван. И вдруг вспоминается: в прошлом году в марте в этот день я скакал по границе Афганистана, мчался в Вахшу, изнемогая от знойного солнца, от жажды...

Белая пустыня вокруг, синим огнем пылают расщелины во льдах. С берега, с ледника ползут чудовищные снега.

В Баренцбурге бункеровался «Ленин», готовясь к скорому походу на материк. Ночью газета была отпечатана, и утром мы с Александром Садовским снова отправились на «Малыгин».

Снежное утро началось легким ветром. Выйдя на середину залива, мы встретили лыжников.

— Не ходите, — предупредили они. — Впереди трещины, лед расходится.

Но было 23 марта. Двадцать четвертого в полночь наступает конец правительственного срока. Садовский безмятежно стряхнул с шапки снег и процедил: «Не имеет значения». Два дня назад он провалился в тюленью лунку и из ледяной воды вылез, пропитанный презрением к жестоким каверзам Арктики.

На горизонте, скрывая «Малыгина», чернелась знакомая скала, и, как на огонь маяка, мы направлялись к ней, обходя трещины желтеющих льдин. Ветер стих, скала пропала в густом тумане. «Не имеет значения», опять сказал Садовский. Внезапно туман так же быстро рассеялся, и задул порывистый ветер со снегом. Садовский равнодушно пробирался через торосы; по Арктике он путешествовал впервые и не представлял, какую опасность несет ветер последних параллелей.

В Арктике помнят трагическую гибель комсомольца-геофизика Лебедева на Новой земле зимой 1931 года. С начальником зимовки Ляскиненом в тихий безветреный день Лебедев шел к метеорологической станции. Они остановились в нескольких шагах от будки, закурили. Не успел Лебедев бросить спичку, поднялся ураган, будка скрылась во тьме, и он не смог увидеть своего начальника. Ветер опрокинул зимовщиков; они поползли, но снег забивал рты, уши. И, когда пронесся ураган, обмороженный Ляскинен нашел молодого геофизика задохнувшимся.

Снежный ветер выл над Грингарбургом. Снег хлестал по глазам, и, ничего не видя перед собой, мы свернули к леднику, к берегу, где находилась хижина. Но берег не показывался. Торосы ломались, трещал лед, нестерпимо обжигал ветер, снег обмерзал на лицах, а хижины все не было, между тем как мы знали — берег находился близко, ведь еще до тумана он возвышался не далее чем в пятидесяти шагах.

Около часу мы брели по заливу. Вот что-то черное выползло из мглы. Ветер упал, просветлело—мы стояли перед скалой... перед самым «Малыгиным».

В шуме водопада стоял корабль. С левого борта из-под ледяных каскад, из шлангов била вода. С мостика над вторым трюмом наблюдал Крылов.

Капитан Филатов вышел на палубу. Комкая в руке табак, он растроганно сказал:

— Я был в кочегарке, я ходил по суху...

★

Во втором трюме работала помпа «студе-беккер». Она откачивала сто восемьдесят тонн в час. Комсомолец Луков прекрасно подготовил мотор, и вот уже семь часов помпа качала безостановочно. Луков не отходил от мотора. Он промок, и почерневшая, лоснящаяся от обледенелой воды шуба делала его похожим на тюленя. Луков не сменялся и стоял у мотора, грея синие пальцы над выхлопками отработанного газа

По левой палубе Байков на санках тащил маленькую помпу «промет». Известный мотоциклист, конструктор первого советского мотоцикла Байков с ленинградского завода «Промет» привез первую советскую помпу и всюду устанавливал свои орудия, стараясь опередить немецкие «магирусы». И «прометы» действовали отлично. На двадцатипятипроцентной мощности мотора помпы били такой мощной струей, что шланги не замерзали, и каждый «промет» выбрасывал из корабля сорок тонн воды.

У второго трюма моторист Осадченко с увлечением устанавливал колоссальный японский рефулер. Байков за это время протащил по кораблю еще три помпы.

— Пока они разберутся и наладят, — хитро посмеивался он, — мои «прометы» будут качать и качать. Они плевали на морозы.

Исхудавший до неузнаваемости старшина мотористов Илья Сачков и пожелтевший от бессонных ночей начальник отряда электриков Саксон метались в синих облаках удушливого газа, проверяя помпы. И все люди на корабле, как при сражении, с изменившимися, строгими лицами, окружали машины — все в эти часы были отданы помпам.

Из трюмов быстро убывала вода. Ледяная скорлупа висела над головами копошившихся водолазов. Это остался знак, каким отмечают черту наводнения: «до сих пор доходила вода».

На дне водолазы ходили уже только по пояс в воде, ходили без шлемов; они ворочали оставшиеся бочки и с паклей в руках искали и затыкали дыры от выскочивших заклепок.

В машинном отделении вода была откачена. Дымились камельки, и по железным стенам дождем сползал растаявший снег. Но машина производила угнетающее впечатление. Бурая, покрытая густой ржавчиной, она казалась погибшей, и не верилось, что вновь заходят маховики и завертится вал.

— Откуда ржавчина? — встрепенулся капитан Филатов. — Кто воображает, что это ржавчина?

— Три месяца под водой...

— Но... но... но что же? — выхватил из зубов трубку Филатов. — Значит, мы не думали о машине? Нож.

Капитан ножом поскоблил металл, и... влажные стружки краски вылезли из-под острого ножа.

— Первым долгом, — сказал Филатов, — когда мы покидали корабль, мы покрасили машину. Сегодня соскоблим краску — и машина у нас будет блистать.

В кочегарке приступили к подтапливанию правого котла.

— Скоро дадим парок, — восхищенно бил трубкой по ладони Филатов, — и пойдет мой «Малыгин» ходить.

★

Свешиваясь с поручней, радист Клементьев, сморщив лоб, смотрел вниз, как будто разглядывая диковинных рыб.

— Смотрите, — взволнованно дыша, не отрываясь взглядом от льда, сказал он. — Вы замечаете что-либо?

Я посмотрел на льды и ничего не увидел. Возле корабля валялись порожние ящики, шлак и окаменелые яблоки.

— Нет, вы смотрите, — настойчиво повторил радист, — смотрите, смотрите!

Напрягая зрение, перегнувшись через борт, я глядел на лед и вдруг почувствовал движение: «Малыгин» медленно поднимался над льдом.

— Смотрите, смотрите! — вскричал Клементьев.

Теперь плавно, чуть заметно корабль опускался.

— Он качается, всплывает!

Не оставалось никакого сомнения. Поминутно «Малыгин» поднимался и опускался. Но почему на корабле никто не обращает внимания на это замечательное явление?

— Василий Яковлевич, — обратился я к Васину, — «Малыгин» всплывает?

— Конечно, — равнодушно промолвил Васин, — он всплывает. Но сейчас... Это лед подымается и опускается. «Малыгин» же как был, так и сидит на банке.

Подняв улыбающиеся глаза кверху, Васин продолжал:

— Вот где можно наблюдать знаменательный момент!

Из трубы, завиваясь, выходил дым.

Радостно останавливались у трубы эпроновцы, и первый дым колыхался в легком ветре, как победный флаг.

★

В салоне «Руслана» собрался штаб экспедиции. Крылов, Васин, начальник операций Бобрицкий и капитан «Руслана» Клюев рассматривали составленный командиром Стольниковым планшет. Перед вечером Стольников с помощниками вокруг корабля размерили площадь в сто квадратных метров. По углам квадратов они поставили колья, и «Малыгин» стоял на льду точно посредине шахматной доски. Стольников пробивал углы и измерял глубину. На доске планшета были нанесены глубины, и теперь командование решало, куда вести «Малыгина», когда судно всплывет.

— Четырнадцать футов под кормой. Двадцать два у носа. Дальше рифы обрываются. Нужно вести «Малыгина» вперед, — решили командиры.

— Нужно торопиться, — вставил нетерпеливый Филатов, — лед дышит. В море вест, значит скоро разнесет льды. Нельзя нам терять времени.

...Оранжевый блик загорелся на носу «Малыгина». Я стою на мостике и смотрю на небо. Неужели опять обман зрения? Смотрю на застывшие облака и вижу: облака плавно опускаются. Неуловимый миг — и пламенеющие облака снова поднимаются над головой.

— Фотий Иванович! «Малыгин» качается.

— Ничего подобного,—нахмурился Крылов, и можно подумать, что он суеверен. — До этого еще далеко.

— Но «Малыгин» качается.

Крылов, сжимая губы, пытается скрыть улыбку и направляется вниз.

— Нечего глядеть на небо. Посмотрим, что делается в трюмах.

В трюмах уже почти нет воды. Пройдет пять-шесть часов, и по днищу трюма можно будет пустить ползать новорожденного младенца.

Крылов посмотрел вниз и про себя промолвил:

— Ну, теперь корабль у нас в руках.

Синий свет утра преобразил лица, склонившиеся над мотопомпами. Немигающим взглядом смотрел перед собой Сачков. У Байкова по-китайски сузились глаза. Сморщилось и по-старушечьи добрым стало лицо маленького Лукова, — мотористы работали уже двадцать шесть часов. Они стояли у помпы все утро, весь день, пока не наступила последняя ночь.

Глава седьмая

„С минуты на минуту корабль должен всплыть"

Радио. Свальбард

Началась генеральная откачка воды. Безостановочно работают помпы. С минуты на минуту «Малыгин» должен всплыть. Об'явленный аврал продолжается уже тридцать шесть часов. Быстро убывает вода из трюмов. «Малыгин» качается, легко ударяясь о подводные скалы. Близок тот час, когда буду счастлив дать радио о том, что на «Малыгине» поднят и развевается наш государственный флаг.

Без четверти двенадцать, или последняя ночь на подводных скалах

В зеленых льдах залива Грингарбург, против баренцбургской пристани, среди торосов вздыбился разбитый белым ураганом норвежский полярный бот. В конце залива, у берега покинутого селения норвежской радиостанции, на рифах много лет лежит погибшее судно.

Старики-норвежцы, поседевшие в штормах Ледовитого океана, называют это место «островом погибших кораблей». Они не могут счесть и не помнят, чьи корабли, под каким флагом и когда терпели аварии там, где находится «Малыгин». Старые мореходы не могут перечислить кораблей, затонувших у рифов залива и на дне Айсфиорда.

Я смотрю в даль залива, вижу черные осколки между торосов и слышу за спиной тарахтение помп. Позади «пленник подводных скал» «Малыгин». Скоро, еще день-два — и «Малыгин» должен всплыть. Но возможно ли это? Сейчас, когда совсем близок момент долгожданного события, почему-то кажется невероятным, что «Малыгин» всплывет и двинется.

Двое суток не спят на ледоколе. Неузнаваемы люди. Крылов уже не заходит на «Руслан». Он замкнулся в себе и молчит.

★

В тесном салоне «Руслана» к ночи Крылов созвал командный состав экспедиции.

— Сегодня в полночь, — сказал он, — будет большая вода. Во время прилива при полной воде «Малыгин» должен всплыть. И в это время нам надо его снять с рифов.

Командиры разошлись по своим участкам. Крылов и Васин остались на буксире. Капитан «Руслана» Клюев часто заходил в салон, смотрел на часы и шел проверять под'ем воды. Штурманы готовили на корме буксирный трос. Клюев еще несколько раз взглянул в салон, затем опустился к себе в каюту, надел шубу и подошел к Крылову.

— Дело подвигается к одиннадцати?—вопросительно сказал он. — Скоро нужно будет начать.

— Прекрасно,—ответил Крылов, — нельзя пропустить большую воду.

В начале двенадцатого снова появился капитан, и Крылов приказал:

— Отходите от «Малыгина».

Капитан взбежал на мостик.

— Малый вперед! — прокричал он, и «Руслан» медленно отошел от борта «Малыгина».

Темная беззвездная ночь. Холодный ветер налетел на буксир, и в темноте было слышно, как в Айсфиорде трещат, ломаются льды. С «Малыгина» на корму «Руслана» перебросили выключенный кабель. В глубокой тьме пропала громада ледокола, пропали люди, столпившиеся на носу.

Выпрямившись, на корме буксира стоял Крылов. Он глядел назад, в темноту, где мелькали красные точки папирос. Буксир развернулся и пошел обратно, направляясь к носу ледокола.

— Бросай кидок! — крикнул Клюев, высовываясь из штурманской рубки, и вдруг ураганный вой заглушил его голос. Льды ударились о борт парохода.

Закружил неистовый ветер. Гул пронесся по фиорду, и еще глуше стала темнота. Холодные вихри загудели по «Руслану». Скрылся из виду «Малыгин», закачалась палуба, и, шипя, двинулись льды.

— Бросай кидок! — опять крикнул Клюев и, уже не дожидаясь ответа, прыгнул с мостика на нижнюю палубу, кинулся к корме, и не успели мы посторониться, как он схватил кидок от троса, соскочил на ломающийся лед и побежал к носу «Малыгина». Качаясь на льдине, взмахнув над головой рукой, он, как лассо, бросил кидок вверх. На «Малыгине» подхватили кидок и втащили трос. Клюев побежал обратно, и через минуту с мостика раздалось:

— На «Малыгине», как там у вас?

— Буксир взяли! — ответил стоявший внизу Крылов. — Давайте.

— Полный вперед! — скомандовал Клюев.

Буксир начал быстро отходить от «Малыгина», трос натянулся, и ледокол опять исчез во тьме. Согнув голову, расставив ноги, впившись взглядом в темноту, Крылов выжидательно развел руки.

Бушевал ветер, и невозможно было разглядеть, как поднимается над водой трос. Васин закашлял — это у него всегда являлось признаком волнения. Легкий толчок покачнул пароход, но, не останавливаясь, «Руслан» потащил туго натянутый трос.

— Победа!.. Победа!.. — срывая с горла шарф, судорожно воскликнул Васин. — Победа!

На «Малыгине» забегали огоньки папирос. Корабль попрежнему чернел, и странно прозвучал крик Васина:

— Победа!.. Победа!.. Победа, пошел «Малыгин»! — кричал он, ударяя кулаком по ладони.

На небе затрепетали, задвигались и побежали сполохи, холодное зеленое сияние мгновенно озарило фиорд, и на фоне светлого неба вырезались мачты «Малыгина». Тяжело вздымаясь на волнах, ледокол, качаясь, двигался за нами.

При свете северного сияния огромный ледокол, заслоняя ледник, медленно плыл, сворачивая в сторону от печальной скалы.

Бегом кинулся Васин вдоль палубы, рванул дверь салона и посмотрел на часы.

— Без четверти двенадцать, — об'явил он. — Победа! За пятнадцать минут до срока!

Молча стоял Крылов на корме, следя за плывущим ледоколом, и наконец отрывисто крикнул в темноту:

— На «Малыгине»?

— Держимся хорошо,—ответил голос Бобрицкого.— Одна минута, сейчас сообщим.

Крылов ждал. Вскоре с «Малыгина» донеслось:

— Слышите нас? В трюмах прибывает вода... Подайте кабель, надо пустить электропомпы!

— Саксон здесь? — позвал Крылов. — Электрики, отправляйтесь на «Малыгин».

— Стоп! — прокричал Клюев в машину.

«Руслан» остановился.

Волоча толстый тяжелый кабель, изогнувшись, как бурлаки, электрики добрались до борта и остановились.

Льды разнесло. Бились в шторме льдины. Электрики застыли у борта, глядя на ломающийся лед.

— Вода при-бы-ва-е-ет, — послышалось в вое ветра с «Малыгина».

— Саксон! — крикнул Крылов.—Почему задерживаетесь, электрики?

На корме электрики задвигались, оглядываясь по сторонам, не зная, что делать.

— На лед! — приказал Крылов. — Прыгайте.

Саксон, подхватив кабель, соскочил с борта. За ним прыгали с палубы остальные электрики и в дрожащем свете полярного сияния, бросаясь из стороны в сторону, по льдинам потащили кабель к «Малыгину». С ледокола сбросили шторм-трап. Быстро вскарабкались электрики наверх, и через несколько минут на «Малыгине» зажегся свет и с визгом пошла электропомпа.

Васин отправился в радиорубку.

— Вызывайте, — продиктовал он радисту Волынкину. — «Ленин». Капитану Печуро. Выходите нас буксировать».

— Пошли! — крикнул Крылов, лишь только на «Малыгине» заработали помпы.

Но ледокол остался на месте.

— Что у вас? Почему не идет судно?

Молчание.

— Отвечайте, «Малыгин».

Непонятные глухие звуки раздались в ответ: ветер поглощал слова, и нельзя было разобрать, что кричат с ледокола.

— Якорь... — донесся отрывок фразы.

Не пытаясь выслушать, Крылов выпрыгнул за борт. Проваливаясь под лед, он то исчезал из виду, то вдруг, опять появляясь, бежал, сбиваемый с ног ветром. Одним взмахом взлетев по шторм-трапу, он вскочил на палубу «Малыгина».

★

«Малыгин» остановился из-за якоря. Паровые механизмы, приводящие в действие брашпиль, не работали,

За четверть часа до срока, данного правительством, „Малыгин" был стащен с банки,

и якорь нельзя было выбрать со дна. Оставалось одно: отрубить якорь.

— Отпилить! — засуетились вокруг.

— Куда! Ни с места! — вне себя закричал Крылов.— Кто это намерен отпиливать и бросать якорь? Топить деньги государства!

— Но мы не можем двигаться, — как быть?

— Выбрать якорь.

— Механизмы не действуют.

— Руками выбрать.

И Крылов бросился к брашпилю. Не глядя, следуют ли за ним, он налег на коромысло. В ту же секунду с обеих сторон брашпиль обступили все свободные от помп эпроновцы и, налегая на коромысло, стали выбирать якорный канат. Так выбирали якоря в старину на парусных судах, и только маститые моряки помнят, как, надрываясь, матросы бились над брашпилем, напевая в такт заунывную песню...

Наливаются болью мускулы, пока нажимаем коромысло книзу, и на палубу, глухо ударяясь, выползает одно звено цепи. Их много, этих звеньев, в одном футе, а якорный канат «Малыгина» семьсот двадцать футов длины. Из последних сил нажим, и... снова одно звено появляется на палубе, опутанное мутными водорослями. Звено за звеном — фут. Сколько сотен футов еще осталось в глубине!

Близко горят огни подошедшего «Ленина».

Рассвет.

На корме «Ленина» столпилась и наблюдает за нами вся команда. Они рады помочь нам, но «Ленин» не может подойти — рифы.

Несколько часов, качаясь в такт, стучим на брашпиле, и сколько футов цепи выбрано из воды — неизвестно. Теряя силы, эпроновцы виснут на коромыслах и уже не нажимают, а тяжестью давят книзу металлическую балку.

«Руслан» между тем, забрав буксирный трос, отпра-

вился к «Ленину» и пришел обратно, привезя на помощь часть команды ледокола.

Изнеможденные эпроновцы однако не отдают брашпиля.

— Немного осталось... Начали — кончим.

Пять часов эпроновцы выбирали цепь, и вот наконец якорь показался из бушующих волн.

Солнце. Кормой надвигается на «Малыгина» «Ленин». Ледокол заводит буксир, и... мы плывем за «Лениным».

Черная скала позади. «Малыгин» за «Лениным» входит во льды залива. На склоне гор, впереди, в налете угольной пыли виден Баренцбург.

В заливе гудит, приветствуя краснознаменца, «Ленин», и, в оглушительном шипении пара, вырываются могучие гудки «Малыгина».

Мы плывем по Грингарбургу. Навстречу на собаках и на лыжах по берегу мчатся рудокопы. На солнце, извиваясь, поднимается на мачте «Малыгина» флаг, и тогда на берегу взрывами динамита грохочет салют.

В легком ветре залива несутся звуки оркестров и крики. Ружейные выстрелы приветствуют возвращение краснознаменного ледокола. На пристани весь Баренцбург. На острых крышах голландских домов волнуются флаги, и гигантскими буквами на снегу берега советскими рудокопами выведено:

«Да здравствует краснознаменный «Малыгин»!

Да здравствуют герои-эпроновцы, возвратившие стране краснознаменца!»

Гудя, плывет «Малыгин». На берегу шпалерами выстроилось население, и дети тонко кричат, махая праздничными флажками. Шапки взлетают в воздух, опять выстрелы, близко слышны оркестры и пение.

— «Интернационал»!

В обледенелых шубах, почерневшие, бородатые, выстраиваются на борту эпроновцы. По берегу с транспа-

рантами, со знаменами идут рудокопы. Красочные толпы, голоса девушек, аплодисменты, марши — и, строго выстроившись, широко раскрыв глаза, эпроновцы смотрят на берег, на дивные картины, смотрят, растерянно прижимаясь друг к другу.

Глава восьмая

Победа на 78-й параллели

ЦК ВКП(б) — т. СТАЛИНУ
СНК СССР — т. МОЛОТОВУ
НАРКОМВОЕНМОР — т. ВОРОШИЛОВУ
НАРКОМВОД — [redacted]
„ПРАВДЕ", „ИЗВЕСТИЯМ ЦИК"
„КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЕ"

В Арктике, на 78° северной широты, у берегов западного Шпицбергена, 30 декабря 1932 года, захваченный трехдневным ураганом, потерпел аварию ледокол «Малыгин», совершавший рейс в Баренцбург. Вышедшие ему на помощь ледокол «Ленин» и спасательное судно «Руслан» оказались не в силах снять «Малыгина» с банки. Полузатопленный ледокол с креном в 22° остался на подводных скалах.

Дело спасения «Малыгина» было поручено краснознаменной экспедиции подводных работ (ЭПРОН).

Впервые в истории полярного мореплавания было дано задание поднять корабль на 78-й параллели, где навигация возможна и разрешена только с 15 мая. Мы были горды этим ответственным заданием. Прибыв на Шпицберген 13 марта,

экспедиция в полном составе перешла для работы на борт полузатопленного, обледенелого судна с единственным намерением вернуться на материк только на «Малыгине».

Суровые арктические метеорологические условия, непрерывные морозы, мощные льды, делавшие спасательные работы невозможными, нас не остановили. Воодушевляемый долгом перед страной строящегося социализма, круглосуточными авралами, соцсоревнованием и ударничеством, весь личный состав ударно работал над выполнением задания правительства. Правительством нам был дан десятидневный срок.

Сегодня мы счастливы рапортовать следующее: ночью 24 марта в 23 часа 45 минут, за пятнадцать минут до окончания срока, данного правительством, «Малыгин» был поднят, всплыл и отправлен в Баренцбург. В заливе Грингарбург на мачте возрожденного корабля был поднят государственный флаг. «Малыгин» и «Ленин» обменялись приветственными гудками.

Борясь с жестокой стихией в далекой Арктике, мы жили теми же стремлениями, какими живет, строя социализм, наша страна под руководством Центрального комитета всесоюзной коммунистической партии большевиков и советского правительства.

Поднимая флаг над спасенным «Малыгиным», празднуя победу, на 78-й параллели мы провозглашаем «ура» в честь ЦК партии и лучшего ученика Ленина — т. Сталина, в честь советского правительства.

Начальник экспедиции по спасению краснознаменного ледокола „Малыгин"

КРЫЛОВ.

„В истории мореплавания не было такого случая“

Радио. Свальбард, 27 апреля

В первый день прихода «Малыгина» в Баренцбург наш консул т. Плесецкий, администрация и рабочие рудника, принадлежащего «Арктикуглю», устроили банкет ЭПРОН, пригласив состав экспедиции судов «Ленин» и «Руслан». Участников экспедиции встретили оркестром, приветственными транспарантами. Консул Плесецкий, поздравляя с победой, сказал: «Мы гордимся честью первыми принимать и приветствовать спасителей «Малыгина»!»

Капитан ледокола «Ленин» Печуро, командовавший первой экспедицией, отметив блестящий успех ЭПРОН, заявил:

— В истории мирового мореплавания не было случая, когда бы спасали корабль дальше семидесятой параллели северной или южной широты.

Выступивший начальник экспедиции т. Крылов сказал:

— Задание правительства выполнено: на семьдесят восьмой параллели в Арктике зимой спасен ледокол. Это сделано благодаря энтузиазму, большевистской спаянности коллектива. При широком развитии советского торгового флота, достигнутого на основе побед пятилетки, опыт спасения корабля в Арктике, полученный ЭПРОН, будет иметь большое значение для безопасности полярного мореплавания.

НАЧАЛЬНИКУ ЭКСПЕДИЦИИ ПО СПАСЕНИЮ КРАСНОЗНАМЕННОГО ЛЕДОКОЛА „МАЛЫГИН" т. КРЫЛОВУ

Шлем горячий привет руководителям и всем участникам экспедиции по спасению „Малыгина", с честью выполнившим труднейшее задание правительства.

Ваша работа и ваш успех вписывают славную страницу в историю советского полярного мореплавания.

Входим в ЦИК Союза ССР с ходатайством о награждении героев-эпроновцев.

СТАЛИН, МОЛОТОВ, ВОРОШИЛОВ, ЯНСОН

„Ваша победа — победа всех трудящихся"

ТЕЛЕГРАММА т. КИРОВА ЭПРОНОВЦАМ

Шлем горячий большевистский привет славным героям Арктики, с честью выполнившим труднейшее задание правительства по спасению ледокола.

Товарищи эпроновцы, вы вышли победителями из свирепой схватки с суровой природой. Ваша победа — это победа советской науки, победа всех трудящихся Советского союза.

Ваша победа есть яркий показатель того мужества, энтузиазма и самоотверженности, на которые способен рабочий класс нашей страны, строящий свое социалистическое хозяйство под руководством ленинской партии во главе с т. Сталиным.

Ленинградский областной и городской комитет ВКП(б) поддерживает ходатайство тт. Сталина, Молотова, Ворошилова и Янсона о награждении героев-эпроновцев.

„Людям сказочной энергии"

ТЕЛЕГРАММА ИЗ СОРРЕНТО

Привет героям Арктики — людям сказочной энергии.

В борьбе против суровой природы вы, товарищи, совершили один из тех подвигов, которые говорят всему миру трудящихся о несокрушимой силище рабочего класса Союза советов.

Крепко обнимаю всех вас, героев.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

ИТАЛИЯ, СОРРЕНТО. ГОРЬКОМУ

Дорогой Алексей Максимович! Ваше приветствие мы получили на борту краснознаменного «Малыгина», снятого с рифов Айсфиорда. Ваше радио было зачитано в разгар аврала по заделке гробоин, ликвидации тяжелых последствий аварии. Мы гордимся тем, что нас отметил любимый писатель пролетариата, который неутомимо следит за творческой жизнью Советского союза и своей работой помогает трудящимся строить социализм.

Дорогой Алексей Максимович, мы сделали очень немного в сравнении с героическими делами, какими, строя социализм, рабочий класс и колхозники изумляют мир. Вдали от социалистического отечества, работая на семьдесят восьмой параллели, мы стремились не отставать от темпов и побед созидателей гигантов индустрии, брали за пример достижения ударников заводов и полей. Во льдах Айсфиорда мы знали, что в эти дни в жаркой Средней Азии колхозники выходят на большевистскую весну и от Белоруссии до Тихого океана трудящиеся СССР, под руководством ленинской партии с товарищем Сталиным во главе, на основе побед пятилетки работают не покладая рук над великим делом социализма, за счастье всего трудящегося человечества. Мы были бы недостойны звания советских моряков-подводников, если бы побоялись условий Арктики и оставили на произвол полярной стихии ледокол-краснознаменец. Оснащенные техникой, полученной в результате успешно выполненной первой пятилетки, мы принялись за спасение корабля, потерпевшего аварию в Арктике. Индустриализация страны дала нам возможность работать и достигнуть успеха, который послужит ЭПРОН опытом для дальнейших действий в Арктике. На борту полузатопленного судна, среди льдов, как и на суше, у нас бесперебойно выходила специальная газета «Полярный подводник», и, подвергая свою работу самокритике, мы обсуждали, как работать лучше, как брать настоящие большевистские темпы.

Примите, любимый наш Алексей Максимович, краснофлотский привет эпроновцев. Заверяем вас в том, что мы с честью будем оправдывать вашу оценку и в ближайшее время приведем «Малыгина» в СССР.

Начальник экспедиции *КРЫЛОВ*

„Малыгин“, снятый с подводных камней ЭПРОН.

Часть третья

Глава первая

При свете подводных ламп

Радио. Свальбард, 28 марта

Стоящий у пристани Баренцбурга «Малыгин» напоминает огромный завод перед пуском. Участники экспедиции, не спавшие последние четверо суток, впервые за одиннадцать дней умывшись, после краткого отдыха начали срочный ремонт ледокола. В прозрачной воде видно, как по дну движутся металлические шлемы водолазов; непрерывно сменяя друг друга, спускаются они при свете подводных ламп заделывать в корпусе разошедшиеся швы. Дежурные водолазы продолжают искать пробоины. Команда приведенными в действие паровыми стрелами «Малыгина» производит переброску на берег спасенных грузов, оцениваемых в несколько миллионов рублей. Капитан «Малыгина» Филатов послал радиограмму Совторгфлоту, запрашивая, в какой док ввести «Малыгина».

Курс „Малыгина" на Мурманск

Шпицберген, 3 апреля. (Свальбард — радио)

Вчера во время аврала свисток боцмана созвал всех находящихся на «Малыгине» участников экспедиции в кают-компанию. Крылов, ожидая команду, разложил на столе огромные кипы приветственных телеграмм. В это же время в третьем трюме заделывалась только что обнаружившаяся трехметровая пробоина. Из трюмов, кочегарки, угольных ям поднялись на палубу участники экспедиции; водолазы быстро вылезли из воды, и все

направились в кают-компанию, где всех ожидала великая радость.

Крылов зачитал большую радиограмму т. Кирова, в которой сообщалась оценка работы экспедиции тт. Сталиным, Молотовым, Ворошиловым и Янсоном. С восторженным волнением слушали полярные подводники привет партии и правительства. В этот момент принесли полученную из Сорренто телеграмму Горького. В тесном помещении, черные от угольной пыли, промокшие, покрытые снегом люди, прижавшись друг к другу, не веря своему торжеству, глубоко растроганные, были поражены исключительным вниманием, какого удостоилась экспедиция. Крылов огласил телеграмму т. Шмидта, коллегии комитета морского Северного пути, «Комсомольской правды», Зофа и Самойловича. Затем он заявил:

— Мы все считаем задачу незаконченной, пока ледокол не будет возвращен к берегам социалистического отечества. Командование решило отпустить ледокол «Ленин» в Архангельск для проведения ледокольной кампании и вывода судов в Белое море. Это сэкономит стране несколько миллионов рублей. Останемся одни, ночью и днем будем работать по заделке пробоины второго дна, а затем сами, своим ходом, пойдем в Мурманск. По местам!

Не успел Крылов закончить фразу, как все кинулись в трюм.

Сегодня в восемь часов вечера «Ленин» уйдет в Архангельск. Сейчас он в заливе Грингарбург пробивает лед, чтобы оставить нам проход в океан. Через два часа он отдаст концы. Останемся одни. Но всех воодушевляет уверенность, что не успеет замерзнуть след «Ленина», как «Малыгин» покинет Айсфиорд, возьмет курс на Мурманск и успешно закончит опасный рейс.

Снова в океане

В Баренцбурге на горе в снегу толпились трубачи, ожидая на банкет участников экспедиции. Бок-о-бок

у пристани стояли «Ленин» и «Малыгин». Два ледокола были соединены трапом, и по этому мосту носились люди с полотенцами — впервые за четырнадцать дней эпроновцы умывались.

В красном уголке салона «Ленина» два развеселых факира в белых халатах, шутя, творили чудеса.

В кресло садился угрюмый, лохматый бородач, над ним наклонялся факир, и через пять минут волшебник одним ловким жестом срывал со столика белое покрывало и в аромате одеколона вставал бледнолицый жизнерадостный юноша. Факиры, поглядывая на часы, торопились:

— Следующий. Подравнять? Побрить? Прибо-о-ор!

...На банкете за богато сервированными столами сидели эпроновцы, ворочаясь на скамьях, чувствуя себя неловко от пристальных взоров окружающей публики. Они слушали приветствия, туш оркестра и жмурились от аплодисментов.

Фотий Крылов сидел во главе стола с консулом, он был в форме, с орденом Красной звезды, сидел прямо, внимательно выслушивал поздравления, речи о значении победы.

Пристальное внимание, с каким слушал Крылов выступавших, доказывало, что в этот момент он напряженно думает. Время от времени, продолжая глядеть в лицо возбужденного оратора, Крылов кивком головы подзывал к себе кого-либо из эпроновцев и, знаком прося, чтобы тот нагнулся, отрывистым шопотом произносил два-три слова.

Отходя от начальника, подводник уже не возвращался за свой стол, он уходил с банкета. Вскоре и сам Крылов, отблагодарив Баренцбург за радушие, поднялся из-за стола и покинул зал. Следом за ним вышли и все эпроновцы. После банкета Баренцбург устроил для участников экспедиции сеанс звукового кино и концерт. Но в кино долго и напрасно ждали гостей. Когда в зале потушили свет, на «Малыгине» зажглись подводные лампы, и, освещая ими ночь, как факелами, тяжело

„Малыгин“ по пробитому руслу вышел в Мурманск.

ступая свинцовыми подметками, вдоль борта шли водолазы.

Никто в ликующем Баренцбурге не мог подозревать, что «Малыгин»... тонет.

★

Нам следует напомнить читателю о том, что у пристани Баренцбурга стоит ледокол, пролежавший три месяца на подводных скалах. Дно «Малыгина» изрешетено от ударов о рифы. Второе дно в трещинах, измято и пропускает воду. В Айсфиорде, врезавшись в кремнистые скалы, «Малыгин» находился в относительной безопасности. Но движущиеся льды, гонимые ветром, напирая, грозили сдвинуть, стащить судно с банки, и если бы это случилось, то «Малыгин», сорванный с каменной гряды, немедленно затонул бы в глубине фиорда. Нам уже приходилось освещать задачи экспедиции, и сейчас не следует повторять, почему, не считаясь с лютым зимним временем, эпроновцы спешили спасать краснознаменный корабль.

Но вот победа — «Малыгин» снят с рифов и подведен к пристани. Полностью и блестяще, быстро, в точно назначенный правительством срок выполнил ЭПРОН свои обязательства, оправдал свое назначение. И теперь нужно лишь подписать акт, сдать судно капитану. Отныне за ледокол отвечает капитан. Одним словом, как только «Малыгин» отшвартовался у пристани Баренцбурга, Крылов с Филатовым могли обменяться прощальными рукопожатиями.

Корабль снят и сдан. Капитану остается вести свое судно в ближайший порт на ремонт, а эпроновцам погрузить снаряжение и чемоданы на первый отходящий пароход и плыть на родину.

Но случилось иначе. На банкете гремел туш, в трюмах «Малыгина» тихо шипела прибывающая вода. Вахтенные стерегли иллюминаторы, дежурные часто заводили моторы, и на всю пристань шумели помпы, выбрасывая за борт накапливающуюся в трюмах воду...

Не к чему об'яснять, отчего эпроновцы так быстро

возвратились с банкета и опять надели свои старые, затвердевшие шубы и одеревяневшие рукавицы.

На горе, под острыми крышами домиков селения, пылали огни. На лыжах, как по воздуху, летали с ледников баренцбуржцы. Но озабоченные люди на палубе «Малыгина» ничего не замечали и, как это было у скал Айсфиорда, расходились по трюмам. И снова пыхтели помпы, и опять Воцейщук возился с такелажниками, и Крылов, натянув свою узкую шубу, ходил по кораблю, расстанавливая отряды...

В три часа ночи он собрал командиров.

— Ни для кого не секрет, — сказал он, повторяя свои обычные слова, — мы не какая-нибудь аварийно-спасательная фирма, чтобы, выполнив подряд, получить что следует и уехать. Кстати, вот и «Ленин» уйдет в Архангельск. Можно уехать. Трое суток — и мы в СССР, и нас будут поздравлять, ибо наша задача выполнена. Но мы работаем в социалистическом государстве и знаем, что, оставляя «Малыгина» в Баренцбурге, здесь, где нет никакой технической базы, мы оставим его в рискованном положении. Пусть же где-нибудь за границей, — весело оживился Крылов, — аккуратно выполняют подряды, а мы поработаем еще, подремонтируем корабль, чтобы он мог итти через океан, и вернем «Малыгина» государству. Я думаю, — продолжал Крылов, оглядывая командиров, — сейчас наша задача, пожалуй, еще серьезней, чем была раньше. С сегодняшнего дня разобьем корабль на участки: командир и каждая отдельная группа отвечает за свои участки — мы же все вместе ремонтируем, ищем трещины, разошедшиеся швы, цементируем, работаем до тех пор, пока не доведем течь до минимума, осушим корабль, пустим машину и — в рейс. С сегодняшнего дня за второй трюм отвечает Пучков. За машину, кочегарку и бункера — Борисов, третий трюм — Стольникову. О первом подумаем.

Командиры разошлись. Крылов, изнеможденный, с'ежившись в кресле, остался в салоне обдумывать даль-

нейшие планы. На все ответственные участки командиров нехватало. Без командира остался первый трюм, и Крылов сейчас перебирал всех участников экспедиции, подыскивая, кому бы можно поручить ремонт первого трюма.

В салон вошел доктор Линкевич. Он укоризненно остановился возле Крылова, видимо желая уговорить начальника итти спать. Крылов закашлялся, сплюнул в платок и с любопытством стал рассматривать мокроту.

— Вот видите, — ухватился доктор за подходящий случай,—вы губите свое здоровье. Вы тяжело больны, не хочу даже говорить, что означает эта мокрота. Нужен отдых, режим, диэта, между тем вы работаете круглые сутки. И...

— Позвольте, — изумился Крылов, — но что у вас здесь — санатория, курорт?

— Конечно нет, — усмехнулся доктор, оглядывая заснеженные иллюминаторы и сырые стены, — тем не менее...

— Оставьте! — рассердился Крылов.— У нас ведь нет больных. Вы, я вижу, умеете на людей панику наводить.

— Насколько вам известно,—нисколько не обижаясь, ответил Линкевич, — я тут скорее снабженец. Вы же меня назначили заместителем начальника снабжения... Больных у нас, кроме вас...

— И прекрасно,—обрадованно воскликнул Крылов,— у нас нужно уметь делать все. Будете оказывать скорую помощь первому трюму. Там нет командира, назначаю вас начальником первого трюма.

Линкевич, старый моряк, ответил по-морскому: «Есть!» И с этого момента он отлично цементировал с водолазами первый трюм и вызвал на соревнование трюм Стольникова.

Между участками началось захватывающее соревнование. Командиры как о победе доносили:

— Найдена трещина длиной в три метра.

Начальник уча тка едва не обнимал того водолаза, который находил новую щель. И круглыми сутками в глубине трюмов под тысячесвечными лампами эпроновцы заделывали незаметные дыры, щели, разошедшиеся швы и трещины.

Накануне отхода в Мурманск

Радио. Свальбард, 8 апреля

С каждым часом «Малыгин» буквально на глазах оживает. До сих пор мы получали энергию от «Руслана». Вчера на ледоколе пущены две восстановленные динамомашины. Корабль сверкает огнями, на мачтах зажглись сигналы.

В момент под'ема при выравнивании ледокол получил пробоину. «Малыгин» накренился набок на 18 градусов. Работать приходилось на скользкой обледенелой палубе, точно на склоне горы. Наконец пробоина заделана. Повреждения второго дна цементированы. Началась заливка баласта. «Малыгин» стал быстро выравниваться. В два часа дня крен был уже 15 градусов. Затем ледокол совершенно выпрямился. Сейчас ходим по палубе, как по паркету Колонного зала Дома союзов.

Все живут близостью похода. Капитан в штурманской рубке устанавливает компасы. Боцман отправился в Баренцбург возвратить свезенное во время аварии пианино. Пошли часы, остановившиеся от удара о рифы.

Радиограмму пишу в жаркой каюте, которая семь дней назад была под водой, где водолазы вырубали глыбы льда. Принимаем уголь. Вероятно, в самые ближайшие дни буду рад послать по радио сообщение об отходе в Мурманск.

★

У пристани Баренцбурга мы остались одни; 2 марта ушел «Ленин», и во льдах залива замерз его извилистый след. Ночью синели и розовели ледники; наступил беспрерывный день, и так же беспрерывно, не замирая,

шел аврал. Белые ночи, сверкающие льды, туманные дни, снежные бураны, ураганные ветры и кажущийся видением синий силуэт острова Форланд на горизонте.

Быстро преображался «Малыгин». Сверкала машина, раскаленные углем, горели топки, заметно убавлялась течь. По всему кораблю пустили пар и, отогрев обледенелые каюты, сняли дымные, ржавые камельки. Жены баренцбургских рудокопов вымыли помещения, и мы поселились в чистых, уютных каютах. Кают-компания засветилась красным деревом. Саксон с отрядом электриков восстановил судовые динамо, и на «Малыгине» загорелись огни своей электростанции. Ледокол выпрямился. В короткие часы передышки в кают-компании играла музыка, вешали экран, и под аплодисменты скакала конница Буденного. Ураганы проносились над Баренцбургом, но на судне было тепло, светло и чисто, из трубы валил дым, и мы не чувствовали полярных ветров и морозов.

Наконец течь почти ликвидировали. Воды прибывало всего лишь десять тонн в час. В пятнадцать минут одна помпа откачала всю воду.

Капитан стал пробовать машину. «Малыгин» двинулся, расколол лед у пристани и пошел вперед. Машина, пролежавшая под водой три месяца, работала прекрасно.

— Можно итти,— нетерпеливо потирая руки, ходил по мостику Филатов. — Машина работает, пробоин нет, руль в порядке, винт вертится, течи нет — я готов плыть куда угодно.

О дальнейшем лучше всего расскажут короткие радиограммы, посланные нами из Баренцбурга, а затем уже с борта вышедшего в море «Малыгина».

К берегам Союза

Радио. Свальбард, 11 апреля

В любую минуту капитан Филатов готов вести ледокол «Малыгин» к берегам Союза. Крылов об'явил последний аврал в Баренцбурге. Участники экспедиции

грузят уголь мешками; в течение трех часов погрузили тридцать тонн. К вечеру дадим еще сорок тонн. Вчера впервые произвели перестановку судна без буксира «Руслана». Малыгинская машина работала отлично. Ледокол шел полным ходом вперед и назад. Капитан говорит:

— С такой машиной можно итти в какой угодно рейс.

Однако рейс грозит многими опасностями. «Малыгину» опасны льды. Пронесшийся ураган разломал лед Айсфиорда. Но, прежде чем выйти в Айсфиорд, «Малыгину» придется пробираться через скованный льдом залив Грингарбург. Удары и вибрации корпуса грозят заклепкам и положенному на пробоины цементу.

Экспедиция напряженно готовится к тяжелому походу. Участники расставлены на аварийные посты, каждый знает свое место в случае водяной тревоги. Широко развернулось соцсоревнование между аварийными отрядами. Завтра утром «Малыгин» перейдет в отходную пристань. Как только Крылов отдаст приказ, покинем берега Шпицбергена.

Полный вперед!

Ледокол „Малыгин", 12

Утром 12 апреля «Малыгин» несколько часов кружился в заливе Грингарбург — выверял компас. Вечером отчалил от пристани Баренцбурга.

Капитан Филатов на мостике впервые после большого перерыва командует «Полный вперед» Прошли путь, расчищенный динамитными взрывами. «Малыгин» вошел в сплошные льды Айсфиорда и режет его с разгона.

Снялись с якоря

Радио „Малыгина", 12

Сегодня, двенадцатого, Крылов приказал в семь часов вечера выйти в море на Мурманск. Утром «Малыгин» ходил по заливу, пробуя льды. Крылов остался удо-

влетворенным, наблюдая, как судно пробивает лед, и отдал распоряжение через три часа быть готовыми сняться с якоря. Трудно описать радостный под'ем участников экспедиции. Месяц назад в этот день из Баренцбурга уходил «Седов». Перешли на «Ленина». Впервые отправились на место аварии. «Малыгин» лежал у прибрежных скал на льду...

А сегодня он смело, один, уходит в рейс, на какой не решаются итти корабли раньше, чем это позволяет международный закон мореплавания.

С радостью стремимся к советским берегам, но каждый участник чувствует огромную ответственность похода. В апреле здесь свирепствуют штормы. Наш путь преграждают льды. В случае урагана придется ложиться в дрейф. В трюмах приготовлены помпы, чтобы в любую минуту откачивать воду. Положение можно будет считать безопасным, лишь когда покажется мурманский берег.

Ждать лета нельзя. «Малыгин» требует капитального ремонта. На Шпицбергене нет порта, в котором можно его произвести. Положение осложняется тем, что радиостанция «Малыгина» ограничена радиусом действия. Прежнюю мощную радиостанцию после аварии сняли и увезли, считаясь с вероятностью гибели «Малыгина».

В первые дни будем держать связь с Шпицбергеном и с норвежскими станциями, которые узнают о ходе плавания, потом, может быть, наступит перерыв, пока нас не услышат Новая земля да случайные тральщики.

«Малыгин» стоит в получасовой готовности.

★

Радио. Баренцбург, 13

По просьбе вашего корреспондента сообщаю: сегодня в двадцать три часа «Малыгин», ведя на буксире «Руслана», отошел от пристани Баренцбурга.

Провожающие видели, как, пробившись сквозь льды залива Грингарбург, «Малыгин» вошел в Айсфиорд и взял направление на остров Форланд.

Начальник радиостанции Баренцбурга *ФЕХНЕР*

„Малыгин" в шторме

Радио ледокола „Малыгин", 14 апреля

После четырнадцати часов борьбы со льдами, в полдень тринадцатого, вышли в море, ведя на буксире «Руслана». Штормом захлестывало «Руслана». На пароходе подняли флаг:

— Уменьшите ход!..

На «Малыгине» усилилась течь.

★

Залив Грингарбург был скован льдом, и четырнадцать часов «Малыгин» пробивал русло. В кильватере шел «Руслан». На море бушевал шторм. «Малыгин» взял «Руслана» на буксир. Ледокол шел со скоростью десяти миль в час. С «Русланом» на буксире «Малыгин» терял ход. От ударов льдин отскочил цемент, вылетели заклепки, и «Малыгин» сдал... Вода хлынула в машину и кочегарку... Ледокол бросало в шторме, вода перекатывалась с борта на борт, и помпы не могли забирать ее. Волны окатывали «Руслана», и он медленно плыл за нами, побелевший, обледенелый.

«Малыгин» замедлил ход, в то время когда нужно было спешить, бежать от шторма.

Остановились помпы. Сорок шесть часов плыл «Малыгин», и мы поняли, что можем потонуть...

Расшвыряло плиты, кочегары стояли по грудь в воде. В чаду газа работали мотористы, запуская помпы. Они падали без чувств. Все без исключения мотористы отравились. Работала только одна помпа, и она спасала положение.

У помпы с бесстрастным лицом стоял Одьяк. Сжимая равнодушные губы, склоняясь над мотором, он сосредоточенно следил за машиной. Брызги воды летели в лицо, синий газ душил его... Молчаливо следил за ним Крылов.

— Хорошо, Одьяк,— произнес он и вышел из машины.

Стеная, поднимались мотористы и, шатаясь, выходили наверх. Одьяк оставался у своей помпы. Волнами перекатывалась, расхлестываясь, вода. Одьяк стоял, подправляя мотор, и его помпа работала без отказа. Вдруг остановилась машина. Еще два-три часа — и мы потонем. Одно спасение — снять «Руслана» с буксира. Но уйти, покинуть маленький пароход в шторме опасно... Он казался шлюпкой в гигантских волнах. И мы повернули обратно... В густом тумане капитан умело провел «Малыгина» мимо рифов фиорда, мы вошли во льды, и сразу прекратилась качка, заработали помпы, и ледокол опять пристал к берегу Баренцбурга.

Неплохое испытание для корабля, три месяца пролежавшего на подводных скалах.

★

Первыми словами Крылова по возвращении в Баренцбург были следующие:

— Снять обвинение с Одьяка. Отличный моторист и моряк. Представить к награде.

Старик-водолаз Осипов радостно воскликнул:

— Да ведь это ж Одьяк из Одьяков!

„Скоро выходим в Мурманск“

Баренцбург, 23

В Баренцбург пришел «Красин» с цементом и пресной водой. Вчера состоялось об'единенное заседание бюро ячейки и судкома «Красина». Заместитель начальника Васин сделал сообщение о близком походе «Малыгина». «Красин» возьмет на буксир «Руслана». «Малыгин», приведенный в отличное состояние, пойдет в океан самостоятельно; в случае шторма или возникновения течи, если потребуется добавочная электроэнергия для помп, «Красин» должен будет по вызову командования подойти к «Малыгину» и перебросить кабель.

На «Малыгине» заканчивается установка радиостанции, доставленной «Красиным». Эта станция во время

аварии была снята. Когда ее снимали, поломали оборудование и разрушили радиорубку. На установку станции требовалось пятнадцать дней. Радисты заявили Крылову, что установят станцию в три дня.

Без рации, после ухода «Ленина», пятнадцать дней мы были оторваны от мира.

С изумлением наблюдаю поразительные темпы радистов. Юдихин, Волынкин, Плотников и Клементьев вторые сутки не выходят из радиорубки. Вчера решили спать три часа. Спустя час Юдихин всех разбудил. Снова начался радиоаврал. В это время радист Любке за все три корабля нес беспрерывную вахту. Уже установлены полкиловаттный ламповый передатчик и аварийная рация.

Надеемся, что в ближайшие дни «Малыгин» передаст по радио партии и правительству первомайский рапорт о приходе в Мурманск.

Сегодня «Красин» идет бункероваться в Адвентбей. «Малыгин» для испытания машин выходит в море.

Глава вторая

„Всем! Всем! Всем! Иду в море"

Радио ледокола „Малыгин", 24

Сегодня, 24 апреля, в тринадцать часов, восстановлена большая радиостанция.

— Всем! Всем! Всем!—говорит «Малыгин». — Иду в море.

Сообщение это является первой радиограммой рации «Малыгина», переданной за номером один.

Накануне отхода «Малыгина» состоялось об'диненное совещание экспедиции. Крылов дал приказ «Руслану» ожидать «Красина», чтобы итти у него на буксире.

Грустным застали капитана Клюева в его каюте командиры, зашедшие попрощаться.

— О, если бы ты знал, — сказал Клюев Пучкову, —

до чего мне не хочется итти на буксире. Ты знаешь, Николай Никитич, что значит итти на буксире!

— Но самим же вам нельзя итти,— напомнил Пучков.— Ты же, Василий Алексеевич, лучше нас всех знаешь состояние своего судна.

— Все это конечно верно,— печально промолвил Клюев,— однако...

Он умолк в задумчивой мечтательности.

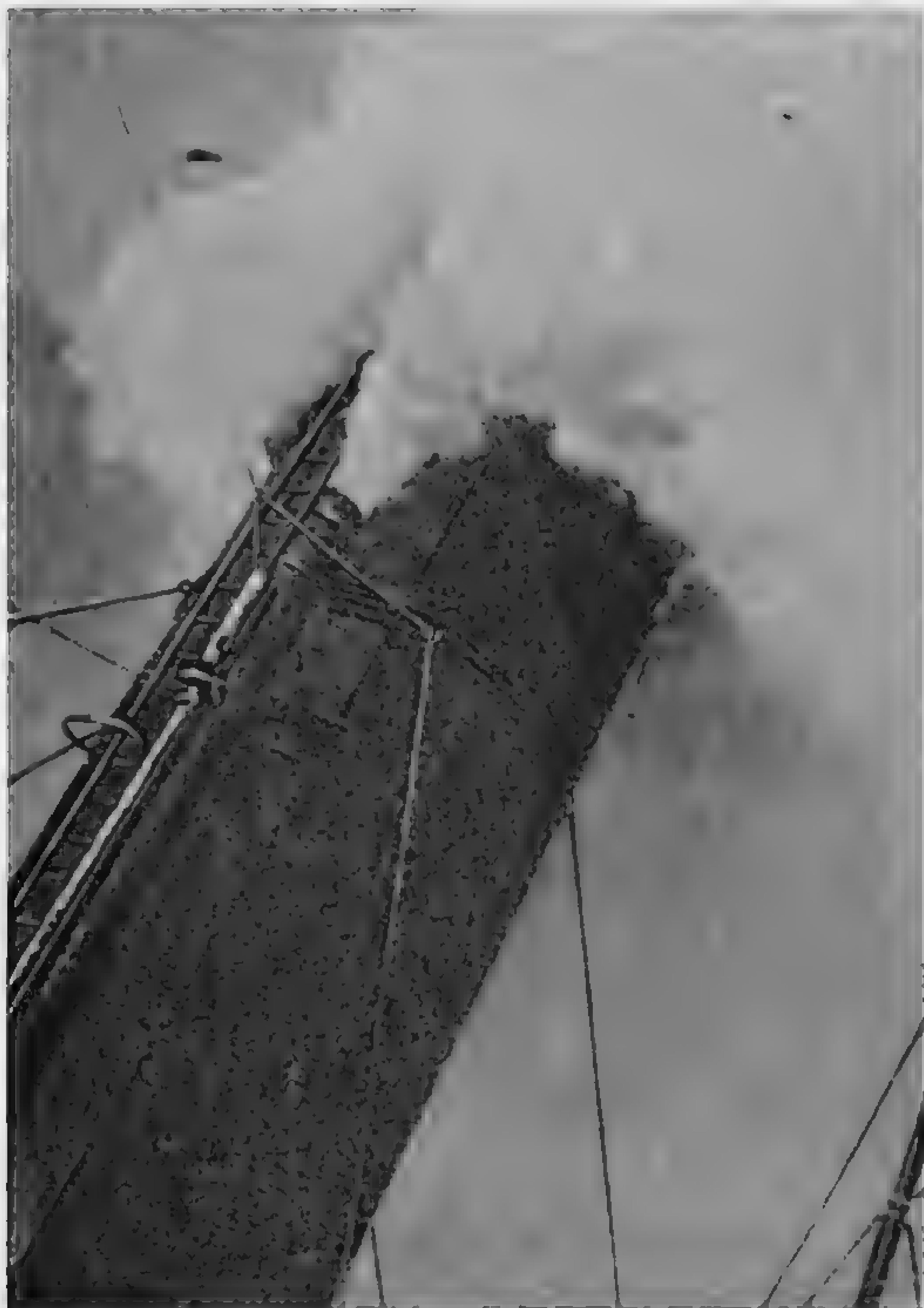
...В семь часов вечера 24 апреля «Малыгин» вышел из залива. По фиорду ходил «Руслан». Голубое небо, солнце, безветренный воздух предвещали спокойное плавание [1]. «Малыгин» прошел мимо «Руслана», и мы долго махали руками, прощаясь с дорогими друзьями. На борту стоял Клюев в своей папахе; в сером свитере и ушастой шапке стоял радист Волынкин; штурман Точилов, разбирая что-то на корме, помахал рукавицей и опять согнулся над работой. Дымилась трубка маленького Петровича, и из дверей камбуза выглядывала Шура.

В последний раз мы оглядываем залив. В конце залива, у противоположного берега, против пристани Баренцбурга, в торосах, вздыбившись, чернеют разбитые суда. Маяки смерти.

Остров погибших кораблей — так называют полярные моряки этот край ураганов и подводных скал. «Малыгин» выходит в фиорд! Сколько кораблей покоится под нами на дне фиорда! Мы минуем черную скалу и смотрим на неподвижные ледяные глыбы, на рифы, где погибал «Малыгин». Теперь он несется навстречу солнцу, вспенивая тихую гладь океана. По синему фиорду движется маленький «Руслан». Скоро придет «Красин», возьмет его на буксир и догонит нас в океане.

«Малыгин» вышел в море. Солнце моментально скрылось, тучи сгустились, резкий ветер ударил о борта, море забушевало, и уже через час мы попали в яростный шторм. «Малыгин» шел на втором дне. В раскрытые

[1] Н кануне метеорологические станции дали исключительно благоприятный прогноз погоды.

Первый гудок освобожденного „Малыгина“.

люки опускали шланги и откачивали воду. Волны грозили захлестнуть палубу, и если бы хоть одна волна прокатилась по палубе, вода бы хлынула в люки, и корабль мог бы в несколько минут утонуть. Нужно было возвращаться обратно. Шторм усиливался. Он бил в корму, отрезая отступление. Повернуть обратно — это стать недвижимым, лечь в дрейф. Шторм гнал вперед и вперед, помпы откачивали воду, ежеминутно в трюмы бегали водолазы заделывать отскочивший цемент — над «Малыгиным» висела смерть. Четырнадцатимильным ходом ледокол уносился все дальше и дальше в океан. Ветром сорвало антенну. Три часа пробовали натянуть ее, и когда штурман Грозников, надев валенки, полез на марс и наконец вновь заработало радио, мы получили первое сообщение с «Руслана», которое мигом заставило забыть про шторм и угрозу смерти. Недоумевая, не веря, мы рассматривали листок радиограммы. Глухо прозвучал голос Васина. Он осмотрелся вокруг и произнес:

— Что бы это могло значить? «Руслан» вышел в море...

Капитан Клюев доносил: «Прошел Форланд, уголь плох и пар не держится. Начну связываться с «Красиным» для буксировки. Клюев».

Напряженно сидел у аппарата Миша Клементьев. Он быстро записывал новые радиограммы и подал сразу несколько листков.

«Какой ваш истинный курс? Встречаются ли льды?» спрашивал Клюев.

Страх и тревогу вызвала третья радиограмма:

«Как дела? Для меня погода не благоприятствует. Опасаюсь обмерзания».

Но почему «Руслан» не обождал «Красина», никак не могли мы понять, да и не было времени для размышления. Новое радио сообщало:

«Большое обмерзание. Команда лихорадочно скалывает лед. Уже один раз были близки к ладану. Держимся, держимся. Клюев».

„Малыгин" вышел на чистую воду.

Глава третья

Гибель „Руслана“

В течение суток безостановочно работали радиостанции «Малыгина», «Руслана» и «Красина».

Чёрный шторм и снег неистовствовали в океане, что-то кричали, перекликаясь, в трюмах водолазы, с шипением прокатывалась волна, оставляя на палубе ледяной след, а мы толпились над бледным радистом Клементьевым, ловя сообщения с «Руслана». Крылов ежеминутно посылал распоряжения. Он предоставил «Малыгина» капитану и забыл про ледокол. Эпроновцами командовали Бобрицкий, Пучков и Хандюк. Крылов был занят только «Русланом». Васин, в несколько часов постаревший и осунувшийся, не уходил из рубки. Миша Клементьев леденеющими пальцами записывал радио; он бросался к моторам и, стоя над аппаратом в изорванной в спешке тужурке, держал связь со своим приятелем Волынкиным.

В течение суток — с ночи до полуночи следующего дня — шли радиограммы, шли до тех пор, пока «Малыгин» не очутился далеко от берегов Шпицбергена.

С «Руслана» поступали все более и более тревожные известия. Мы приводим полный текст радиограмм трех судов за ночь с 4 до 11 часов 50 минут 25 апреля.

РАДИО „МАЛЫГИНА“—„РУСЛАНУ“

Дано распоряжение «Красину» взять вас на буксир. Ожидайте его.

КРЫЛОВ

РАДИО „РУСЛАНА“

Берега и вас не видим, увеличивается.... (Перерыв.) Место свое потеряли, дать не можем. Помощь необходима, лежим в дрейфе, сбиваем лед.

„РУСЛАН“

„РУСЛАН“ — „МАЛЫГИНУ“, КРЫЛОВУ

Уголь очень худой, кочегарка стоит на две вахты. Скорость две-три мили. Курс истинный — двести. Правее этого держать не можем, заливает; необходимо, чтобы какое-либо судно с радиопеленгатором взяло нас на буксир. Всю ночь бродим по пояс в воде, отбиваем. Некоторые получили тяжелые ушибы. Думаю, приблизительное место: долгота 12°20′, широта 77°30′.

КРЫЛОВУ, „КРАСИНУ“ — КОМАНДИРУ

Счисление места потеряно, лежим дрейфе, пловучесть уменьшается.

„РУСЛАН“

„МАЛЫГИН“ — „РУСЛАНУ“, КЛЮЕВУ

Для улучшения дрейфа сделайте пловучий якорь и вытравите становые якоря на глубину по усмотрению. Разыскива м в море тральщик для высылки к вам. Бодритесь.

КРЫЛОВ

РАДИСТ „РУСЛАНА“ — РАДИСТУ „МАЛЫГИНА“ М. КЛЕМЕНТЬЕВУ

Миша, сам знаешь наше дело в таких случаях. Сидишь в рубке сторожем эфира, а вот из слов штурмана нам в таком состоянии недолго продержаться осталось... Лежим в дрейфе на волну, а корка льда все больше нарастает, люди за ней не успевают скалывать.

ВОЛЫНКИН

КАПИТАНУ „РУСЛАНА“

Вася, вместе с тобой все мы переживаем твое бедствие. Надеемся, что твой опыт и энергия команды с успехом справятся в борьбе с арктической стихией. «Красин» возле вас, и еще ищем тральщика.

ВАСИН

РАДИСТ „РУСЛАНА“ — „МАЛЫГИНУ“, ПОЛИТРУКУ РОЗЕНФЕЛЬДУ

Корма со всеми тросами и такелажем представляют... (Пропуск.) Закрытое место... (Пропуск.) Одеяло из льда.... все прибавляется осадков... Медленно, но постепенно тянет судно книзу... Выбросили десять тонн угля и всю воду из баластов... рвут ледяное одеяло в куски чем придется твердым... вся свободная от вахты команда... Крик руководства... штурман Точилов со своими пиратами разбивает... В общем ледяная лапа арктической смерти в океане старается стянуть, сдавить судно. Экипаж не дрейфит, работает все. Судно в дрейфе на волну. Место свое потеряли, нащупывают нас по радио. Остаемся дрейфовать на водяных сопках в ожидании одного из двух вариантов. Счастливого, не нашего пути вам.

РАДИСТ „РУСЛАНА“ ВАЛЕНТИН ВОЛЫНКИН

„РУСЛАН“ — КОМАНДИРУ „КРАСИНА“, „МАЛЫГИНУ“—КРЫЛОВУ

Сильное обмерзание, судно падает до 25 градусов, кочегарку залило водой.

„РУСЛАН“

„РУСЛАНУ“, КОМАНДИРУ КЛЮЕВУ

Работает ли машина, нужна ли помощь, кроме «Красина»? Нужно ли выслать тральщик, который находится Медвежке? Радируйте срочно.

КРЫЛОВ

„РУСЛАН“—„МАЛЫГИНУ“, КРЫЛОВУ, ЛЕДОКОЛУ „КРАСИН“— КОМАНДИРУ

Все время шли курсами в зависимости от обмерзания, крена. Увеличивается пловучесть судна, выбросили весь запас котельной воды. Теперь положение в отношении обмерзания улучшилось. Иду курсом истинным 186. Выпустили пар. Прошу дать радиопеленг.

КЛЮЕВ

РАДИСТ „РУСЛАНА" — РАДИСТУ „МАЛЫГИНА" КЛЕМЕНТЬЕВУ

Дело с каждой минутой все хуже и хуже. Погружаемся медленно, сильное обмерзание.

ВОЛЫНКИН

„РУСЛАН" — „КРАСИНУ", „МАЛЫГИНУ" — КРЫЛОВУ

Вода прибывает в кочегарку, размывает уголь. Выбираем плиты, применяем все усилия откачки, но забивает; быстро удаляем ведрами. Подойдите, если можно, на случай спасения команды.

КЛЮЕВ

Одновременно «Малыгину» передавал донесения командир «Красина» Легздин. Между двумя ледоколами с момента получения первого тревожного радио «Руслана» держалась непрерывная связь.

КАПИТАНУ ЛЕДОКОЛА „КРАСИН" Т. ЛЕГЗДИНУ

Ускорьте отход и прием на буксир «Руслана».

КРЫЛОВ

НАЧАЛЬНИКУ ЭКСПЕДИЦИИ НА „МАЛЫГИНЕ"

«Красин» идет пятнадцатиузловым ходом из Адвентбея. Прошу указать место «Руслана». Затем укажите ваше место.

„МАЛЫГИНУ" — НАЧАЛЬНИКУ ЭКСПЕДИЦИИ КРЫЛОВУ

Получено радио с «Руслана», что вы скрылись горизонта. «Красин» кончил бункеровку, следует в Баренцбург принять своих радистов, сдать консула. После этого следую море за вами.

КАПИТАН ЛЕГЗДИН

НАЧАЛЬНИКУ ЭКСПЕДИЦИИ „МАЛЫГИНА"

24-го в семь часов вечера закончил бункеровку ледокола. Получено тревожное радио «Руслана». После вас он вышел в море. Шел самым полным ходом — пятнадцать узлов. Через полтора часа пришел в Баренцбург, высадил пассажиров. Выход в море невозможен вследствие метели.

ЛЕГЗДИН

НАЧАЛЬНИКУ ЭКСПЕДИЦИИ НА „МАЛЫГИНЕ", КАПИТАНУ „РУСЛАНА"

Несмотря на осутствие видимости, с риском для «Красина» спешу «Руслану» на помощь.

КАПИТАН ЛЕГЗДИН

НАЧАЛЬНИКУ ЭКСПЕДИЦИИ КРЫЛОВУ

Укажите ваше место и курс. Спешу «Руслану». Прошел мыс Старостин.

ЛЕГЗДИН

КАПИТАНУ „РУСЛАНА"

В восемь часов прошел мыс Старостин. Полным ходом спешу к вам на помощь. Если обмерзание продолжается, не лучше ли вам итти фордевиндом? Примите все меры.

ЛЕГЗДИН

„МАЛЫГИНУ" — КРЫЛОВУ

В двенадцать часов подошли на указанное «Русланом» место, широта 78° 02′, долгота 11° 240′. Там его не обнаружил. Идя по радиопеленгу на «Руслан» по курсу № 1/4, нами обнаружен подводный камень, дальше итти—рисковать на камнях «Красиным». Выхожу на более глубокое место, после чего лягу в дрейф до улучшения видимости. Сейчас «Руслан» не отвечает.

ЛЕГЗДИН

„МАЛЫГИНУ" — КРЫЛОВУ

Все время разыскиваю «Руслана».

ЛЕГЗДИН

„КРАСИН"—„МАЛЫГИНУ", КРЫЛОВУ

19 часов 29 минут. Место «Красина» 7 753, 1 146. Ввиду того, что вкралась ошибка на один градус со счисленного места «Руслана», иду курсом 200 на сближение с «Русланом». Его положе не улучшилось после откачки воды для котлов. При первой возможности подойду к «Руслану».

„КРАСИН"—„МАЛЫГИНУ", КРЫЛОВУ

Иду по пеленгу к указанному месту уже тридцать минут.

ЛЕГЗДИН

«Малыгин» уже не слыхал «Руслана». Клементьев напряженно слушал переговоры «Красина» с «Русланом», причем «Руслан» был еле слышен.

Бледный, изнеможденный Клементьев шевелил губами, повторяя то, что он слышит:

— «Красин» — «Руслану»: «Пускайте ракеты... Вот сейчас дает пеленга...» Замолчали.

— Неужели погиб?—произносит про себя радист.— Нет... Нет... Сейчас говорит «Красин»: «Волынкину. Ты гремишь в рубке, сняли антену. Вы совсем близко».

— Ничего не слышно,— об'явил радист. В этот момент заработал «Красин», и Клементьев начал быстро записывать.

„МАЛЫГИНУ"—НАЧАЛЬНИКУ ЭКСПЕДИЦИИ

«Красин» 7 723, 1 128. «Руслан» обнаружить не удалось. Последняя связь с ним была в 23 часа 50 минут. «Красин» сделал все, что в человеческих силах, плохая видимость мешала поискам. «Красин» лежит в дрейфе. Прошу распоряжения.

ЛЕГЗДИН

Быстро Клементьев передал «Красину» распоряжение Крылова, и опять заговорил «Красин». Радист записал первое слово и остановился. Широко раскрылись его глаза, и слезы потекли по щекам, падая на бумагу. Клементьев записывал:

«Руслан» погиб со своей командой. Спустить шлюпку при такой обстановке не было никакой возможности. Дрейф, поиски бесполезны. Прошу распоряжения следовать за вами.

ЛЕГЗДИН

„МАЛЫГИНУ“ — КРЫЛОВУ, ВОЕНКОМУ ВАСИНУ

Наша радиостанция приняла от руслановцев ряд прощальных телеграмм, адресованных «Малыгину». Жду вашего специального распоряжения для передачи вам содержания.

ЛЕГЗДИН

И Миша Клементьев принял последние прощальные радиограммы.

Вот текст этих радиограмм:

КАПИТАН КЛЮЕВ ЖЕНЕ

Воспитай сына... Прости, не мог дать жизни больше. Подробности в газетах.

ТВОЙ ВАСЯ

КАПИТАН КЛЮЕВ — „МАЛЫГИНУ“, КРЫЛОВУ

Доживаем последние минуты. Привет всему коллективу работе... Последний привет малыгинцам.

КЛЮЕВ

РАДИСТ ВОЛЫНКИ I МАТЕРИ

Гибнем в океане на «Руслане». Простите. Все справки пиши на Мурманск, порт. До смерти осталось час, и меньше.

ВАЛЕНТИН

В шторме обледенелый «Красин» продолжал искать «Руслана».

„Малыгин“ стремится к материку

Мгла не рассеивается, налетают снежные вихри, волны едва не опрокидывают судно, они с шипением окатывают обледенелую палубу. Вой ветра, качка. Водолазы заделывают течь, беснуется океан, шторм, и уже потерян счет времени.

К концу вторых суток неожиданно Клементьев услышал позывные тральщика. Он быстро настроился, и густой голос раздался в рубке:

— «Малыгин», алло! Говорит тральщик «Кит»... Тральщик «Кит»... Ты слышишь меня? Какая вам нужна помощь?

— Алло... говорит тральщик «Рыбец»... «Малыгин», ты находишься близко от нас? Сопровождать тебя?

Шторм в корму, кочегары держат пар на марке — четырнадцать узлов. И вот вдали мигнули огни. Из-за горизонта выплыли тральщики. Сверкнули огни правее, и со всех сторон навстречу появляются пятнадцать советских тральщиков. Они все лежат в дрейфе. Они гудят приветы. Мы забываем поблагодарить их за предложение помощи и быстро проходим мимо. В тумане проскальзывает Медвежий остров. Шторм третьи сутки. Белой тучей вылезает земля.

У берегов Норвегии засветило мутное солнце. Шторм не прекращался. Утром двадцать седьмого прошли Варде, и через двенадцать часов ветер упал. Это было у входа в Кольский залив. Кончилась буря. Конец.

В заливе безветренно, солнечно и тепло. С праздничными пестрыми флагами мчатся встречающие суда, и опять, как в Баренцбурге, мы не в силах осмыслить происходящего. Мы выстраиваемся на палубе и смотрим, ничего не понимая, на землю, на берег, кишащий людьми... Протяжно гудят все пароходы на рейсе и в порту.

Стоп машина! «Малыгин» в СССР.

„Малыгин" прибыл в Мурманск

Первомайский привет трудящейся молодежи СССР

Мурманск, 27. (Молния)

Океан пройден «Малыгиным» в шестьдесят семь часов. На всем пути нестихающие штормы. В два часа дня вошли в Кольский залив. В 4 часа 30 минут «Малыгин» отшвартовался к главной пристани Мурманского порта.

Сходя с палубы на землю социалистического отечества, участники экспедиции просят передать первомайский привет трудящейся молодежи Советского союза.

„Мы неслись вперед"

Мурманск, 27. (Молния)

За Медвежьим островом на пути в Мурманск встретили пятнадцать тральщиков, лежавших в дрейфе. Мы неслись вперед.

Пароход «Вятка» ходил в Шпицберген восемьдесят два часа, на «Седове» шли восемьдесят пять часов, «Красин» шел шестьдесят восемь часов, а восстановленный ЭПРОН «Малыгин» проделал рейс в рекордное время — шестьдесят семь часов.

Мурманск, 27. (Молния)

Потрясены встречей в Кольском заливе. Расцвеченные флагами, несутся встречающие нас пароходы. В заливе оркестры, гудки, выстрелы салюдов. Население Мурманска встретило нас в порту знаменами, поздравительными транспарантами. Когда «Малыгин» входил в Мурманск, все стоявшие на рейде и портовых причалах тральщики, лесовозы и пассажирские суда приветствовали ледокол гудками. Полчаса гудели пароходы, пока «Малыгин» не стал у стенки.

Крылов сдал — Филатов принял

Мурманск, 28

Сегодня в полдень на борт «Малыгина» явилась комиссия для приемки корабля. К Крылову и капитану пришли инспектор техотдела управления Севморфлота т. Кайль и капитан Мурманского торгового флота т. Гофман. Они обошли ледокол, осмотрели трюмы, машины, кочегарку, после чего составили акт передачи:

«Сего числа краснознаменный ледокол «Малыгин» входит в состав действующих судов советского торгового флота».

Крылов расписался: «Сдал».

Капитан Филатов подписал: «Принял».

„Руслан“ перевозит водолазов и снаряжение на „Малыгина“

Часть четвертая

Глава первая

Последний рейс „Руслана"

Спустя десять дней после возвращения «Малыгина» телеграф из Норвегии сообщил о том, что у южной оконечности Шпицбергена моторно-парусный бот «Рингсаль» подобрал шлюпку с советским моряками «Руслана» — Бегасовым, Датцеловым и Поповым.

Бекусов, Точилов и Попов лечились несколько месяцев в Тромсе, затем вернулись в СССР и рассказали нам историю гибели «Руслана».

Мы передаем их рассказы.

★

В последний раз «Малыгин» с «Русланом» виделись вечером 24 апреля в Айсфиорде. Прощание произошло на траверзе черной скалы, как раз напротив того места, где на подводных скалах лежал аварийный «Малыгин».

В штурманской рубке «Руслана» стояли капитан Клюев, второй штурман — маленький Владимир Петрович Нагибин, матрос Никашка Антуфьев (тот, кого любила Шура) и сигнальщик Бекусов.

— Дивный красавец наш «Малыгин»!— сказал кто-то с искренним восхищением. И все, глядя вслед удаляющемуся ледоколу, повторили:

— Красавец.

— Хорошо, если бы он таким пришел в Мурманск,— заметил Никашка. — Жаль, что не вместе мы... Что бы Мурманск нас встретил вместе с «Малыгиным»!

И долго еще в рубке смотрели на ледокол, пока не

исчез на горизонте чуть заметный дымок. «Руслан» продолжал итти вперед. Бекусов спросил капитана Клюева:

— Идем вперед?

Клюев, не оборачиваясь, глядя перед собой, задумчиво ответил, как бы разговаривая сам с собой:

— Посмотрим...

Постояв еще немного в рубке, Бекусов спустился вниз. Началась качка; сигнальщик страдал морской болезнью и, почувствовав себя плохо, решил итти в кубрик и лечь спать. Сигнальщик, эпроновец Бекусов, очутился на «Руслане» совершенно случайно. «Руслан», как мы уже отмечали, должен был итти на буксире у «Красина»; для связи с ледоколом сигнальщик явился необходимостью. В экипаже «Руслана» сигнальщика не было, и командование экспедицией назначило Бекусова. Сожалея о том, что он не на «Малыгине» и позднее своих товарищей попадет домой, Андрей Бекусов отправился в кубрик. В камбузе его остановила Шура.

— Может быть, поужинаете?— предложила она, но Бекусов, почувствовав приступ морской болезни, отказался.

— Спасибо. Не могу. Меня море бьет.

— Тогда возьмите соленых огурцов,— нашлась заботливая Шура.

Бекусов спустился в кубрик и лег спать.

— Не знаю,— вспоминает он,— спал я или был в каком-то оцепенении, но я вскочил, чувствуя, что с'езжаю с койки. Слышу — грохот. Упала скамейка, летит со стола медный чайник, отскочила крышка и закружилась. Матросы закричали на чайник:

— Догоняй своих!

— Эй, приятель, шляпу потерял!

Вдруг наверху послышался шум, и в кубрик хлынула вода.

Спавший на верхней койке матрос Михаил Попов вскочил. Мигом в кубрике никого не осталось. Из своей каюты босиком выбежал штурман Герасим Точилов. Я

выскочил наверх и вижу: судно покрыто льдом, качка, палубу заливает, все пристройки, брашпиля, ящики покрыты льдом, и «Руслан» лежит на боку, как подстреленная утка. Точилов подскочил к капитану. Слабо улыбнувшись, Клюев сказал:

— Тонем, Герасим Васильевич.

— Поверни по ветру!— крикнул Точилов.

— Это было в три часа ночи,— рассказывает Г. В. Точилов.— Ко мне прибежал повар и говорит: «Штурман, тонем!» Я выскочил, как был, босиком с валенками в руках, на спардек и вижу, что судно обмерзило и на правом борту большой крен. Вижу, что дело пропащее, и приказываю рулевому Бутакову: «Вправо на борт». Я взял на себя командование,— капитан был внизу. Он хотел открыть полубортик, но волна его захлестнула и едва не унесла в море. Он ушел переодеваться. Я дал полный ход машине, повернул по ветру, выровнял крен и побежал к матросам. Я об'явил аврал. «Иначе,—я сказал матросам,— потонем. Жизни остается полчаса, самое большое, если не успеем,— все кончено!»

Матросы по колено в воде, цепляясь за иллюминаторы, ходили по борту, скалывая лед. Открывали полубортики, перекатывали бочки с треской на левый борт — выравнивали судно; все работали лихорадочно, обмороженными руками кололи лед. Штурман Точилов носился в воде, успевая быть всюду, где нужна была быстрая сноровка. В рубке на руле стоял Михаил Попов.

«Руслан» шел на норд-вест. Точилов был убежден, что через несколько часов судно попадет в полосу теплого течения и обмерзание кончится. Он зашел в рубку к Волынкину, чтобы дать радио в Мурманск о том, что «Руслан» вышел в океан и следует на материк. Тогда некогда было задумываться над загадкой, почему капитан покинул Айсфиорд и вышел в море. Три часа не отвечал «Малыгин». Точилов подумал: «Вероятно, «Малыгину» плохо, и Клюев решил итти на помощь».

— Смотрю, судно опять упало на правый борт. Что-то неладное творится. Я послал Мишу Попова: «Спро-

си, нет ли воды в машине и кочегарке?» В машине Попову ответили: «Все в порядке, воды нет». Но через полчаса раздался свист. «Воды очень много», сообщил механик Павел Меньшиков.

Время от времени промокшие, обледенелые матросы сбегали в кубрик. Они, не умолкая, хохотали:

— Видели, как Петровича хватило волной? Шагов на десять откинуло, а трубка в зубах.

В дверях показался Петрович. Радостный хохот встретил его. Он вошел с мокрой фуфайкой в руках, в кальсонах, и, цепляясь ногами за распутавшиеся шнурки и дымя своей трубкой, горделиво сказал:

— Хотите знать, меня чуть не унесло. А?

В кубрик вбежала Шура. Она кого-то разыскивала среди матросов, но столкнулась с Петровичем и, смутившись, умчалась наверх.

Медленно вошел Точилов. Лицо его было серьезно, как никогда, и хохотавшие матросы стихли. Помолчав немного, Точилов сказал:

— Отдохните, ребята, но опасность еще не прошла.

Из машинного отделения в этот момент послышался неясный звук. Кто-то спешил наверх. В кубрик заглянул Сергей Воронцов.

— В кочегарке течь,— сказал он,— фонтанит.

— Сильно?

— Здорово, даже плиты срывает.

— Все наверх!— раздался призыв, и опять опустел кубрик.

Точилов спустился в кочегарку, и его глазам представилось страшное зрелище. Кочегарка была залита водой. От ударов волн отскочил цемент, открылась течь и в довершение всего не работали помпы. Из-под котла бил фонтан. Вторая течь открылась в машинной переборке, и вскоре переборку сломало. Матросы принялись отливать воду кадками и ведрами, но течь все усиливалась, и напрасны были усилия вычерпать ведрами затопленную кочегарку.

— «Красин» идет к нам,— бодрил матросов Точилов, но сам уже придумывал способы спасения.

В одиннадцать часов ночи затопило всю кочегарку и машину. Туман и мгла на море. «Руслан» продолжал крениться, опускаясь правым бортом под воду. Сигнальщик Бекусов понял: «Руслан» гибнет.

— «Спасения нет», подумал я и решил: надо итти в кубрик, лечь спать: так, сонный, я и потону.

Обмороженные, обессиленные от суточного аврала матросы бросили ведра.

— Я спустился в кубрик,— рассказывает Бекусов,— и лег. Засыпаю. Но вот слышу грохот, кто-то спускается в кубрик. Вбегают кочегары Колька Иванов и Гришка Сальников. Они смеются, поют, отбивают чечетку, как будто на празднике. Гришка пустился в присядку и кричит: «Сигнальщик, вставай, идем загибаться!» Они стали переодеваться. Я подумал: что же, зачем мне оставаться погибать?

По пароходу озабоченно бегала Шура, собирая сухари и продовольствие. Капитан отправился в радиорубку давать прощальные радиограммы. «Руслан» вздымался на волнах, лежа на боку и все глубже и глубже погружаясь под воду. Точилов позвал боцмана, и они вдвоем стали пускать ракеты. Но в темноте тумана они гасли слабыми искрами. Штурман спустился в машину и тихо сказал Михаилу Нетленному:

— Иди готовь шлюпки.

С песнями бегали кочегары. На спардеке матросы возились со шлюпкой. Валентин Волынкин заканчивал передачу прощальных радиограмм.

У шлюпки встретилась Шура и Николай Антуфьев.

— До свиданья, Никашка,— сказала она и отвернулась.

Николай взял ее за руку.

— Брось Шура. Брось плакать.

На накренившемся правом борту шлюпка висела, касаясь воды. В шлюпку сели три кочегара, Николай Иванов, матрос Ларионов, Шура, боцман и повар Яро-

шенко. Из радиорубки спокойно вышел Валентин Волынкин. Он держался прямо в своей черной военной шинели и нес на руках радиоприемник.

Штурман Точилов, в своей жизни немало видавший героев, с изумлением и восторгом рассказывает о радисте:

— Волынкин вышел с приемником. Совершенно непоколебимый человек. Он подмигнул и, сказав: «Теперь я готов», вскочил в шлюпку. Ударила волна, и шлюпку отнесло от борта.

В последнюю секунду Точилов заметил, что у Шуры на ногах легкие ботинки.

— Шура, возьми!— крикнул он и бросил ей свои валенки.

Шлюпка обошла вдоль борта. Николай Антуфьев смотрел на Шуру и вдруг кинулся в воду к ней. Сильная волна выкинула его обратно на спардек. Антуфьев схватил спасательный нагрудник, желая броситься и плыть к шлюпке, но не мог завязать на спине тесемки.

— Завяжите, ребята,— просил он.

Но никто не отпускал его вплавь. Николай умолк и все смотрел вдаль. Между тем Точилов принялся спускать вторую шлюпку. Штурман сложил в шлюпке одеяла, хлеб, сухари, компас и часы из салона. Попов побежал в кубрик. Он рассказывает:

— Мне есть очень захотелось. Забежал в камбуз. Лежит буханка хлеба. Ребята кричат: «Садись скорей, а то уедем!» Я откусил раза два от буханки и бросил. Смотрю — Бекусов. «Идем в шлюпку», говорю ему...

Тринадцать моряков с трудом столкнули в воду шлюпку. Волна захлестнула их, залила все: сухари и хлеб поплыли. Точилов стоял на носу шлюпки.

— Я видел, и все мы смотрели, как «Руслан» погружается в воду. От'ехав, мы еще раз увидели первую шлюпку; я увидел Волынкина. Он стоял во весь рост с приемником в руках. «Руслан» начал погружаться в воду, точно магнитом его тянуло, и нас потянуло в

водоворот. Насилу от'ехали, и вот уже не видно ни «Руслана», ни шлюпки...

Вольны заливали шлюпку Точилова, но это была спасательная шлюпка — она держалась на воздушных ящиках.

— Накатывается волна... Секунда — гибель... Еще миг — волна прокатит, и все опять в хорошем настроении. Но мы стали быстро замерзать. В мокрой фуфайке стоял Петрович, и скоро все заметили, что с ним творится неладное.

Глава вторая

В шлюпке остались трое

Дальнейшая история экипажа погибшего «Руслана» дана нами по рассказам Точилова, Попова и Бекусова. Мы дословно передаем их воспоминания. Рассказ одного, дополняясь наблюдениями другого, создает общую картину странствования руслановцев.

— В шторме, сквозь ветер и темноту Ледовитого океана, неслась наша вторая шлюпка с тринадцатью моряками. Шторм — восемь баллов. Видимости никакой. Я встал на носу, — рассказывает Точилов, — чтобы наблюдать, как идет волна. Матросы гребли; кто вычерпывал воду, кто помогал на веслах, а волна накатывается, растет, близится и... «Держись! Держись!» кричу я. Все исчезает из глаз... Взлет, потом падение в пропасть, и мы под водой, вот, кажется, ринулись на дно. И вдруг опять взлет, волна мимо, мы несемся вперед — и так каждое мгновение. Волны захлестывают нас пеной, но вот пронеслись, и опять нам радостно... Мокрые, насквозь пронизанные ветром, ребята не перестают грести, одежда на нас леденеет; несмотря на все это, никто не страшился шторма, и паники среди нас не было.

Я плаваю двадцать шесть лет. Десятилетним ребенком меня отдали на рыбачий парусник. Я плавал на

шхунах; мы охотились за морским зверем, по три месяца не видели земли, переживали ужасы, погибали, и, когда приходилось с минуту на минуту ждать смерти, мы проклинали все на свете, проклинали хозяина, матросы сходили с ума от злобы и ненависти. И вот я в шестой раз в жизни спасаюсь. Я смотрю на своих руслановцев. Я вижу, как тяжко приходится молодежи-морякам, но я чувствую, что все они внутренне собой гордятся. Нам было жаль нашего старого, ветхого «Руслана», но мы думали: правительство и все наше государство знают, как экспедиция спасала «Малыгина», знают, что и мы, руслановцы, вместе со всеми работали честно, отдавая свои силы. Сейчас, в это же время, «Малыгин», живой, вырванный у подводных скал, идет к родным берегам, и, если все благополучно, он уже, наверное, кончает рейс. Завтра, двадцать седьмого, он будет в Мурманске, а ведь это и наших рук дело, и наша победа. «Правительство недаром доверило нам и отправило в Арктику. Победа за нами; значит, жизнь прожита недаром, — думали мы в шлюпке. — И, если приходится умереть, так есть за что». Стихия Арктики — тот же фронт. На этом фронте победа, а мы, руслановцы, маленький взвод и, как в бою, попали под самый огонь, но мы и тут надеялись победить и не теряли духа, не боялись смерти!..

...Шторм не стихал, волны швыряли, заливали шлюпку, и вскоре руслановцы стали замерзать. Изогнувшись, гребли матросы, пряча лица от ледяного ветра.

На корме, опустив в задумчивости голову, сидел капитан Клюев, опираясь на ружье, с которым он бывало ходил охотиться за нерпами. Он был поглощен своими мыслями и не обращал внимания на то, что творилось вокруг. Клюев сидел так тихо, что все забыли о его присутствии. Кто знает, о чем думал молодой романтик? Он одиноко переживал трагедию...

Точилов взял на себя командование, и руслановцы теперь слушались старшего штурмана.

— Скоро, милях в десяти, должен быть берег, — ска-

Бекусов, спасшийся после гибели „Руслана".

зал Точилов, чтобы ободрить моряков. — Шлюпка идет на ост.

— Штурман, — рассказывает Михаил Попов, — все время ободряюще кричал, веселил команду, и я понял: надо слушаться старого моряка. Я плаваю первый год и в первый раз пошел в дальнее плавание. Точилов плавает третий десяток, он опытен и выведет нас. Но он сам замерзал. Валенки свои он бросил в шлюпку Шуре, пальто его надел Бекусов. Точилов силами слабее нас всех, а держался так, как будто ему жарко и он даже потеет. Я решил: буду следить за ним и стану

делать то, что и он, и ребятам накажу так же поступать...

Три часа прошло с тех пор, как тринадцать руслановцев в последний раз видели свое тонущее судно. Штурман Петрович (ему не оказалось места) стоял в мокрой, изодранной фуфайке, сквозь которую виднелась знаменитая жилетка. Он потерял свою трубку, и лицо его без трубки приняло детское, виноватое выражение. Рот его раскрылся. Он долго стоял, точно желая что-то спросить, а потом опустился на колени и забился под банку. Свернувшись под одеялом, он походил на ребенка и тихо лежал, изредка высовывая лицо с раскрытым ртом. Спустя некоторое время матросы стали замечать, что Петрович повел себя как-то странно. Сначала все подумали, что маленький штурман шутит. Стоя на носу, глядя на приближающуюся волну, Точилов скомандовал:

— Право табань — лево на воду!

Высунув из-под одеяла лицо и подражая голосу Точилова, Петрович крикнул:

— Право табань — лево на воду!

В шлюпке рассмеялись, но потом все заметили, что Петрович повторяет каждое слово команды старшего штурмана.

— Он промок насквозь, — рассказывает Попов. — Его сразу пронзило ветром и ум вышибло. Он все повторял и повторял, что ни говорили.

— Черти полосатые! — крикнул Попов товарищам.— Шевели ногами, крути головой, а то замерзнете!

— Черти полосатые! — эхом раздалось из-под банки. Матросы перебили:

— Петрович, не психуй!

— Петрович, не психуй! — вскрикнул малыш, и все поняли, что он сошел с ума. Он повторял слова все тише и тише и незаметно умолк. Под одеялом свернулось маленькое тело, и, когда товарищи открыли одеяло, они увидели улыбающееся лицо. Маленькие руки держались за карманы, где он хранил ключи от сунду-

Точилов, спасшийся после гибели „Руслана".

ков «Руслана». Друзья подняли его и спустили за борт шлюпки. Молодой моряк исчез в пучине со своими любимыми ключами.

Быстро замерзал Николай Антуфьев. Моряков уже мучал голод. В шлюпке не осталось продовольствия: все смыло, и только у третьего механика оказались с собой две банки консервированного молока. Моряки пробили дырки в банках и по очереди сосали молоко. Антуфьев греб и, повернувшись к Попову, попросил:

— Дай мне, кажется, замерзаю.

— Возьми, есть еще немного. — Попов приставил банку к его губам.

— Прощайте, ребята, — сказал Николай и взял Попова за руку.

— Он взял меня за руку, — вспоминает Попов друга. — Я одной рукой гребу, а другую он держит, не выпускает.

Несколько минут Антуфьев, держа руку Попова, замирающим голосом произнес:

— Прощайте, ребята... Передайте Шурке...

Он умер неслышно — затих, прислонившись головой к плечу друга.

Шторм все усиливался.

— Скоро... скоро земля! — кричал Точилов. — Налегай, ребята! Я вижу землю.

— Налегай! — вторил Попов. — Скоро! И я вижу берег.

Не видел земли Точилов, и место было потеряно. Он не знал, где находится, но беспрестанно кричал:

— Еще, еще нажмем, скоро берег!..

Утром двадцать шестого умерли капитан Клюев и Павел Семенов. К девяти часам шторм ослабел, море стало успокаиваться, волна пошла круглее, небо прояснилось, туман, расползаясь, открывал стихающее море, освещенное слабыми лучами скрытого за тучами солнца.

— Скоро, скоро берег, — не переставал уверять Точилов, и так он твердил весь день 26 апреля.

Моряки уже не слушали его, но все же гребли поочередно. Леденели ноги. Матросы отморозили руки и не могли сгибаться в окаменевшей одежде.

Прошел день. Точилов упорно кричал: «Скоро земля!» Под утро двадцать седьмого скончался механик Павел Меньшиков. В этот день сошли с ума Иван Нетленный и кочегар Жорж.

Иван Нетленный, скинув с ног одеяло, внезапно поднялся и пошел к носу шлюпки.

— Куда ты? — задержал его Бекусов. — Стой, перевернешь шлюпку.

— Не держи меня, — строго промолвил Иван. — Не указывай! Мне братья сказали: домой итти.

Он медленно вернулся на прежнее место, лег и уже

больше не вставал. После Нетленного умерли механик Бобонский и кочегар Жорж.

На третий день, когда из-за голода и жажды оставшиеся в живых стали терять последние силы, Точилов радостно крикнул:

— Верьте мне, ребята! Все время врал, чтобы дух в вас поднять, а теперь говорю правду: берег близко, смотрите!

На горизонте показались высокие ледниковые горы. Руслановцы увидели знакомые шпицбергенские сопки. Они узнали прозрачные пирамиды и пышные снега на склонах.

— Близок берег! — воскликнул штурман.—Теперь все зависит от нас.

Шлюпка быстро неслась вперед к белым горам.

— Нажмем, — ожили руслановцы. И опять начались смех и шутки.

Но штурман, открывший горы, не смеялся. Он почему-то не разделял всеобщей радости.

Продолжая глядеть на горы, Точилов больше не подгонял матросов, и хотя лицо его осталось попрежнему спокойным, однако у Попова зародилось подозрение: почему он теперь молчит, когда все ясно видят берег, горы и утесы? Отчего он не командует? Настойчиво следил Попов за штурманом и глядел туда, куда смотрит Точилов.

— В чем дело, штурман? — незаметно для других спросил он. — Ведь мы спасены. Виден берег.

— Да, скоро... скоро... — торопливо ответил Точилов, не переставая глядеть на ледники, и вдруг Попов обратил внимание на непонятное явление. Одна из гор пошатнулась и... раскололась. Острая вершина горы свалилась набок и повисла в воздухе, как облако.

Ледники, качаясь, поползли вдоль горизонта и поднялись над морем.

— Мираж, — прошептал штурман и резко повернулся к Попову, уставившись в него пронзительным взглядом. Никто в шлюпке не заметил случившегося. Точи-

лов с тревогой ждал, что скажет Попов. Матрос как ни в чем не бывало опять взялся за весло.

Над морем между тем опять спустился туман. Из всех сил гребли руслановцы, но скоро видимость пропала, и некоторые оставили весла; озираясь по сторонам, матросы напрасно искали заветные горы.

— Чорт побери! — закричал Попов. — Сколько в нас лени! Плохо гребли и упустили землю. Давайте наверстывать!

Невыносимая жажда мучила руслановцев. Ножом соскабливали они лед со своих шуб; ползая по лодке, собирали льдинки с сапог; снимали сосульки с усов и глотали.

Сидевшие на веслах то и дело просили:

— Поскобли на банке, выбери льдинку повкуснее.

Крохами льда делились моряки, но силы их покидали, и уже никто не мог грести.

— Васильич, — предложил Попов штурману, — хорошо, если бы у нас был парус.

— Попробуем сделать.

— Из чего же?

— Из простыни.

Под банкой Попов нашел среди одеял простыню. Не гнулись окоченевшие пальцы, но все же Попову удалось соорудить парус. Матрос прорубил в банке дырку и вставил весло. По указанию Точилова он установил парус, и ветер потащил шлюпку.

...Умирал машинист Сергей Воронцов. Засыпая, он знаком попросил склониться над ним.

— Идите, ребята, в кочегарку, — сказал он, — там у меня хлеб и вода... Возьмите себе. Возьмите, честное слово, обижаться не будете...

Гриша — электрик — лежал на банке и, умирая, тихо, убеждающе просил:

— Спишите меня, ребята, за борт. Я вам не работник.

В шлюпке осталось трое.

Сигнальщик Бекусов еще сохранял энергию. Он был

теплее всех одет и, поджимая ноги, сумел остаться сухим. Точилов и Попов замерзали.

Наступил пятый день со времени гибели «Руслана». Нет пищи, нет воды и — что ужасней всего — уже нет сил.

Накрывшись одеялами, Попов лег у паруса и закрыл глаза. Прошел час, матрос почувствовал, что засыпает; он силился подняться, но не мог. Он уже было заснул, как вдруг его пробудил стук топора.

— Вставай, — услыхал он над собой голос Точилова, — у нас есть много-много отличной пресной воды.

Стук топора опять повторился. Не раскрывая глаз, Попов промолвил:

— Что такое, чего вы там стучите?

— Вставай, — повторил штурман, — поднимайся скорее. У нас есть вода.

Глава третья

У берегов Гренландии

Не чувствуя ног, не владея руками, Попов напряг последние силы, перевернулся на бок, открыл глаза и невольно вскрикнул. Он не верил своим глазам. Увидев, что делает штурман, Попов мгновенно пришел в себя и поднялся на колени.

С топором в руках Точилов качался на дне шлюпки — рубил и рубил воздушный ящик.

— Остановись! — воскликнул Попов, подумав, что штурман сошел с ума. — Стой, что ты делаешь? Шлюпку разобьешь!

— Молчи, — опять сказал Точилов и, опустив топор, подполз к Попову. — Я узнал... да ты сам послушай.— Протянув дрожащую, посиневшую руку, Точилов взял матроса за воротник, потащил за собой и пригнул его голову к воздушному ящику. — Слышишь?

Напряженно вслушиваясь, матрос вдруг услыхал тихий плеск воды внутри ящика.

— Чуешь? — радостно засмеялся штурман. — Слышишь, как болтается вода? Я уже был без чувств, но услышал — вода плещется. Стоп, Миша, подождем умирать, сейчас будет вода.

— Позволь, — удивился Попов, — каким образом там оказалась вода? Я ведь знаю: воздушный ящик, со всех сторон закупорен так, что в него даже воздух не проходит.

— Я тебе говорю, что там вода, — рассердился Точилов. — Молчи.

Взмахнув топором, штурман ударил по ящику. Матрос отодвинулся в сторону.

Удар за ударом слышал Попов. Звук топора больно отдавался в ушах. Но вот удары прекратились, и топор упал.

— Как дела? — спросил Попов.

Штурман повернулся к нему, и матрос увидел его лицо, перекосившееся в странной улыбке.

— Горькая какая-то, — тихо сказал Точилов, и его передернуло от отвращения.

Из разрубленного воздушного ящика вытекала коричневая тягучая жидкость, походившая на клей.

— Это... это и есть твоя вода?

— Она, — тяжко вздохнул штурман. — Как я, дурак, не догадался раньше? Это масло. В ящик налили масла, вероятно для того, чтобы не получилось окиси медного купороса, которая может с'есть медяшку. Придется терпеть, Миша. Но я сильно хватил этой «водицы», мутит меня, Миша, нет спасения.

Последние слова Точилова, произнесенные с горькой усмешкой, прозвучали страшным предопределением.

— Нет спасения, — закрывая глаза, прошептал Попов, но в этот момент кто-то с лаской коснулся его щеки.

Нежное прикосновение пробудило впадающего в забытье матроса. Шевельнув губами, он почувствовал во рту свежую влагу.

— Снег, друзья! — воскликнул Бекусов, и матрос порывисто вскочил.

В воздухе кружился снег. Неслышно, с тихим ветром снег покрывал шлюпку, и счастливые руслановцы, лежа на спине, ловили губами спасительные снежинки. Трое м ряков, смолкнув от счастья, лежали в шлюпке, боясь пошевельнуться, точно движение вспугнет кружащийся снег и он унесется, как вспугнутая стая птиц.

— Я лег под одеяло, — рассказывает Попов, — и мне туда нанесло снегу. Я лежал, не вынимая рук, и так вот лизал снег языком, насколько хватало головы...

— Чудесный, сладкий снег, — вспоминает Бекусов. — У нас снова поднялись силы, мы почувствовали жизнь. Мы стали на колени, сгребали снег в кучу и ели, ели...

— Штурман! — раздался бодрый, окрепший голос Попова. — Знаешь, что было бы хорошо? Развести бы нам огонь. Руки погреем.

— Я думал об этом, — ответил Точилов. — Досок можно нарубить с банок, и будет вполне достаточно для костра. Но мы сожжем шлюпку.

Изобретательный матрос немедленно нашелся:

— В ведерке можно развести.

— Отлично, — одобрил штурман, вытаскивая спички.

У моряков были захвачены с собой две коробки спичек, и Попов нашел их в промокшем ящике, где лежали остановившиеся часы. Как и следовало ожидать, спички отсырели. С глубоким разочарованием Попов протянул Точилову мокрые коробки.

— Ничего страшного, — сказал штурман и высыпал на ладонь. — Мы их быстро просушим.

— Положим на печку?

— Нет, — серьезно ответил Точилов, — далеко ходить. Можно быстрее.

Штурман снял шапку и положил спички в волосы.

Снег разнесло, но руслановцы напились достаточно для того, чтобы не испытывать жажды, и еще более мучительно почувствовали забытый голод. Пять суток мороза, пять дней и ночей без сна и еды окончательно

обессилили их. Снег подбодрил, пробудил от смертельного сна, но никто из них уже не мог двигать руками, и опять трое легли на банки, надеясь немного сохранить энергию.

— Установим вахту,—предложил Точилов. — По пятнадцати минут каждый из нас будет отливать воду.

— Идет, — согласились моряки, и Бекусов взял ведро.

Молодой сигнальщик чувствовал себя крепче остальных. В последнее время он один отливал воду и заботился о состоянии шлюпки, но к концу пятых суток и Бекусов лишился сил. Он ползал по шлюпке и, желая зачерпнуть ведерком воду, должен был падать грудью на дно. Медленно приподнимаясь, держа бесчувственными пальцами ведро на груди, он падал на край шлюпки, свешиваясь за борт, и выливал воду. Так он вычерпывал воду минута за минутой. Штурман с матросом лежали, накрывшись одеялами, и время от времени Точилов слабым голосом просил:

— Бекусов, окликай нас. Буди. Иначе замерзнем.

Внезапно Бекусов услыхал над собой шелест и хлопанье крыльев. Он поднял голову и увидел птиц. Онемев от неожиданности, сигнальщик умоляюще протянул руки к птицам. Он хотел посвистать, позвать птиц, но понял всю бессмысленность своего намерения. Птицы кружились над шлюпкой; одна из них опустилась и села в трех дюймах от лица Бекусова. Казалось, стоит сделать одно движение — и можно схватить птицу зубами. Сигнальщик вздрогнул. Серая птица вспорхнула, стая улетела прочь и больше не появлялась. Развести огонь стало единственным стремлением умирающих моряков. В волосах штурмана спички высохли, зубами Точилов попробовал крепкие головки. Теперь оставалось собрать щепки. Под парусом валялись расщепленные доски от воздушного ящика. Попов собрал щепки, сложил пирамидой и потянулся за спичками.

— Нет, — глядя куда-то в сторону, сказал штурман, и Попов, к своему ужасу, увидел на его лице знакомую гримасу горькой улыбки.

— Спички ведь высохли, — уже чувствуя недоброе, испуганно произнес Попов. — Сейчас зажжем.

— Нет... ничего не выйдет, — отвернулся штурман, бросив Попову коробку.

Матрос подхватил спички и тотчас понял причину горечи Точилова: шкурка на коробках совершенно расползлась, превратившись в жижу.

— Миша Попов посинел, — рассказывает Бекусов. — Штурман лег, и я почувствовал, что жизни ему осталось не более, чем на два часа. Он еще принял вахту, откачивал воду, я отдыхал. Он долго вычерпывал воду ведром, и я спохватился, заметив, что штурман работает уже около часу вместо пятнадцати минут. Я взял у него ведро. Точилов лег. Миша Попов, натянув на себя одеяло, сказал: «Прощайте, ребята. Прощай, Бекусов, прощай, Герасим Васильевич. Я больше не буду вставать». И он больше не вставал. Все же штурман приказал: «Окликай нас!» И я каждую минуту кричал: «Шевели ногами, крути головой — замерзнешь». Штурман приподнимался и хвалил меня слабым-слабым голосом: «Молодец, Бекусов, так, так нас...» Я вычерпывал воду и, свешиваясь через шлюпку, начинал думать: «Еще раз, еще — и упаду за борт».

...В Арктике с начала апреля устанавливается круглосуточный свет. День и ночь ходит солнце, день и ночь неотличимы. Не знали дня и ночи, потеряли счет времени потерпевшие кораблекрушение руслановцы. Временами сгущалась темнота, и они заключали, что это ночь, но то могло быть и туманом. Во все дни странствования менялись ветры, шторм то затихал, то снова раз'ярялся, и еще ни разу за все пять суток не показывалось солнце. Но к утру шестого дня, когда двое умирали, а третий от изнеможения рисковал свалиться за борт, тучи разошлись, исчез туман и засверкало солнце.

— Стало радостно и как будто легче. Я сознавал, что скоро кончится жизнь, бросил ведерко и решил: пока есть хоть немного жизни, я должен дать знать, как мы

умирали, как погибли советские моряки из экипажа «Руслана». Пусть не подумают, что мы дрейфили. Я решил написать и оставить в шлюпке записку с прощальным приветом. В кармане нашлись карандаш и листок бумаги, и я хотел написать, но мокрая бумага разрывалась. Вспомнив, как поступил штурман со спичками, я положил бумагу под шапку, но сразу подумал: «Пока она просохнет, я кончусь». Тогда я стал писать на парусе. Лишь только я принялся писать, гляжу — штурман поднимается, вытягивает голову.

...Прозрачен голубой воздух. Успокоившееся море отразило синее небо. В ярком свете солнца открылась даль океана. Под надувшимся парусом по тихой воде скользила шлюпка. Это было на заре 1 мая.

— Мотор! — сорвался крик с посиневших губ Точилова, а Бекусов подозрительно посмотрел на штурмана.

— Какой тут может быть мотор? — отозвался Попов. — Тебе мерещится, штурман.

— Мотор! — вытянулся Точилов. — Я слышу, не мешайте.

— И я слышал...—прохрипел Бекусов. — Я воду твою слышал и горы видел...

— Мотор! Замолчите!

— Это в ушах звенит,—заклокотал голос Попова; он хотел рассмеяться.

— Стой, — настороженно промолвил Бекусов, — не может быть, чтобы нам двоим мерещилось. Сейчас и я слышу.

В тихом воздухе явственно застучал мотор.

— Сигнальщик, — взволнованно бросил штурман, — поверни голову, посмотри. Я не могу.

Мотор слышался все ближе и ближе. Бекусов приподнялся и повернул голову.

— Парусный бот! — воскликнул он. — Идет к нам полным ходом.

Моряки приподнялись, стеная от боли и радости. На фоне синего неба неслись ослепительно белые паруса;

к шлюпке летел моторно-парусный бот, и руслановцы увидели на палубе машущих людей. Точилов прочел:

— «Рингсаль». Норвежец. — Подняв руку, он хотел взмахнуть фуражкой, но беспомощно упал.

Дальнейшее читателям известно из публиковавшихся в газетах интервью трех спасенных. Норвежский моторно-парусный бот случайно подобрал руслановцев невдалеке от Гренландии, в ста сорока милях от Исландии, на северо-западе от Зюд-Капа.

«Рингсаль» промышлял морского зверя, но неудачно, и капитан решил итти к Шпицбергену. По пути норвежцы заметили в океане бедствующую шлюпку (это было в шесть часов утра 1 мая) и приняли советских моряков на борт своего судна.

Исключительной заботливостью окружили руслановцев норвежские моряки. Капитан и штурман отдали им свою каюту. Пораженные приключениями советских моряков, они не отходили от их коек, и капитан повторял:

— Да, вы настоящие железные мореходы — советские моряки.

Он хлопал по плечу Герасима Точилова и, глядя на его голову, в которой не было ни одного седого волоса, каждый раз говорил:

— Живой, как рыба.

Шторм заставил «Рингсаль» уходить к Шпицбергену. Капитан хотел сдать спасенных в Баренцбург, но, лишь погода изменилась к лучшему, он пошел к берегам Норвегии; через восемь дней «Рингсаль» пристал к Тромсе. Несметные толпы публики встречали «Рингсаль», и впереди стоял прибывший из Осло заместитель полпреда СССР. Женщины бросали цветы.

Восторженно Тромсе принял трех руслановцев. Консулы различных государств, корреспонденты, фотографы беспрестанно посещали больницу, и до сих пор Тромсе полон рассказами о неслыханных переживаниях советских моряков.

Солнечный день. Шумят, сверкая на солнце, стремительные петергофские фонтаны. По аллеям, среди роскоши цветов и фонтанов, гуляют ленинградцы. С Точиловым и Поповым гуляем мы у золоченых скульптур, и под журчание фонтанов вспоминаем кипучие дни авралов в Айсфиорде.

— А знаешь, — внезапно говорит Точилов, — в Архангельске наш красавец скоро будет готов. Наш «Малыгин».

— В будущую навигацию он пойдет расшибать льды, — подхватывает неразлучный Попов.

И опять с увлечением рассказывают руслановцы о своих испытаниях. В их голосах сквозит счастливая гордость. Моряки советского флота счастливы плавать под флагом СССР, счастливы жить под этим флагом и бесстрашно побеждать стихию.

Содержание

Цена 1 р. 50 к.
Переплет 40 к.